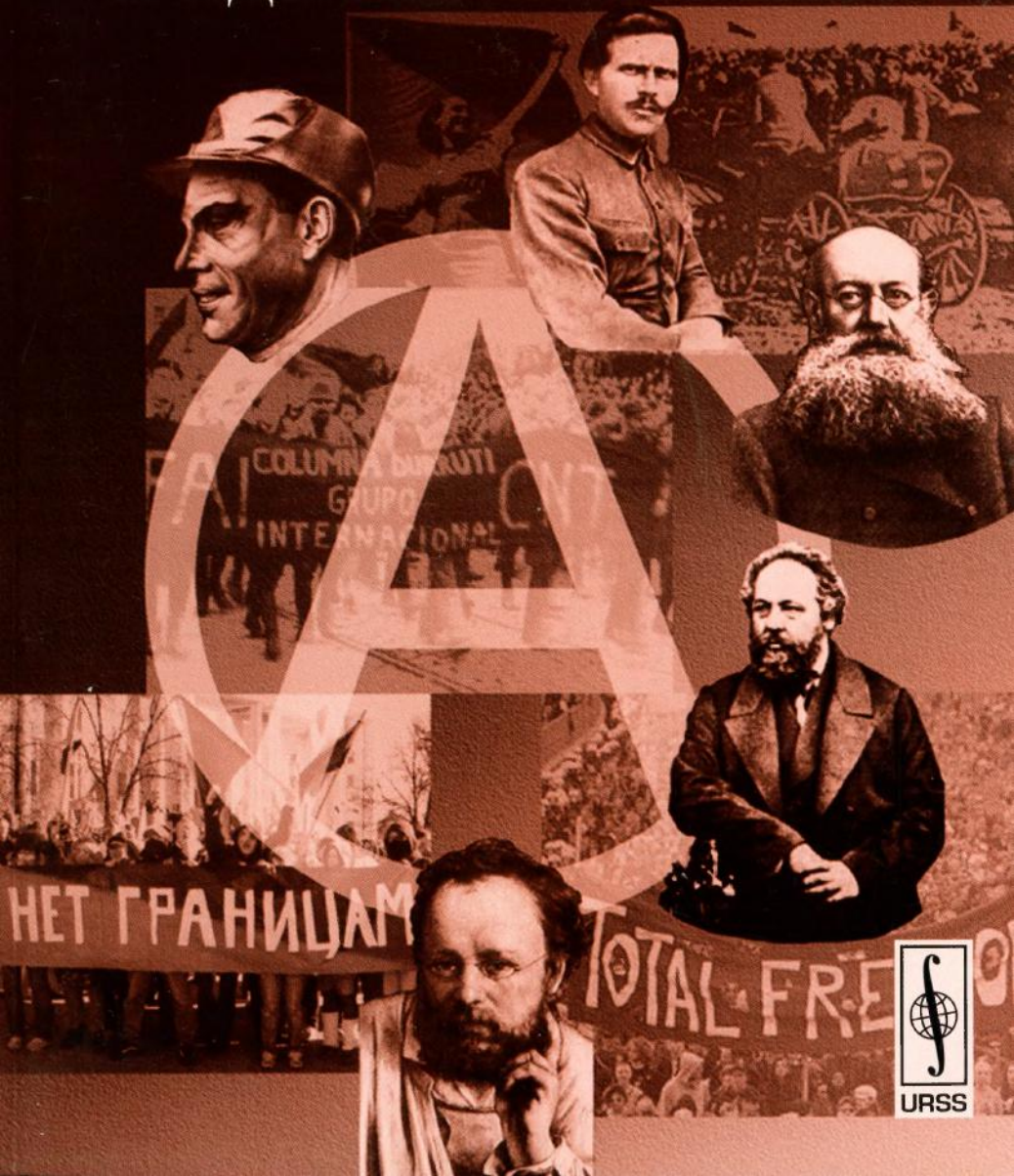

РАЗМЫШЛЯ ОБ АНАРХИЗМЕ

Э. Реклю

ЭВОЛЮЦИЯ, РЕВОЛЮЦИЯ И ИДЕАЛЫ АНАРХИЗМА

Размышляя об анархизме

Élisée Reclus

L'ÉVOLUTION, LA RÉVOLUTION
ET L'IDÉAL ANARCHIQUE

Э. Реклю

ЭВОЛЮЦИЯ, РЕВОЛЮЦИЯ И ИДЕАЛЫ АНАРХИЗМА

Перевод с французского

Издание второе

URSS
МОСКВА

Реклю Элизе

Эволюция, революция и идеалы анархизма: Пер. с фр.
Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 104 с.
(Размышляя об анархизме.)

В настоящей книге, автор которой — известный французский ученый-географ, политический деятель и теоретик анархизма Э. Реклю, рассматриваются понятия «эволюция» и «революция» как две последовательные стадии процесса общественного развития. Автор подчеркивает неразрывное единство эволюции и революции в деле социального освобождения человечества.

Рекомендуется историкам, философам, политологам, а также всем, кто интересуется историей социально-политических учений.

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 9.
Формат 60×90/16. Печ. л. 6,5. Зак. № 1870.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-397-00273-8

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008

6429 ID 81736

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

I.

Эволюція есть безконечное движеніе всего существующаго, непрерывное измѣненіе міра какъ въ цѣломъ, такъ и въ его частяхъ, отъ начала вѣковъ до безконечности. Млечные пути, видимые въ неизмѣримомъ пространствѣ, образуются и исчезаютъ въ теченіе милліоновъ и милліардовъ вѣковъ; звѣзды, свѣтила рождаются, скопляются, умираютъ; движеніе нашей солнечной системы съ его центральнымъ свѣтиломъ, его планетами и лунами, все, что находится въ узкихъ предѣлахъ нашего земного шара, вновь возникающія и исчезающія горы, океаны, образуящіяся съ тѣмъ, чтобы потомъ высохнуть, ярко блестящія въ долинахъ рѣки, которыя высыхаютъ подобно утренней росѣ, поколѣнія растений, животныхъ и людей, слѣдующихъ одно за другимъ, милліоны незамѣтныхъ маленькихъ существъ отъ человека до насѣкомаго—все это явленія всеобщей великой эволюціи, увлекающей все въ своемъ безконечномъ движеніи.

Въ сравненіи съ этимъ основнымъ фактомъ міровой эволюціи, что значать эти маленькія явленія, называемыя революціями астрономическими, геологическими или политическими!—Едва замѣтныя движенія, почти ирризрачныя.

Милліарды милліардовъ революцій смѣняють другъ друга въ міровой эволюціи. Но какъ бы малы онѣ ни были, онѣ являются частью безконечнаго движенія.

Такимъ образомъ, наука не видитъ никакого противорѣчія между этими двумя словами: эволюція и революція, которыя очень сходны между собою, но которыя въ обыденной рѣчи употребляются совершенно въ иномъ смыслѣ, различномъ отъ ихъ первоначальнаго значенія. Не видя въ нихъ явленій одного и того же порядка, различающихся только по степени, трусливые люди,

бопящиеся всяких переменъ, придаютъ этимъ двумъ словамъ совершенно противоположный смыслъ. Эволюція—синонимъ постепеннаго развитія, совершающагося въ области идей и нравовъ,—понимается ими, какъ нѣчто противоположное этой страшной вещи—революціи, представляющей собой болѣе или менѣе рѣзкія перемены въ міровой жизни. Съ кажушимся или даже искреннимъ энтузіазмомъ говорятъ они объ эволюціи—медленномъ развитіи, совершающемся въ мозговыхъ клѣткахъ, въ головахъ и сердцахъ; но имъ нельзя говорить о страшной революціи, которая возникаетъ внезапно въ умахъ, выливается на улицы, сопровождаясь иногда неистовыми криками толпы и громомъ оружія. Прежде всего скажемъ, что эти люди обнаруживаютъ только свое невѣжество, воображая, что между эволюціей и революціей существуетъ такая же разница, какъ между мирной войной, между мирной жизнью и насиліемъ. Иногда революціи могутъ совершаться мирно, вслѣдствіе внезапнаго измѣненія среды и перемѣненія интересовъ; точно также и эволюціи въ обществѣ могутъ быть чрезвычайно затруднены, сопровождаясь войнами и преслѣдованіями. И, если слово эволюція охотно употребляется тѣми, которые съ ужасомъ смотрятъ на революціонеровъ, то это происходитъ оттого, что они не понимаютъ всего значенія этого слова, такъ какъ отъ него то они отрециваются всѣми способами. Они говорятъ о прогрессѣ въ общихъ выраженіяхъ, но сущности его самого не хотятъ. Они находятъ, что современный строй, какъ бы плохъ ни былъ, въ чемъ они сами сознаются, все таки долженъ быть сохраненъ,—такъ какъ имъ достаточно, чтобы онъ дѣлалъ возможнымъ достиженіе для нихъ ихъ идеала: богатства, власти, значенія и комфорта.

Такъ какъ существуютъ богатые и бѣдные, власть имущіе и подчиненные, господа и рабы, властелины, дающіе знакъ къ борьбѣ, и гладиаторы, идущіе по ихъ знаку на смерть, то этимъ благоразумнымъ людямъ остается только стать на сторону богатыхъ и власть имущихъ или сдѣлаться куртизанами и льстецами сильныхъ міра. Это общество даетъ хлѣбъ, деньги, мѣста, почести; и отлично: пусть умные люди устраниваются такимъ образомъ, чтобы получить наибольшую часть всѣхъ этихъ благъ. Если они родились подъ счастливымъ

созвѣздіемъ, которое, избавляя ихъ отъ всякой борьбы, даю имъ все необходимое въ изобиліи, то зачѣмъ же имъ жаловаться? Они стараются убѣдить себя, что всё такъ же довольны, какъ они сами: сытому кажется, что весь міръ хорошо пообедалъ. А если какой-нибудь злоистъ съ дѣтства обиженъ судьбою и недоволенъ ею, то у него по крайней мѣрѣ остается надежда добиться своего интригами, лестью, благодаря счастливой случайности или даже упорнымъ трудомъ въ пользу власть имущихъ. Что для него общественная эволюція? Его собственная эволюція къ богатству, вотъ его единственное стремленіе. Не заботясь о правахъ всѣхъ, онъ ищетъ лишь исключительныхъ правъ для себя самого.

Существуютъ однако рабскіе умы, которые искренно вѣрятъ въ эволюцію идей и пятаютъ неопредѣленные надежды на соответствующее измѣненіе обстоятельствъ, но которые, тѣмъ не менѣе, съ инстинктивнымъ почти физическимъ страхомъ думаютъ о всякой революціи. Они желаютъ ее и боятся ея одновременно: они критикуютъ существующій строй и мечтаютъ о новомъ, какъ будто бы онъ долженъ появиться внезапно, вызванный какимъ то чудомъ безъ малѣйшей ломки и борьбы между грядущимъ и отжившимъ. Слабые, безвольные люди мечтаютъ, не имѣя ни силъ, ни желанія, достигнуть своей цѣли. Принадлежа къ обоямъ мірамъ, они фатально осуждены не служить ни тому ни другому: среди консерваторовъ они являются разобщающимъ элементомъ, благодаря своему образу мыслей; среди революціонеровъ они становятся крайними реакціонерами, измѣняя объѣтамъ своей юности и какъ собака, о которой говоритъ евангеліе, возвращаются къ тому, что они нѣкогда изрыгли. Такимъ образомъ во время революціи наибольше яркими защитниками стараго порядка становятся тѣ, которые когда то зло насмѣхались надъ нимъ: изъ сторонниковъ они обращаются въ ренегатовъ. Они замѣчаютъ слишкомъ поздно, какъ неловкіе волшебники легенды, что они вызвали слишкомъ страшныя, темныя силы, съ которыми они уже не могутъ справиться.

Къ другому классу эволюціонистовъ принадлежатъ тѣ, которые въ общей необходимости перемѣнъ преслѣдуютъ только одну сторону ихъ, которой и посвящаютъ себя всецѣло, забывая все другое. Они напередъ ограничили свое поле дѣйствія. Нѣкоторые изъ нихъ. люди ловкіе,

пожелали такимъ образомъ войти въ сдѣлку со своею совѣстью и работать въ пользу будущей революціи безъ риска для самихъ себя. Подъ предлогомъ посвященія своихъ силъ какой-нибудь необходимой ближайшей реформѣ, они теряютъ совершенно изъ вида общій высшій идеаль будущаго и даже откровенно отрекаются отъ него. Другіе болѣе честные и порядочные какъ будто и способствуютъ общему дѣлу, но вслѣдствіе узости своего ума, видятъ и понимаютъ его односторонне. Искренность ихъ убѣжденій и поведенія ставятъ ихъ внѣ всякаго подозрѣнія: мы ихъ считаемъ нашими товарищами по дѣлу, хотя съ горечью сознаемся, что ограничившись узкимъ полемъ дѣйствія, борясь противъ одного какого-нибудь частнаго зла, они какъ-будто санкціонируютъ всѣ другія злоупотребленія.

Я не говорю о тѣхъ, которые стремятся, напримѣръ, къ реформѣ орфографіи, толкуютъ объ измѣненіи мѣста прохожденія меридіана, какъ о чемъ то чрезвычайно важномъ, ополчаются противъ употребленія корсетовъ и мѣховыхъ шапокъ; есть болѣе возвышенныя цѣли, которыя требуютъ отъ преслѣдующихъ ихъ и смѣлости, и упорства, и преданности дѣлу; и если они проявляютъ эти качества, то мы, революціонеры, не можемъ относиться къ нимъ иначе, какъ съ уваженіемъ и симпатіей. Такъ, если мы встрѣчаемъ благородную женщину, преисполненную состраданія къ своимъ падшимъ сестрамъ, которая, не боясь общественнаго мнѣнія, подходитъ къ проституткѣ со словами любви, протягивая ей руку для борьбы съ попирающимъ человѣческое достоинство агентомъ полиціи нравовъ или противъ участковаго врача, принуждающаго ее являться къ себѣ для освидѣтельствованія и насилюющаго ее, или противъ всего общества, съ презрѣніемъ толкающаго ее въ грязь, никто изъ насъ не остановится передъ соображеніями общаго характера, чтобы отказать смѣлому борцу противъ officialнаго разврата въ своемъ уваженіи. Безъ сомнѣнія, мы можемъ сказать такой женщинѣ, что всякая революція въ одной области должна соответствовать революціи въ другой, что возмущеніе личности противъ порабощающаго его правительственнаго заключенія не только въ защитѣ человѣческаго достоинства падшей женщины, но и въ защитѣ клейменнаго каторжника и всякой другой подчиненной или подавленной личности, но мы не мо-

жемъ не восторгаться тѣми, кто искренно и всецѣло преданъ борьбѣ даже на такомъ узкомъ поприщѣ. Точно также мы называемъ героями людей, которые въ какой бы то ни было странѣ и когда бы то ни было отдавались всецѣло дѣлу, жертвуя собой ради общаго блага. Какъ бы ни было ограничено ихъ поле дѣйствія, пусть всякій изъ насъ преклонится передъ ними и скажетъ: «мы должны подражать имъ на нашемъ поприщѣ, гораздо болѣе обширномъ, въ нашей борьбѣ, которая ведется за все человѣчество».

И такъ, эволюція касается совокупности всѣхъ сторонъ жизни человѣчества и революція должна тоже касаться всего, хотя не всегда замѣтенъ параллелизмъ въ событіяхъ разныхъ областей жизни, изъ которыхъ складается жизнь общества. Всякій прогрессъ въ одной области соответствуетъ прогрессу въ другой, и мы стремимся ко всѣмъ имъ по мѣрѣ нашихъ силъ и знаній: къ прогрессу въ областяхъ соціальной и политической жизни, въ морали и наукѣ, искусствахъ, индустриі, — эволюціонисты во всемъ, мы одновременно являемся революціонерами во всемъ, зная, что вся исторія есть ничто иное, какъ послѣдовательное завершение явленій жизни народовъ, безпрестанно и постепенно подготовляющихся къ этому. Прямымъ послѣдствіемъ великой интеллектуальной эволюціи, которая освобождаетъ нашъ умъ отъ всякихъ предразсудковъ, является освобожденіе личности въ ея отношеніяхъ ко всему окружающему.

Такимъ образомъ, можно сказать, что эволюція и революція — являются смѣняющимися другъ друга актами одного и того же явленія: эволюція предшествуетъ революціи, которая въ свою очередь эволюционируетъ до новой революціи и т. д. Можетъ ли происходить измѣненіе безъ перемѣщенія центра тяжести въ жизни? Развѣ революція не должна по необходимости быть слѣдствіемъ эволюціи, какъ дѣйствіе является непосредственнымъ слѣдствіемъ нашего волевого импульса къ дѣйствию? То и другое различаются только по времени ихъ появленія. Когда переграждается рѣка, воды ея собираются и разливаются вокругъ встрѣтившагося препятствія и мало по малу образуютъ озеро, пока онѣ вдругъ не найдутъ выхода, — паденіе камешка рѣшетъ дѣло, происходитъ катаклизмъ: мощными напорами

воды сносится насыпь, озеро исчезает и рѣка течетъ по старому руслу. Такъ происходитъ маленькая революція въ природѣ.

Если революція слѣдуетъ за эволюціей всегда запаздывая, то причиной этого является сопротивленіе среды: вода ручья шумитъ въ своихъ берегахъ, такъ какъ они задерживаютъ его теченіе; громъ гремитъ въ облакахъ, такъ какъ атмосфера препятствуетъ проникновенію искры изъ облака. Всякое превращеніе матеріи, всякое осуществленіе идеи встрѣчаетъ препятствіе въ собственной инертной средѣ и новое явленіе не можетъ проявиться иначе, какъ вслѣдствіе усилія, которое будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе препятствіе. Гердеръ, говоря о французской революціи сказалъ: когда сѣмя попадаетъ въ землю, оно долго кажется мертвымъ, потомъ вдругъ пускаетъ ростокъ, преодолеваетъ покрывающую его твердую землю и превращается въ растеніе, которое зрѣетъ и приноситъ свой плодъ. А какъ рождается ребенокъ? Девять мѣсяцевъ онъ лежитъ во мракѣ материнскаго чрева, и, наконецъ, вырывается на волю, разрывая свертывающую его пелену, иногда даже убивая свою мать. Таковы революціи, являющіяся естественными послѣдствіями предшествующихъ имъ эволюцій.

Существуютъ изрѣченія, сдѣлавшіяся пословицами, которыя люди употребляютъ машинально, какъ бы избавляя себя отъ необходимости вдуматься въ ихъ содержаніе, Такова, напримѣръ формула Линнея: «Non facit saltus natura».

Конечно, природа не дѣлаетъ скачковъ, но каждая ея эволюція совершается перемѣщеніемъ силъ, устреленныхъ къ новой цѣли.

Общее развитіе жизни cadaго существа въ отдѣльности или цѣломъ рядѣ существъ нигдѣ не являетъ намъ прямой непрерывности, а наоборотъ, одни явленія ея происходятъ послѣ другихъ какъ бы насильственно и революціонно.—Вѣтка не прибавляется къ вѣткѣ, цвѣтокъ не есть продолженіе листка, ни пестыкъ—тычинки, яйцо различно отъ органовъ, породившихъ его, сынъ не является продолженіемъ отца или матери, а становится въ дѣйствительности новымъ, различнымъ отъ родителей, существомъ. Прогрессъ совершается постоянно замѣненіемъ явленія, исходя отъ своей точки отправленія

для каждаго отдѣльнаго индивида. Генеалогическое дерево существъ, какъ и настоящее дерево, есть собраніе вѣтвей, изъ которыхъ каждая питается не собственнымъ сокомъ, а сокомъ всего дерева. И для великихъ историческихъ революцій тотъ же законъ. Когда старыя формы жизни не удовлетворяютъ больше, жизнь требуетъ новыхъ, происходитъ революція.

II.

Однако не всегда революція означаетъ прогрессъ, точно также не всегда эволюція стремится къ большей справедливости. Все измѣняется, все въ природѣ движется въ вѣчномъ, непрерывномъ движеніи и если есть прогрессъ, то можетъ быть и реакція, если есть эволюція, стремящаяся къ развитію жизни, существуютъ другія, которыя влекутъ къ смерти. Остановка невозможна. Движеніе неизбежно въ ту или другую сторону и упрямый реакціонеръ и слащавый либераль, открещивающіеся отъ всякой революціи, всетаки идутъ по пути ея, эволюціонируя къ смерти и вѣчному покою. Болѣзнь, драхлость, гангрена такія же эволюціи, какъ и возмужалость и юность—черви, появляющіеся въ разлагающемся трупѣ, какъ и первый крикъ новорожденнаго, служатъ признакомъ, что и тамъ, и здѣсь совершилась революція, и физиологія и исторія указываетъ намъ, что эволюція приводитъ иногда къ упадку, какъ и революція—къ смерти.

Исторія человѣчества, несмотря на то, что извѣстна намъ лишь за короткій періодъ нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, даетъ намъ массу примѣровъ жизни племенъ, народовъ, и государствъ, которые исчезли съ лица земли вслѣдствіе медленной эволюціи, влекшей ихъ къ ихъ собственной гибели. Причины этого явленія, породившаго болѣзнь обществъ, многочисленны. Климатъ и почва иногда играли въ этомъ преобладающую роль, какъ это случилось, навѣрное, въ огромныхъ пространствахъ центральной Азіи, гдѣ высохли озера и рѣки и гдѣ огромные солончаки покрыли когда-то плодородную почву. Нашествія дикихъ враждебныхъ ордъ, разорили нѣкоторыя страны до тла,—однако есть націи, которыя могли снова развиваться послѣ страшныхъ по-

раженій и многовѣковаго рабства: и если онѣ возвращаются къ варварскому состоянію или вымираютъ окончательно, то причины этого лежатъ уже въ ихъ внутреннемъ строеніи, а не во внѣшнихъ обстоятельствахъ. Одна изъ этихъ причинъ, являясь самою главною, разъясняетъ исторію всякаго паденія—это когда одна часть общества, подчиняя себѣ другую, большую, захватываетъ землю, капиталъ, власть, образованіе, и почести въ свое исключительное пользованіе—и если масса не въ состояніи реагировать противъ подобной монополии кучки людей—она осуждена на смерть и ея исчезновеніе лишь вопросъ времени. Появляется чума, которая стираетъ съ лица земли этотъ бесполезный, инертный муравейникъ индивидовъ, не сумѣвшихъ завоевать свою свободу. Съ Востока и Запада появляются разбойничьи племена и, нѣкогда громадные, города превращаются въ пустыню. Такъ погибли Ассирія и Египеть, такъ исчезла, нѣкогда могущественная, Персія, и наконецъ, Римская имперія, сдѣлавшаяся собственностью нѣсколькихъ крупныхъ владѣльцевъ, пала подъ ударами варваровъ, которымъ не трудно было справиться съ ея порабощеннымъ пролетаріатомъ.

Нѣтъ явленія, въ которомъ эволюція не совершалась бы одновременно въ двухъ направленіяхъ: къ смерти и возрожденію; оно является какъ бы равнодѣйствующей эволюціи прогресса и упадка. Такъ паденіе Рима составляетъ во всей своей сложной совокупности цѣлый рядъ революцій и соответствующій имъ рядъ эволюцій, однѣ направлены къ его уничтоженію, другія къ возрожденію новаго міра. Безъ сомнѣнія, паденіе этого громаднаго общественнаго организма, поработившаго весь міръ, послужило къ облегченію положенія подавленныхъ имъ народовъ, и во многихъ отношеніяхъ переселеніе сѣверныхъ народовъ, хлынувшихъ на цивилизованный міръ, было счастливымъ для исторіи человечества событіемъ—многіе изъ поработенныхъ народностей сбросили тогда съ себя иго давившихъ ихъ работниковъ, но науки и промышленность погибли или исчезли на время, произведенія искусства разрушались, жглись бібліотеки, казалось, что цѣль времени порвалась, народы снова выпали въ варварство и деспота смѣнялъ еще худшій деспотъ; изъ мертвой религіи язычества возродилась новая религія, сдѣлавшаяся еще бо-

лѣе жестокой и фанатичной, чѣмъ прежняя и тысячелѣтняя почъ невѣжества и безумія, распространяемая понами, нависла надъ землею.

Точно также другія историческія событія могутъ быть разсматриваемы съ двухъ сторонъ, соотвѣтственно тысячи явленій, которыя составили ихъ, которыя проявляются въ социальныхъ и политическихъ переворотахъ жизни націй. И дѣйствительно, всякое историческое событіе или явленіе толкуется различно, сообразно съ глубиной пониманія ихъ и предвзятой мыслью толкователя. Извѣстный примѣръ такого пониманія является толкованіе эпохи Людовика XIV, личному генію котораго приписывали богатый разцвѣтъ французской литературы того времени. «Его взоръ порождалъ Корнелиевъ», говорили нѣкоторые. Правда, вѣкъ спутя, никто не осмѣлится утверждать, что Вольтеръ, Дидеро и Ж. Ж. Руссо были обязаны своимъ геніемъ и существованіемъ взгляду Людовика XIV; однако, еще недавно не были ли мы свидѣтелями, какъ англичане превозносили свою королеву, дѣлая ее виновницей всякаго успѣха, всякаго прогресса, совершавшагося въ ея царствованіи. Хотя эта заурядная особа ничѣмъ другимъ, кромѣ своего присутствія на тронѣ въ продолженіи шестидесятилѣтняго періода, не участвовала въ этихъ событіяхъ, принужденная къ бездѣйствію самою конституціею своей страны. Милліоны людей, наполнявшихъ улицы, давая другъ друга, чтобы видѣть ее, хотѣли во что бы то ни стало видѣть въ ней всемогущаго генія процвѣтанія Англіи. Такое публичное лицемеріе было, быть можетъ, потребностью, такъ какъ устраивая эти официальные торжества королевѣ-императрицѣ, нація восхищалась собственнымъ величіемъ. Но не всѣ подданные ея участвовали въ этомъ празднествѣ: ирландскіе фермеры подняли черное знамя возстанія, а въ Индіи голодные толпы народа разрушали дворцы и казармы.

Существуютъ однако обстоятельства, когда прославленіе правительственной власти кажется менѣе абсурднымъ и даже можетъ быть на первый взглядъ оправдываемо. Возможно, что какой нибудь Маркъ Аврелій, талантливый министръ, могущественный филантропъ или просвѣщенный деспотъ употребляютъ свою власть въ интересахъ бѣдствующаго класса, издають полезный

законъ, являются защитниками слабыхъ противъ ихъ порабитителей, но это только случайное счастливое стеченіе обстоятельствъ, которое даже по условіямъ евоей среды, является совершенно исключительнымъ, такъ какъ сильнымъ міра сего всегда легче злоупотреблять своимъ положеніемъ, такъ какъ имъ рѣдко доступно истинное пониманіе положенія, даже если бы они, подобно Гарунъ-аль-Рашиду, захотѣли бы инкогнито сами ознакомиться съ нуждами своихъ подданныхъ. Бываютъ, конечно, случаи, когда намѣренія и поступки царей и правителей могутъ быть вполне благожелательны или по крайней мѣрѣ направлены въ пользу народа; въ этихъ случаяхъ общественное мнѣніе, и сами массы принуждали ихъ къ этому и инициатива законодателя сводилась къ нулю: они уступаютъ силѣ, которая могла бы быть гибельной для нихъ и которую они на этотъ разъ употребляютъ въ свою и общую пользу, потому что движеніе массъ также часто бываетъ направлено въ сторону прогресса, какъ и реакціи. Современная исторія Европы и особенно Англійи намъ даетъ тысячи примѣровъ, когда болѣе справедливые законы издавались не по доброй волѣ законодателя, но подъ давленіемъ анонимныхъ массъ: и верховная законодательная власть, декретирующая подобные законы, является въ дѣйствительности только простой исполнительницей воли народа—ея дѣйствительнаго руководителя.

Когда пошлины на хлѣбъ были уничтожены англійской палатой, крупные землевладѣльцы, вотировавшіе этотъ убыточный для нихъ законъ, только съ большимъ трудомъ подчинились необходимости признать справедливость его. Вопреки своимъ собственнымъ интересамъ они должны были просто подчиниться желанію массъ. Съ другой стороны, когда во Франціи Наполеонъ III, согласившись съ частнымъ мнѣніемъ Ричарда Кобденъ, подписалъ нѣкоторые правила для облегченія свободы торговли, его не поддержали ни его министры, ни Палата, ни даже нація, и издаваемые имъ законы не могли долго продержаться: его наслѣдники, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, отмѣнили ихъ и вернулись къ испытанной системѣ протекціонизма, выгоднаго богатымъ предпринимателямъ и крупнымъ землевладѣльцамъ.

Столкновенія разныхъ цивилизацій приводятъ къ за-

путаннымъ положеніямъ, при которыхъ легко поддаются иллюзіи и приписать «сильной власти» честь разныхъ мѣропріятій, менѣе всего принадлежащей ей. Такъ напримѣръ, много говорятъ о томъ, что Британское правительство въ Индіи запретило религиозный обрядъ сжиганія вдовъ на могилахъ ихъ мужей, въ то время какъ слѣдовало бы удивляться тому, что это правительство такъ долго отказывалось подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ издать это запрещеніе, вопреки настояніямъ лучшихъ людей въ Европѣ и самой Индіи. Но отъ чего же спрашивается, оно такъ долго покровительствовало толпѣ фанатичныхъ палачей, не запрещая практику религиознаго обряда, основаннаго къ тому же на фальсифицированномъ текстѣ Ведъ. Конечно, въ концѣ концовъ запрещеніе этого обряда было великимъ благодѣяніемъ, хотя и сильно запоздавшимъ, но сколько жестокости нужно приписать этой власти «отеческаго попеченія»! Сколько налоговъ, лежащихъ тяжелымъ гнетомъ на населеніе, сколько страданій и мукъ во время страшныхъ голодныхъ бунтовъ!

Такъ какъ всѣ историческія явленія, можно разсматривать съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, то конечно, невозможно судить о нихъ огуломъ. Примѣръ даже эпохи Возрожденія, положившей конецъ средне-вѣковому мраку, показываетъ намъ, какъ двѣ эволюціи, эволюція реакціи и эволюція прогресса, могутъ совершаться одновременно. Эпоха возрожденія, которая обратилась вновь къ памятникамъ античнаго міра, которая освободила науку отъ схоластическихъ туманностей и цѣпей суевѣрія и толкнула человѣчество на путь безстрастныхъ научныхъ изслѣдованій, одновременно убила въ корнѣ своеобразный и пышно развивавшійся цвѣтокъ средне-вѣковаго, (въ періодъ коммунъ и свободныхъ городовъ) искусства. Это случилось такъ же внезапно, какъ разлившійся рѣки, уничтожающій посѣвы прибрежныхъ селеній: все должно было начаться съизнова, и какъ часто банальное и бессмысленное подраженіе античнымъ образцамъ замѣняло собой оригинальныя произведенія само-бытнаго таланта, болѣе цѣнныя уже по тому, что они были самобытны!

Возрожденіе наукъ и искусствъ сопровождалось параллельно расколомъ церкви, извѣстнымъ подъ именемъ Реформаціи. Долго полагали, что эта революція была

одна изъ благодѣтельнѣйшихъ событій въ исторіи чело-
вѣчества, такъ какъ ею было завоевано право на инди-
видуальную инициативу и освобождена мысль, которую
католическіе священники намѣренно держали въ раб-
ствѣ невѣжества, полагая, что освобожденный человѣкъ
дѣлается независимымъ и стремится къ истинному равен-
ству. Но теперь мы знаемъ, что Реформація положила только
основаніе ряду новыхъ поработающихъ личностей цер-
ковныхъ общинъ, вмѣсто прежней единой католической
церкви, монополизировавшей все право духовнаго пора-
боженія.

Реформація передала церковныя имущества и доходы
въ пользованіе новой власти, и съ той и другой сто-
роны стали возникать монашескіе ордена іезуитовъ и
ихъ противниковъ, эксплуатировавшіе народъ новыми
способами. Лютеръ и Кальвинъ къ тѣмъ, кто не
раздѣлялъ ихъ взглядовъ, относились съ такой же
фанатической нетерпимостью, какъ св. Доминикъ и Ино-
кентій III. Какъ и инквизиторы они шпионили, сажали
въ тюрьмы, четвертовали, жгли на кострахъ: ихъ уче-
ніе точно также требовало безусловнаго повиновенія ко-
ролямъ и иерархическимъ «божественнаго слова». Безъ
сомнѣнія, существуетъ разниа между протестантами и
католиками: (я говорю о тѣхъ, которые исповѣдуютъ ту
или другую религію совершенно искренно, а не по се-
мейнымъ традиціямъ). Послѣдніе наивнѣе и легковѣрнѣе,
никакое чудо ихъ не удивляетъ; первые же болѣе раз-
борчивы въ тайствахъ, но съ тѣмъ большимъ упор-
ствомъ держатся они тѣхъ, которыя ими признаны: они
видятъ въ религіи личное дѣло, какъ бы творческую ра-
боту своего духа. Переставая вѣрить, католикъ пере-
стаетъ быть христіаниномъ; между тѣмъ какъ протес-
тантъ-раціоналистъ, измѣняя толкованіе «божественныхъ
словъ», обыкновенно переходитъ только въ новую секту:
онъ остается ученикомъ Христа; упорный мистикъ, онъ
сохраняетъ иллюзію свободы разума. Народы, также
какъ и личности различны въ религіи, которую они ис-
повѣдуютъ и которая болѣе или менѣе проникаетъ ихъ
нравственное существо. У протестантовъ, конечно,
больше инициативы и систематичности въ поведеніи, но
эта послѣдовательность становится неумолимо жестокой

Вспомните то религиозное рвеніе, съ какимъ сѣверо-

американцы отстаивали рабство негровъ, какъ «божественное учрежденіе».

Другое сложное явленіе относится къ великой эволюціонной эпохѣ, кровавыми кризисами которой были американская и французская революціи. О, тогда—по крайней мѣрѣ какъ казалось—перемѣны произошли исключительно въ интересахъ народа и эти великія историческія даты слѣдуетъ считать, какъ бы освящающими рожденіе новаго человѣка! Депутаты конвента хотѣли начать исторію съ перваго дня своей конституціи, какъ будто предшествующихъ вѣковъ не было вовсе и будто человѣкъ—гражданинъ дѣйствительно могъ считать началомъ своего существованія моментъ провозглашенія своихъ правъ. Дѣйствительно, этотъ періодъ былъ великой эпохой въ жизни націй, необычныя надежды овладѣли тогда міромъ, освобожденная мысль поднялась на такія высоты, какихъ никогда не достигала прежде. науки возродились, гений открытій безконечно расширилъ границы міра и никогда не появлялось такого множества людей, одушевленныхъ новымъ идеаломъ, готовыхъ ради него беззаветно жертвовать своею жизнью. Но эта революція, какъ мы знаемъ это теперь, была вовсе па революціей всего народа, это была революція извѣстныхъ слоевъ общества исключительно въ ихъ интересахъ. Права человѣка остались чисто теоретическими: провозглашенная одновременно съ ними гарантія частной собственности сдѣлала ихъ призрачными. Новый классъ жадныхъ хищниковъ принялся за дѣло накопленія богатствъ, буржуазія заняла мѣсто отжившаго класса, стараго дворянства, уже зараженнаго скептизмомъ и настроеннаго пессимистически, и новопришельцы стали эксплуатировать немощіе классы съ такимъ усердіемъ и умѣніемъ, какими не обладали никогда прежніе правящіе классы. Во имя свободы, равенства и братства совершались всевозможныя злодѣянія. Во имя освобожденія міра, Наполеонъ велъ за собой миллионъ убійць; для блага дорогого отечества капиталисты создаютъ громадныя состоянія, строятъ большія фабрики, организуютъ могущественныя синдикаты, (монополіи), воскрешая въ новой формѣ прежнее рабство.

Кто не хочетъ ограничиваться словами, тотъ долженъ основательно узнать и вообще критически отнестись къ людямъ, заявляющимъ о своей преданности дѣлу рево-

люди. Недостаточно крикнуть кому-нибудь: Революция! Революция! чтобы мы тотчас же пошли за нимъ, только потому, что онъ захотѣлъ вести насъ. Вполнѣ естественно, когда невѣжда слѣдуетъ своему инстинкту: разъяренный быкъ бросается на красный ласкутъ и постоянно угнетаемый народъ бросается на перваго встрѣчнаго, котораго ему указать. Всякая революція хороша поскольку она направлена противъ гнета со стороны одной личности или пѣлаго строя; но если она ведетъ къ установленію новаго деспотизма, то можно спросить себя: не лучше ли направить ее по другому пути. Настало время сознательнаго примѣненія своихъ силъ: эволюціонисты, придя къ ясному сознанію, что именно они хотятъ осуществить въ ближайшую революцію, не ставятъ себѣ задачей поднять недовольныхъ и произвести смуту безъ пѣли и плана.

Можно сказать, что до сихъ поръ ни одна революція не была проведена вполнѣ сознательно, и потому ни одна изъ нихъ не увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Всѣ эти великія движенія, безъ исключенія были почти бессознательными актами со стороны вовлеченныхъ въ нихъ массъ и если революція и происходили успѣшно, то только благодаря искусству вожаковъ, сумѣвшихъ сохранить хладнокровіе и болѣе или менѣе руководить ими. Реформацію провелъ и воспользовался выгодами отъ нея лишь одинъ общественный классъ, и Французскую революцію совершилъ также одинъ классъ, выставившій на систематическій разстрѣлъ массы несчастныхъ, которые послужили лишь для того, чтобы доставить ему побѣду, и извлекающій теперь всѣ выгоды отъ революція. Еще въ наши дни «четвертое сословіе» игнорируя крестьянъ, заключенныхъ, бродягъ, безработныхъ и всевозможныхъ отщепенцевъ, не впадаетъ ли также въ ошибку, считая себя особымъ классомъ и работая не для всего человѣчества вообще, но для своихъ избирателей, кооперативныхъ союзовъ и лицъ, доставляющихъ имъ средства.

Всякая революція имѣетъ свое сегодня и свое завтра. Сегодня народъ толкаютъ въ бой, завтра будутъ призывать его къ благоразумію; сегодня его увѣряютъ, что возстаніе есть овященный долгъ, а завтра будутъ проповѣдывать, что «наилучшая республика—есть королевство», или, что высшее самопожертвованіе состоитъ

въ томъ, чтобы «перенести три несчастныхъ мѣсяца, ради общественнаго блага», или, пожалуй еще лучше, что никакое оружіе не можетъ замѣнить избирательнаго билета. Потокъ исторіи съ періодическими революціями похожъ на рѣку, запружаемую время отъ времени плотинами. Каждое правительство, каждая побѣдившая партія стремится въ свой чередъ запрудить этотъ потокъ, чтобы утилизировать его возможно болѣе для своихъ мельницъ. Надежды реакціонеровъ и заключаются именно въ томъ, что такъ будетъ всегда и что народъ, подобно стаду барановъ, позволить постоянно сбивать себя съ своей дороги и одурачивать при посредствѣ солдатъ, или краснобаевъ адвокатовъ.

Этотъ вѣчный круговоротъ, который раскрываетъ намъ въ прошедшемъ рядъ революцій, частью неудавшихся, безконечную работу слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній, подобно безконечнымъ волнамъ, безпрестанно ударяющимся въ скалу, разбиваясь о нее,—это иронія судьбы, которая показываетъ, какъ плѣнники разбиваютъ свои цѣпи, чтобы дать заковать себя снова, все это служить причиной великой нравственной смуты и среди своихъ товарищей намъ приходилось видѣть такихъ, которые утративъ надежду и утомившись до битвы, складывали руки и отдавались на произволъ судьбы, покидая своихъ братьевъ. Вотъ чего они не знали, или знали на половину, т. е. ясно еще не видѣли того пути, по которому должны были идти, или вѣрнѣе, они надѣялись, что судьба, подобно попутному вѣтру, надувающемуся паруса корабля, приведетъ ихъ къ цѣли: они надѣялись на успѣхъ, не благодаря знанію законовъ природы или исторіи, не благодаря своей упорной волѣ, но благодаря счастливой случайности или руководясь какимъ то смутнымъ стремленіемъ, подобно мистикамъ, которые ступая по твердой землѣ, воображаютъ, что ими руководитъ съ неба путеводная звѣзда.

Писатели, проникнутые чувствомъ своего превосходства, глубоко презирающіе волненія толпы, обрекаютъ человечество всецѣло двигаться такимъ образомъ въ безвыходномъ, заколдованномъ кругу. По ихъ мнѣнію, толпа совершенно не способна къ самостоятельному мышленію, и неизбѣжно поддается демагогамъ, которые, преслѣдуя свои интересы, направляютъ массы отъ прогресса къ реакціи и обратно. Дѣйствительно, въ

массѣ индивидовъ, тѣсно сплоченныхъ грутъ съ другомъ, легко создается общая всѣмъ душа, всецѣло подчиняющаяся одной страсти, проявляющаяся въ однихъ и тѣхъ же крикахъ энтузіазма или отчаянія,—это какъ бы одно существо съ тысячью голосовъ, безумныхъ отъ любви или ненависти. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, нѣсколькихъ часовъ водоворотъ событій увлекаетъ одну и ту же толпу къ самымъ противоположнымъ проявленіямъ—восторга или проклятій. Тѣ изъ насъ, которые сражались за коммуны, знаютъ эти страшные приливы и отливы народныхъ волнъ. Когда мы отправлялись на баррикады, насъ провожали трогательными привѣтствіями, слезами восторга въ глазахъ, женщины нѣжно махали платками. Но какъ принимали тѣхъ изъ вчерашнихъ героевъ, которые избѣгнувъ смерти, возвращались, какъ плѣнники, окруженные солдатами. Во многихъ кварталахъ толпа состояла изъ тѣхъ же самыхъ людей, но какой полнѣйшій контрастъ въ ея чувствахъ и настроеніяхъ! Какіе негодующіе крики и проклетія. Сколько дикой ненависти въ ея словахъ: «Смерть! Смерть! Разстрѣлять ихъ. На гильотину»!

Однако бываетъ толпа и толпа, и коллективное сознание, слагающееся изъ тысячи индивидуальныхъ, хотя бы и слѣдовало полученному импульсу, все же болѣе или менѣе ясно даетъ себѣ отчетъ, по характеру своей эмоціи, дѣйствительно ли хорошо то, что совершено. Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что вмѣстѣ съ прогрессомъ человѣчества увеличивается число людей, сохраняющихъ сильно развитую индивидуальность и остающихся самими собою, со своими собственными убѣжденіями и самостоятельнымъ образомъ дѣйствій.

Иногда такихъ людей, думающихъ болѣе или менѣе одинаково, самихъ бываетъ достаточно, чтобы составить цѣлсе собраніе, настроенное единодушно и съ одинаковыми стремленіями; безъ сомнѣнія безсознательные инстинкты и привычки могутъ и здѣсь выступить наружу, но только на время, и личное достоинство беретъ верхъ. Обыкновенно такіа собранія, члены которыхъ уважаютъ другъ друга, очень отличны отъ крикливыхъ собраній массъ, способныхъ опускаться до звѣрства. По своей численности они представляютъ какъ бы толпу, но по той выдержанности, которую они проявляютъ—это группа личностей, остающихся вполнѣ самими собой,

съ своими собственными убѣжденіями, составляя вмѣстѣ съ тѣмъ въ своемъ цѣломъ, какъ бы высшее существо, сознающее свою волю и осуществляющее ее въ своей работѣ. Часто сравниваютъ толпу съ войскомъ, которое смотря по обстоятельствамъ или увлекается охватывающимъ всѣхъ безумнымъ героизмомъ или обращается въ бѣгство въ паническомъ страхѣ. Но въ исторіи не мало примѣровъ такихъ сраженій, въ которыхъ люди смѣлые и рѣшительные борются до конца совершенно сознательно и съ непреклонной рѣшимостью.

Конечно, колебанія толпы имѣютъ мѣсто, но въ какой мѣрѣ? Что бы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо обратиться къ событіямъ. Для того, чтобы констатировать прогрессъ, слѣдовало бы установить: на сколько увеличилось въ историческомъ процессѣ число мыслящихъ людей, сознательно дѣйствующихъ въ одномъ направленіи, не заботясь ни объ одобреніи, ни о порицаніи толпы. Но подобная статистика тѣмъ болѣе невозможна, что даже среди новаторовъ не мало такихъ, которые являются таковыми только на словахъ, въ дѣйствительности же легко даютъ увлечь себя окружающимъ ихъ мыслящимъ молодымъ товарищамъ. Съ другой стороны много такихъ, которые изъ гордости и тщеславія стараются казаться непоколебимыми, какъ скала передъ потокомъ событій, но однако теряютъ почву подъ ногами и помимо воли мѣняютъ свой образъ мыслей и свою рѣчь. Кто же теперь въ откровенной бесѣдѣ не признаетъ себя социалистомъ? Хотя бы уже по тому, что онъ старается отдать себѣ отчетъ въ аргументахъ противника, онъ долженъ честно понять ихъ, до извѣстной степени даже раздѣлить ихъ и ввести въ общее понятіе объ обществѣ, отвѣчающее его идеалу совершенства. Сама логика требуетъ усвоенія чужихъ мыслей и дополненія ими своихъ.

Мы революціонеры должны дѣйствовать подобнымъ же образомъ. Мы также должны стараться понять совершенно искренно и правдиво всѣ идеи нашихъ противниковъ, мы должны сдѣлать ихъ своими, но придавая имъ истинный ихъ смыслъ. Всѣ запоздалыя разсужденія нашихъ опонентовъ съ ихъ устарѣлыми доводами, конечно, найдутъ себѣ надлежащее мѣсто, но не въ будущемъ, а въ прошломъ. Они принадлежатъ философіи исторіи.

III.

Періодъ чисто инстинктивныхъ движеній теперь уже миновалъ: революція не будутъ уже совершаться случайно, потому что прогрессъ становится все болѣе и болѣе сознательнымъ и разумнымъ. Животное или ребенокъ всегда кричитъ, когда его бьютъ, и вообще реагируетъ извѣстнымъ движеніемъ или ударомъ; такъ и мимоза складываетъ свои листья отъ всякаго внѣшняго раздраженія; но отъ этихъ непроизвольныхъ движеній далеко еще до систематической и упорной борьбы противъ гнета. Народамъ прежде казалось, что событія слѣдуютъ одни за другими безъ всякаго порядка, но они наконецъ научились познавать связь между ними и ихъ неумолимую логику, они начинаютъ понимать, что и имъ также слѣдуетъ держаться извѣстнаго образа дѣйствій, чтобы выйти побѣдителями. Соціальная наука, указывающая причины рабства и какъ противоборъсь— средства освобожденія, понемногу освобождается отъ хаоса противорѣчивыхъ мнѣній.

Первый фактъ, разъясненный этой наукой тотъ, что никакая революція не можетъ совершиться безъ предшествующей ей эволюціи. Конечно, древняя исторія рассказываетъ намъ о множествѣ такъ называемыхъ «дворцовыхъ революцій», т. е. о замѣнѣ одного короля другимъ, какого либо министра или фаворитки другимъ совѣтникомъ или новой фавориткой. Но подобныя перемѣны, неимѣющія ровно никакого общественнаго значенія и касающіяся въ дѣйствительности только отдѣльныхъ личностей, могли совершаться безъ малѣйшаго содѣйствія со стороны народныхъ массъ: для этого оказывалось достаточно, чтобы нашелся наемный убійца съ хорошо отточеннымъ кинжаломъ, и тронъ будетъ имѣть новаго замѣстителя. Безъ сомнѣнія, прихоть короля могла тогда вовлечь королевство и толпу подданныхъ въ непредвидѣнныя авантюры, но народу, привыкшему къ послушанію и покорности, оставалось только сообразоваться съ желаніями свыше: онъ не пытался выразить свое мнѣніе о дѣлахъ, которыя ему казались неизмѣримо выше его ограниченной компетенціи. Точно также въ странѣ, которую оснарявали другъ у друга двѣ враждебныя династіи съ своими аристократическими и буржуазными кліентами, кажущіяся рево-

люди могли совершаться при помощи убийств: такой заговор убийцъ, благопріятствуемый успѣхомъ, передавалъ тронъ другому лицу, измѣняя личный составъ правительства; но какое значеніе имѣеть это для угнетеннаго народа. Наконецъ, въ такомъ государствѣ, гдѣ основаніе власти было нѣсколько расширено существованіемъ оспаривавшихъ главенство классовъ, стоявшихъ надъ безправной толпой, заранѣе обреченной на полное подчиненіе торжествующему классу, еще возможны уличныя битвы, сооруженіе баррикадъ и провозглашеніе временнаго правительства въ городской ратушѣ.

Но новыя попытки въ этомъ направленіи едва ли могутъ удасться въ нашихъ городахъ, обращенныхъ въ укрѣпленный лагерь, съ казармами и цитаделями; уже послѣднія «революціи» въ этомъ родѣ имѣли только временный успѣхъ. Такъ въ 1848 г. Франція шла лишь прихрамывая за тѣми, кто провозгласилъ республику, не зная, что они понимали подъ этимъ словомъ, и воспользовались первымъ случаемъ, чтобы повернуть въ другую сторону. Масса крестьянъ, съ мнѣніемъ которыхъ не справлялись, но которая тѣмъ не менѣе все же заявила его — правда неясно, темно, неопредѣленно, но все же сумѣла выразить) что пока эволюція крестьянства не совершилась — оно не хочетъ революціи, которая тѣмъ самымъ оказалась преждевременною; едва прошло три мѣсяца со времени революціоннаго взрыва, какъ масса избирателей возстановила старый порядокъ въ его традиціонной формѣ, къ которому еще тяготѣли ихъ рабскія души: такъ вьючное животное по привычкѣ подставляетъ свою надорванную спину подъ новую тяжесть. Точно такъ же революція коммуны, столь удивительно удавшаяся и неизбѣжно вызванная обстоятельствами, очевидно, не могла восторжествовать, потому что она была совершена только половиной Парижа и опиралась во всей Франціи только на промышленные центры: начавшійся отливъ затопилъ ее въ морѣ крови. Теперь уже недостаточно повторять старыя формулы *vox populi, vox Dei*, и испускать воинственные крики, развѣвая въ воздухѣ знаменами. Достоинство гражданина можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ потребовать отъ него, чтобы онъ воздвигалъ баррикады, защищалъ свою страну, свой городъ или свою свободу; но онъ не долженъ воображать, что хотя бы малѣйшій

вопросъ могъ быть отданъ на невѣрное рѣшеніе ружейныхъ пуль.

Преобразование должно совершитья въ головахъ и сердцахъ прежде чѣмъ напрячь мыскулы и превратиться въ историческій феноменъ. Однако, что вѣрно относительно прогрессивной революціи, не менѣе вѣрно и относительно революціи регрессивной или контръ-революціи. Конечно партія, захватившая правительственную власть, располагающая высшими должностями, почетомъ, деньгами и общественной силой, можетъ причинить очень много зла и въ извѣстной степени способствовать ослабленію тѣхъ, у которыхъ она узурпировала ее; однако она можетъ воспользоваться своей побѣдой только въ границахъ, опредѣляемыхъ равнодѣйствующей общественныхъ мнѣній, въ иныхъ случаяхъ ей придется отказываться отъ рискованнаго примѣненія уже декретированныхъ мѣръ и законовъ, вотированныхъ собраніями представителей покорныхъ ея волѣ. Моральное и интеллектуальное вліяніе среды постоянно сказывается на обществѣ въ его цѣломъ, съ одинаковой силой на людяхъ, стремящихся къ господству, какъ и на послушной толпѣ добровольныхъ рабовъ, и въ силу этого вліянія колебанія двухъ концовъ оси могутъ отклоняться въ ту и другую сторону лишь довольно слабо.

Однако, какъ это и свидѣтельствуетъ современная исторія, сама эта ось переищщается постоянно вслѣдствіе тысячъ частичныхъ измѣненій, происходящихъ въ мозгу людей. Надо обратиться къ самому индивиду къ этой первоначальной клѣточкѣ общества, чтобы найти причины общаго преобразования съ его множествомъ видоизмѣненій, сообразно времени и мѣсту. Если съ одной стороны мы видимъ отдѣльнаго человѣка, подверженнаго вліянію всего общества съ его традиціонной моралью, религіей, политикой, то съ другой мы присутствуемъ при такомъ зрѣлищѣ, когда свободный индивиду, хотя и ограниченный въ пространствѣ и продолжительностью своей жизни, все-таки успѣваетъ оставить отпечатокъ своей личности на окружающемъ мірѣ, измѣнить его опредѣленнымъ образомъ, открывъ какой-нибудь законъ, создавъ великое произведение искусства, или новую, невѣдомую дотолѣ машину, а иногда даже бросивъ міру новое слово, которое онъ уже не забудеть. Не трудно отыскать въ исторіи ясные слѣды многихъ

тысячъ героевъ, о которыхъ извѣстно, что они лично самымъ существеннымъ образомъ содѣйствовали обществу.

Очень значительное большинство людей состоитъ изъ личностей, которыя живутъ, какъ растение, и нисколько не стараются воздѣйствовать ни въ хорошемъ, ни въ дурномъ направленіи на среду, въ которой они тонуть, какъ капля воды въ океанѣ. Нисколько не желая преувеличить здѣсь дѣйствительное значеніе человѣка, сознательно относящагося къ своимъ поступкамъ и рѣшившаго примѣнять свои силы согласно своему идеалу, мы можемъ сказать навѣрное, что такой человѣкъ представляетъ собой цѣлый міръ по сравненію съ тысячкою другихъ, мысль которыхъ находится въ полуоцѣпенѣннн или погружена въ глубокой сонъ, и которые бредутъ безъ малѣйшаго внутренняго возмущенія, наприм., въ рядахъ арміи или процессіи пилигримовъ. При подобныхъ обстоятельствахъ воля одного человѣка можетъ столкнуться съ стихійнымъ движеніемъ всего народа. Извѣстны случаи героической смерти при великихъ историческихъ событіяхъ въ жизни народовъ, но еще болѣе значительна была роль личностей, посвятившихъ свою жизнь общественному благу.

Здѣсь необходима особая осторожность, такъ какъ возможно недоразумѣніе и говоря «о лучшихъ людяхъ» легко смѣшивать это слово со словомъ «аристократія», взятомъ въ его обычномъ смыслѣ. Многие писатели и ораторы, въ особенности изъ принадлежащихъ къ тому классу, изъ котораго вербуются лица, облеченныя властью, охотно говорятъ о необходимости призвать къ общественному управленію избранную группу, которую сравниваютъ съ мозгомъ въ человѣческомъ организмѣ. Но что это за «избранная группа», въ интеллектуальномъ и моральномъ отношеніи, которая будетъ въ состояніи безапелляціонно удерживать въ своихъ рукахъ управленіе народами. Нужно ли еще говорить, что на этотъ вопросъ всѣ тѣ, которые царствуютъ и повелѣваютъ: короли, принцы, министры и депутаты, самовольно оглядываясь, весьма наивно отвѣчаютъ: «мы эти избранные, мы представляемъ мозговой аппаратъ великаго политическаго тѣла». Сколько горькой ироніи въ этомъ высокоуміи официальной аристократіи, воображающей себя дѣйствительной аристократіей мысли, ини-

ціативы умственнаго и нравственнаго развитія. Скорѣе вѣрно обратное, или оно по крайней мѣрѣ содержитъ значительную долю истины: во многихъ случаяхъ аристократія заслуживала названіе «какистократія», какъ выражается въ своей исторіи Леопольдъ Ранке. Что сказать напримѣръ, о тѣхъ развратныхъ аристократахъ и аристократкахъ, которые толпились въ загородныхъ виллахъ Людовика 15, а въ современную эпоху о самомъ цвѣтѣ французскаго дворянства, показавшемъ себя недавно во время пожара благотворительнаго базара, когда мужчины, спасая свою жизнь, пробивали себѣ дорогу ударами палокъ и сапоговъ въ спины и животы женщинъ.

Безъ сомнѣнія тѣ, которые обладаютъ состояніемъ, имѣютъ большій доступъ къ самообразованію и наукамъ, но въ то же время и большую возможность испортиться и развратиться. Лица, привыкшія къ лести, какими обыкновенно являются (всякій) власть имущіе, будь то императоръ, или начальникъ канцеляріи, легко могутъ быть обмануты и никогда не знаютъ истиннаго положенія дѣлъ. Имъ живется слишкомъ легко, у нихъ нѣтъ возможности самимъ научиться борьбѣ за существованіе, они эгоистически ждуть всего отъ другихъ, угрожаемые опасностью впасть въ грубыя излишества и утонченный развратъ, такъ какъ лица самаго порочнаго поведенія ихъ окружаютъ, какъ стая шакаловъ свою добычу, и чѣмъ ниже они падаютъ, тѣмъ значительнѣе становятся въ своихъ собственныхъ глазахъ, привыкнувъ къ грубой лести окружающихъ ихъ: сдѣлавшись скотами, они воображаютъ себя богами и лежатъ въ грязи, думаютъ, что окружены ореоломъ. А кто тѣ, которые стремятся захватить власть, чтобы замѣстить собою привилегированныхъ избранниковъ по богатству и происхожденію, считая себя новыми избранниками, такъ называемой умственной аристократіей? Кто эти политики, ловкіе льстецы уже не королей, а толпы. Одинъ изъ противниковъ социализма и защитникъ того, что называютъ «добрыми принципами», г. Леруа—Болье отвѣтитъ намъ на вопросъ объ этой аристократіи словами, которые въ устахъ анархиста показались бы слишкомъ рѣзкими и несправедливыми: «современные политики всѣхъ степеней, говоритъ онъ, начиная съ муниципальных совѣтниковъ и кончая министрами, представляютъ

собой, взятые въ массѣ, за немногими исключеніями, одинъ изъ наиболѣе ограниченныхъ и отвратительныхъ классовъ сифофантовъ и куртизановъ, какіе когда либо знали человѣчество. Ихъ единственнымъ стремленіемъ является низкая лесть, поддержаніе предрассудковъ, которые они въ большинствѣ случаевъ сами раздѣляютъ, не давая себѣ никогда ни времени ни труда на размышленія и наблюденія». Наконецъ, лучшее довазательство того, что «аристократія»—одна изъ которыхъ держитъ въ своихъ рукахъ власть или старается захватить ее, а другая дѣйствительно состоитъ изъ своихъ «лучшихъ» представителей, не могутъ быть смѣшаны, намъ даетъ исторія своими безконечными кровавыми страницами. Разсматриваемая во всей совокупности лѣтопись человѣчества, можетъ быть опредѣлена, какъ повѣствованіе о вѣчной, непрерывной борьбѣ между тѣми, которые, сдѣлавшись хозяевами положенія, пользуются властью, добытою цѣлыми поколѣніями своихъ представителей и тѣми, которые рождаются полными энтузіазма и стремленія къ творческой дѣятельности. Обѣ эти группы «лучшихъ» находятся въ безпрестанной войнѣ, и исторической миссіей первыхъ является преслѣдованіе, порабощеніе и убійство вторыхъ. Эти официальные «наилучшіе»—сами боги, которые приковали Прометея къ скалѣ Кавказа и со времени этой мифической эпохи всегда «наилучшіе» т. е. императоры, папы и всевозможные властелины, заключали въ тюрьмы, пытали и жгли новаторовъ и проклипали ихъ произведенія. Палачи всегда состояли на службѣ у этихъ «избранниковъ» рода человѣческаго. Находятся и ученые, берущіе подъ защиту ихъ дѣло. Не говоря уже объ анонимной толпѣ, которая не умѣетъ мыслить и замыкается въ своихъ привычкахъ, находятся ученые и талантливые люди, которые дѣлаются теоретиками абсолютнаго консерватизма, чтобы не сказать реакціи и которые стараются удержать общество, такъ сказать, остановить его движеніе, какъ будто существуетъ возможность удержать силой то, что находится въ вѣчномъ движеніи, какъ несущіяся въ пространствѣ небесныя тѣла. Эти противники прогресса, венавидящіе все новое, видятъ во всякомъ новаторѣ, т. е. человѣкѣ мысли и идеала, только сумашедшаго. Ихъ любовь къ неподвижности общества доводитъ ихъ до признанія полити-

ческими преступниками тѣхъ, которые критикуютъ существующее и стремятся къ лучшему. А между тѣмъ они признаются, что разъ новая идея получила право гражданства въ умахъ большинства, ей нужно подчиниться, чтобы не оказаться революціонеромъ, выступая противъ общественнаго мнѣнія. Но въ ожиданіи этой неизбежной революціи, они требуютъ, чтобы съ адептами ея поступали, какъ съ преступниками и чтобы сегодня наказывали за поступки, которые, завтра будутъ считаться обязанностью каждаго дѣйствительно честнаго человѣка, они бы заставили выпить ядъ Сократа, возвели бы на костеръ Яна Гуса, тѣмъ болѣе на гильотину Бабефа, такъ какъ Бабефъ и въ настоящее время является еще новаторомъ. Они обрекаютъ насъ на всѣ ужасы лишенія общества, не по тому, что мы неправы, но потому, что мы несвоевременно правы. Мы живемъ въ вѣкъ инженеровъ и солдатъ, для которыхъ все должно быть вытянуто въ струнку. «Уравненіе» вотъ лозунгъ этихъ нищихъ духомъ, которые понимаютъ только красоту въ симетріи и жизнь въ мертвой неподвижности.

IV.

«Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ», говоритъ одно изъ положеній Интернаціонала. И это положеніе вѣрно въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Если вѣрно, что «избранники» всегда воображали, что они призваны осчастливить народы, не менѣе вѣрно и то, что всякій человѣческій прогрессъ могъ совершиться только благодаря собственной инициативѣ возставшихъ или даже только свободными гражданами. И такъ наша свобода должна быть собственнымъ дѣломъ всѣхъ насъ, чувствующихъ себя угнетенными тѣмъ бы то ни было и солидарными со всѣми оскорбленными и униженными. Но для того, чтобы бороться, нужны знанія. Недостаточно, подобно кимврамъ или тевтонамъ бѣшено броситься въ борьбу съ дикими криками, подъ звуки боевыхъ роговъ. Настало время предвидѣть и расчитать всѣ перепетія борьбы, чтобы научно подготовиться къ побѣдѣ, которая должна принести социальный миръ. И первымъ условіемъ триумфа должно быть освобожденіе отъ нашего невѣдѣнія. Намъ

нужно умѣть разрушить всё предрассудки, устранить всё враждебные элементы, всё препятствія, а съ другой стороны не забывать ни одного изъ тѣхъ ресурсовъ, которыми можно воспользоваться, ни одного союзника, доставляемаго исторической эволюціей. Мы хотимъ знать. Мы не признаемъ, чтобы наука была привилегіей немногихъ и чтобы люди, находящіеся на вершинѣ горы, какъ Моисей, или на тронѣ, какъ стойкъ Маркъ Аврелій, на Олимпѣ или картонномъ Парнасѣ и просто даже въ академическомъ креслѣ, предписывали намъ поведеніе, хвастаясь знаніемъ вѣчныхъ законовъ. Конечно, между этими людьми, священнодѣйствующими на своихъ высотахъ, находятся такіе, которые могутъ переводить довольно сносно съ китайскаго, разбирать письмена времянь каролинговъ, изучать пищеварительные аппараты клоповъ, но и между нашими друзьями находятся люди, знающіе это, которые однако не претендуютъ поэтому на управленіе нами. Кромя того, уваженіе, которое мы питаемъ къ этимъ людямъ не должно нисколько мѣшать намъ свободно обсуждать рѣчи, съ которыми тѣ благоволятъ обращаться къ намъ со своихъ высотъ. Мы не подчиняемся декретированной истинѣ, мы приобщаемся къ ней только по средствомъ изученія и критики и научаемся устранять всякое заблужденіе, хотя бы оно и было признано официальной наукой.

И сколько разъ темному народу приходилось признаваться, что его ученые воспитатели могли научить его только покорно и радостно идти на бойню, подобно праздничному быку, рога котораго украшали гирляндами изъ золоченой бумаги.

Дипломированные профессора пытаются описать намъ всё прелести и выгоды, которыя представляетъ правительствѣ, состоящее изъ такихъ высокопоставленныхъ личностей, какъ и они сами. Философы, какъ напримеръ Платонъ, Гегель, Окюсть, Контъ гордо требовали права на управленіе міромъ. Писатели и ученые, какъ Гонорэ Балзакъ и Густавъ Флоберъ, если стоитъ только упоминать о покойникахъ, также требовали этого права для всякаго генія, т. е., другими, словами для самихъ себя. Совершенно не стѣсняясь говорили о «правительствѣ мандарыновъ». Да избавить насъ судьба отъ такихъ правителей, влюбленныхъ въ самихъ себя и

полных презрѣнія ко всѣмъ представителямъ «презрѣннаго большинства», или «гнушной буржуазіи». Бнѣ ихъ славной персоны не было ничего, достойнаго ихъ вниманія и, не считая приближенныхъ къ нимъ, все остальное казалось имъ только мимолетной тѣнью. А между тѣмъ ихъ книги, не смотря на весь ихъ талантъ, намъ доказываютъ, что эти геяи были весьма посредственными пророками: никто изъ нихъ не понималъ будущаго лучше, чѣмъ послѣдній изъ пролетаріевъ, и не въ ихъ школѣ намъ придется учиться бороться за наше право. Въ этомъ отношеніи самый послѣдній и мало извѣстный изъ рядовыхъ борцовъ можетъ намъ быть гораздо полезнѣе.

Тѣ крупинки знанія, которыя мы имѣемъ изъ исторіи, указываютъ уже намъ, что настоящее полно безконечныхъ злоупотребленій, которыхъ возможно было бы избѣжать. Тѣ безпрестанныя и повторяющіеся опустошенія, которыя производитъ современный социальный режимъ, значительно превосходятъ все то, что могутъ произвести непредвидѣнныя явленія въ природѣ: наводненія, циклоны, землетрясенія и изверженія пепла и лавы. Трудно понять, какъ вялзлѣчимые оптимисты, которые вопреки всему утверждаютъ, что все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, могутъ закрывать глаза на ужасное, невыносимое положеніе милліоновъ людей, нашихъ братьевъ. Различныя стихійныя несчастія экономическаго, политическаго, административнаго, или военнаго порядка, которыя поражаютъ такъ называемыя цивилизованныя общества, не говоря уже о племенахъ дикарей, имѣютъ безконечное число жертвъ, а тѣ счастливыя, которыхъ эти бѣдствія не затрогиваютъ, какъ будто не замѣчая эти безчисленныя гекатомбы, стараются устроиться какъ можно лучше и спокойнѣе, какъ будто бы всѣ эти бѣдствія не являются осязательной дѣйствительностью!

Развѣ не правда, что милліоны людей въ Европѣ, носящіе военный мундиръ, должны цѣлыми годами забывать о своемъ правѣ говорить и мыслить вслухъ, принять рабскія привычки и подчинить свою волю начальству и дойти до такого состоянія, чтобы безпрекословно стрѣлять въ своего отца или мать, если того потребуетъ какой-нибудь слабоумный деспотъ?

Не правда ли также, что другіе милліоны людей, при-

надлежащіе болѣе или менѣе къ правительственному механизму, также подчинены и принуждены гнуть шею передъ однимъ, подчинить себѣ другихъ и вести какое то условное искусственное существованіе, совершенно бесполезное для прогресса? Не видимъ ли мы также, какъ ежегодно милліоны такъ называемыхъ преступниковъ, нищихъ, бродягъ и безработныхъ запирають въ тюрьмы, подвергая ихъ всѣмъ ужасамъ одиночнаго заключенія. И, какъ слѣдствіе этихъ прекрасныхъ политическихъ (соціальныхъ) учрежденій, не поддерживается ли ненависть людей другъ къ другу, народа къ народу, касты къ кастѣ? Не находится ли общество въ такомъ положеніи, что не смотря на усилія и самопожертвованія многихъ истинныхъ друзей человѣчества, голодный можетъ легко умереть съ голода на улицѣ въ виду булочной, а чужестранецъ можетъ очутиться одинокимъ и покинутымъ всѣми, безъ друга, среди сутолоки громаднаго города, населеннаго милліонами людей братьевъ? Мы живемъ не на вулканѣ, а въ самомъ вулканѣ, въ какомъ то мрачномъ аду, и если бы у насъ не было вѣры въ лучшее будущее, не было бы непоколебимаго желанія жить и бороться за него, что оставалось бы дѣлать намъ, какъ не умереть, какъ это и совѣтуютъ намъ, впрочемъ не рѣшаясь на это, сами столько жалкихъ писаекъ и какъ это дѣлають увеличивающееся съ каждымъ годомъ число, цѣлые легіоны, отчаявшихся въ жизни? И такъ, съ самаго начала для насъ открываются новые элементы истиннаго познанія: нашъ соціальный строй со всѣми его ужасами. «Познать страданія» таковъ первый параграфъ закона Будды. И мы познали страданія. Мы его познали на столько хорошо, что въ мануфактурныхъ округахъ Англии болѣзнь называютъ отдыхомъ: чувствовать себя изнуреннымъ болѣзнь является чуть ли не удовольствіемъ для раба, принужденнаго къ насильственному труду на фабрикѣ. Но какъ «избѣгнуть страданія», что составляетъ вторую стадію познанія, по ученію Будды? Мы начинаемъ узнавать и это, благодаря изученію прошлаго. Исторія, какъ бы далеко мы не заходили въ глубь вѣковъ, какъ бы тщательно мы ни изучали общество и народы цивилизованные или варварскіе, живущіе подъ полицейской ферулой, или примитивные—исторія насъ учитъ, что всякое повинновеніе есть отреченіе отъ самого себя, что

всякое рабство есть преждевременная смерть, она насъ также учить, что всякій совершающійся прогрессъ прежде всего осуществляется во все большемъ и большемъ освобожденіи личности, въ равенствѣ и все большемъ согласіи между собой гражданъ; что всякій вѣкъ новыхъ открытій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣкомъ, во время котораго политическая и религіозная власть слабѣли и когда человѣческая мысль, пробивалась впередъ изъ замыкающихъ ее оковъ, какъ пробивается изъ расщелины скалы нѣжный пучекъ зелени. Великія эпоха творческой мысли и искусства, которыя наступаютъ послѣ продолжительныхъ перерывовъ, эпоха афинская, эпоха Возрожденія и наша современная развились благодаря той безконечной борьбѣ и «безпрестанной анархїи», которыя дали хотя только энергичнымъ людямъ возможность бороться за ихъ свободу.

Въ какомъ бы зачаточномъ состояніи не находилось наше знаніе исторіи — одинъ фактъ рѣзко выдѣляется на фонѣ современной жизни, и является характернымъ признакомъ нашей эпохи: это всемогущество денегъ. Нѣтъ такого мужика въ отдаленнѣйшемъ углу нашей родины, которому не было бы извѣстно имя короля биржи, который повелѣваетъ королямъ и принцамъ; нѣтъ ни одного, которому онъ не рисовался бы въ образѣ бога, предписывающаго свою волю всему міру. И конечно, наивный мужичекъ едва ли ошибается. Развѣ не правда, что только кучка еврейскихъ и христіанскихъ банкировъ, управляетъ шестью великими державами, заставляетъ бѣгать за собой королей и ихъ посланниковъ, и предписываетъ въ своихъ конторахъ свою волю, съ которой долженъ считаться правитель? Сидя въ своихъ дворцахъ, они являются зрителями великой драмы, которая разыгрывается по ихъ волѣ, гдѣ сами народы являются главными актерами, и которыя сопровождаются пушечнымъ громомъ и шумомъ битвъ, гдѣ кровь льется рѣкою. Теперь они самодовольно могутъ устраивать свои филиалыя отдѣленія въ кабинетахъ министровъ, во внутреннихъ покояхъ королевскихъ дворцовъ и руководить, по своему усмотрѣнію, политикою государствъ, согласно съ интересами ихъ лавки.

Въ согласіи съ новымъ государственнымъ правомъ Европы, они подчинили себѣ Грецію, Турцію, Персію—

протянули руки къ Китаю и готовятся взять на откупъ всё другія большія и малыя государства міра. «Не будучи принцами и не желая быть царями», они держатъ въ рукахъ символическій денежный значекъ, передъ которымъ міръ падаетъ ницъ.

Другой историческій и столь же яркій фактъ бросается въ глаза всякому наблюдателю, фактъ, который доводитъ людей, у которыхъ чувство преобладаетъ надъ разумомъ, до отчаянія—это то, что всё человѣческія учрежденія, всё соціальныя организмы, которыя стараются сохраниться безъ измѣненія, должны, уже въ силу своей инертности, породить консерваторовъ и злоупотребленія, паразитовъ и эксплуататоровъ всевозможныхъ родовъ и видовъ и сдѣлаться центромъ всеобщей реакціи. При этомъ безразлично, начало древняго ли происхожденія, эти учрежденія, начало котораго теряется въ глубинѣ вѣковъ аптчнаго міра, и въ древнихъ легендахъ и мифахъ, или они появились вслѣдствіе народныхъ возстаній и революцій, они, во всякомъ случаѣ, осуждены ограничивать творческую мысль и свободу личности и личной инициативы въ соотвѣтствіи съ неизмѣнностью своего устава; для этого достаточно самого факта ихъ существованія. Еще болѣе странно противорѣчие, создаваемое даже революционными актами, положившими начало новому идеальному учрежденію—между замысломъ его и его практикой. При его основаніи отовсюду раздавались клики: Свобода! Свобода! и гимнъ: «смерть тиранамъ» разносился по всѣмъ улицамъ; но «тираны» появились снова и появились лишь вслѣдствіе рутины вновь образовавшейся іерархіи и реакціоннаго духа, который постепенно овладѣваетъ всякимъ учрежденіемъ. И чѣмъ дольше такое существоуетъ, тѣмъ оно опаснѣе, такъ какъ оно наконецъ пронитываетъ гниль всю почву, на которой создано и заряжаетъ даже окружающую его атмосферу: тѣ заблужденія, которыя оно поддерживаетъ и освящаетъ, тѣ извращенныя мысли и чувства, которыя оно оправдываетъ и навязываетъ, приобрѣтаютъ въ концѣ концовъ тотъ характеръ древности и даже святости, что лишь немногіе осмѣливаются нападать на нихъ, каждый новый вѣкъ его существованія только увеличиваетъ его авторитетъ и хотя, въ концѣ концовъ, оно все-таки должно пасть и исчезнуть, какъ все на свѣтѣ, однако это

происходить лишь вслѣдствіе постоянно увеличивающагося противорѣчія со всѣми новыми окружающими его фактами жизни. Возьмемъ въ примѣръ самое старое изъ всѣхъ учреждений, царскую власть, которая предшествовала даже религіознымъ учреждениямъ, такъ какъ существовала еще до появленія человѣка, среди многихъ видовъ животныхъ. И какъ огромно было во всѣ времена влияние на умы этой мнимой необходимости—имѣть надъ собою властелина! Сколько было во Франціи лицъ, которыя считали себя созданными лишь для того, чтобы ползать у ногъ своего короля, въ эпоху, когда Ля-Воэти писалъ свою книгу «Противъ одного», сочиненіе столь яркое по своей удивительной логичности, соединенной съ простотою изложенія? Въ моей памяти живо еще то глубокое недоумѣніе, которое вызвало въ крестьянахъ въ 48 году провозглашеніе «Республики»; «а все таки нужно короля!» повторяли они на перерывъ другъ за другомъ. И они скоро нашли другого господина, безъ котораго существованіе казалось имъ невыносимо: повидимому въ ихъ воображеніи политическій строй міра долженъ былъ соответствовать ихъ представленію о семьѣ, въ которой господствовало безпрекословное повиновеніе, грубая сила и насилие. Имѣя эту грубую власть въ безконечныхъ видоизмѣненіяхъ постоянно передъ своими глазами, они были безсильны представить себѣ возможность иного существованія, а съ другой стороны наслѣдственныя привычки рабства, такъ глубоко проникли въ кѣтки ихъ крови, нервовъ и мозга, что несмотря на всю очевидность совершившагося политическаго переворота, они не хотѣли понять этой городской революціи, которой вмѣстѣ съ тѣмъ не соответствовала эволюція умовъ мѣ деревнѣ.

Изъ счастью сами цари стараются о томъ, чтобы разрушать мифы ихъ божественнаго происхожденія, они уже не прячутся въ невѣдомыхъ и скрытыхъ отъ глазъ простого смертнаго высотахъ, спустившись съ нихъ они являются теперь глазамъ всего міра, вопреки, быть можетъ, своей собственной волѣ, такими, каковы, они на самомъ дѣлѣ, со всѣми ихъ недостатками капризами и смѣшными сторонами; ихъ лорнируютъ и разматриваютъ со всѣхъ сторонъ. Они отражаются на пластинкахъ моментальной фотографіи и воспроизводятся подъ катодными лучами, позволяющими видѣть ихъ насквозь. Они пере-

статье быть недоступными властелинами, и превращаются въ простыхъ смертныхъ, окруженныхъ низкою лестью однихъ, ненавистью, насмѣлкой и презрѣніемъ другихъ. Поэтому то и стараются реставрировать «монархическій принципъ» и вдохнуть въ него по возможности новую жизнь: Теперь королевская власть становится отвѣтственной, короли дѣлаются «гражданами», олицетворяя въ своей особѣ «лучшую изъ республикъ», и хотя эти жалкія заплаты и не особенно остроумны, все таки въ нѣкоторыхъ странахъ они пользуются продолжительнымъ успѣхомъ: столь медленна эволюція идетъ, которая должна раньше породить частичную революцію, чтобы могла наконецъ совершиться полная логически послѣдовательная революція всего.

Подъ какими бы безчисленными формами не являлось государство, будь оно хотя самое популярное, все же, основанное въ сущности на принципѣ подчиненія капризамъ одного лица, она имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ограниченіе или даже совершенное устраненіе частной инициативы подданнаго, такъ какъ по необходимости только единичныя лица являются его представителями, а эти лица, уже въ силу того, что облегчены властью и даже по самому смыслу слова «правительство» менѣе ограничены въ удовлетвореніи своихъ личныхъ потребностей и желаній, чѣмъ вся масса управляемыхъ ими индивидовъ.

Другія учрежденія, именно учрежденія съ религиозными цѣлями, на столько подчинили себѣ умы людей, что многіе даже изъ свободомыслящихъ историковъ вѣрили въ абсолютную невозможность для людей освободиться отъ ихъ влияния. Дѣйствительно образъ Бога, который въ воображеніи народовъ царить въ небесахъ надъ всѣмъ міромъ, не такъ-то легко разрушить. И хотя религиозныя учрежденія въ послѣдовательномъ развитіи человѣчества появились послѣ политическихъ учрежденій и священники послѣ начальниковъ, и хотя дѣйствительность всегда предшествуетъ вымышленнымъ образамъ, однако то исключительное значеніе, которое придали этому обману, сдѣлало его родоначальникомъ всякой земной власти, и придали ему исключительный священный характеръ: люди обращаются къ верховной и таинственной силѣ «невѣдомаго Бога» со страхомъ и трепетомъ, который подавляетъ всякую самостоятельную мысль, всякую попытку критическаго отношенія къ ней.

Только обожаніе—вотъ единственное чувство, которое допускается священниками для вѣрующихъ.

Чтобы овладѣть самими собой, чтобы завоевать свое право на свободное мышленіе, человѣкъ независимый, будь онъ атеистомъ или еретикомъ—долженъ былъ напрець всю свою энергію, всѣ свои силы, и исторія рассказываетъ намъ, сколькохъ усилій стоило это ему въ мрачныя эпохи духовнаго владычества средних вѣковъ. Теперь «богохульство» не считается уже тягчайшимъ изъ преступленій, но въ умахъ безчисленныхъ массъ народа еще далеко неразбѣяны суевѣрія, вкоренившіеся вѣками.

И они продолжаютъ существовать, измѣняясь и припоравливаясь ежедневно къ измѣнившимся условіямъ и уступая все болѣе и болѣе выводамъ науки, къ которой тѣмъ не менѣе имѣютъ смѣлость относиться съ виднымъ презрѣніемъ и отвращеніемъ. И эти измѣненія, представляющія хитрую смѣсь старой лжи съ новыми истинами, лишь помогаютъ Церкви и вообще всѣмъ религіознымъ учрежденіямъ удерживать свою власть надъ умами и управлять совѣстью вѣрующихъ. Пусть мыслящіе люди никогда не забываютъ, что враги ихъ являются одновременно, въ силу уже своего существованія и положенія, также врагами всякихъ свободъ. Всѣ автократы сошлись на необходимости сдѣлать религію краеугольнымъ камнемъ своего храма. И лишь народный Самсонъ будетъ въ состояніи потрясти колонны его!

А что сказать о нашихъ юридическихъ учрежденіяхъ? Ихъ представители подобно священникамъ любятъ считать себя непогрѣшимыми, и даже единодушному обществу миѣнію не всегда удается вырвать изъ ихъ рукъ и оправдать несправедливо осужденнаго человѣка. Представители власти ненавидятъ и боятся выпущеннаго изъ тюрьмы человѣка, который можетъ бросить справедливо въ лицо ихъ обвиненія въ своей разбитой, благодаря ихъ жестокости, жизни, за тотъ гнетъ общественнаго презрѣнія, который они наложили на него. Безъ сомнѣнія, они не претендуютъ быть представителями божества, но развѣ судъ—абстрактное понятіе справедливости,—не символизируется изображеніемъ богини, статуи которой возвышаются во всѣхъ дворцахъ? Но подобно прежнимъ абсолютнымъ властелинамъ и магистратъ въ наше время не представляется уже такой

недостижимой особой. Теперь они произносят свои приговоры от имени народа, но подъ предлогомъ защиты общественной нравственности, они тѣмъ не менѣе обладаютъ возможностью быть жестокими, приговаривать невинныхъ къ каторгѣ и оправдывать преступника, если онъ занимаетъ высокое положеніе въ обществѣ. Въ его рукахъ мечъ закона и ключи тюрьмы: онъ можетъ и любить мучить еще не осужденнаго морально и физически предварительнымъ заключеніемъ, угрозами и предательскими обѣщаніями обвинителя, такъ называемаго судебного «свѣдователя»: онъ воздвигаетъ гильотины и изобрѣтаетъ орудія пытки; онъ воспитываетъ цѣлый штатъ полицейскихъ и шпионовъ, агентовъ правовъ—и изъ ихъ представителей во имя «защиты общества» образуется тотъ отвратительный міръ низкой, грубой мести и насилія, который представляютъ собой эти учрежденія.

Другимъ подобнымъ учрежденіемъ является армія, понятіе о которой смѣшивается съ представленіемъ о «вооруженной націи» у тѣхъ народовъ, гдѣ требованія свободы на столько сильны, что правители ихъ принуждены обманомъ отстаивать это учрежденіе. Но мы горькимъ опытомъ убѣдились, что если личность солдата и обновилась, то рамки, въ которыхъ онъ долженъ двигаться, остались тѣ же и принципы учрежденія не измѣнились. Людей теперь не покупаютъ въ Швейцаріи или въ Германіи, это уже не страшные «ландскнехты» и «рейтеры», но развѣ отъ этого солдаты болѣе свободны? 500.000 «интеллигентныхъ штыковъ», изъ которыхъ состоитъ армія Французской Республики имѣютъ ли право проявлять эту интеллигентность, когда капралъ, сержантъ или всѣ другіе высшіе представители военной іерархii приказываютъ: «молчаніе въ рядахъ!» Такова военная формула—молчать должна даже сама мысль, и найдется ли хоть одинъ офицеръ, вышедшій изъ школы или же обучавшійся въ полку, который позволитъ, чтобы всѣ эти вытянувшіяся въ струнку передъ нимъ головы, осмѣлились мыслить иначе, чѣмъ онъ самъ. Его воля руководить всей этой коллективной массой, которая двигается взадъ и впередъ по мановенію его руки или по одному только взгляду. Онъ командуетъ: они должны повиноваться «На прицѣль! Пли!» и они должны стрѣлять въ тонкинца, негра, бедуина или въ парижанина, будь то другъ, или недругъ! «Молчаніе въ рядахъ!» И если каждый годъ армія пожираетъ все новыя толпы людей,

которые превращаются въ манекеновъ, какъ того требуетъ принципъ дисциплины, не тщетная ли надежда ждать реформъ, улучшенія въ этомъ ужасномъ режимѣ, въ которомъ подавляются всё безправные?

«Моя армія, мой флотъ» говоритъ императоръ Вильгельмъ, и пользуется всякимъ случаемъ, чтобы повторять своимъ солдатамъ и морякамъ, что они его вещь, что они принадлежатъ ему и физически и морально, и что они не должны смущаться ни на минуту стрѣлять въ отца или мать, если ихъ властелинъ укажетъ имъ эту живую цѣль. Вотъ что значитъ говорить ясно. По крайней мѣрѣ эти чудовищныя слова имѣютъ то достоинство, что они ясно выражаютъ ту автократическую мысль, что наше общество такое, какъ оно есть, есть божественное учрежденіе. И если въ Соединенныхъ Штатахъ, или въ свободной Гельвенціи главнокомандующій не осмѣливается произносить подобныхъ рѣчей, онъ тѣмъ не менѣе, руководится ихъ смысломъ и когда приходитъ время, онъ примѣняетъ ихъ дословно. Въ «великой» Американской Республикѣ президентъ Макъ Кинлей награждалъ чиномъ генерала—героя, который примѣнялъ къ своимъ филиппинскимъ плѣнникамъ «пытку водой» и отдалъ приказъ на островѣ Самаро разстрѣлять всѣхъ дѣтей старше десяти лѣтъ.

Въ маленькомъ кантонѣ Ури другіе солдаты, которые не имѣютъ счастья проявлять свою дѣятельность въ такомъ же большомъ масштабѣ, какъ ихъ собратья въ Соединенныхъ Штатахъ, «возтанавливаютъ порядокъ», разстрѣливая своихъ братьевъ рабочихъ. Итакъ, не теряя своего нравственного и человѣческаго достоинства и понятія о своей независимости, люди принуждены въ продолженіи многихъ лѣтъ вести такой образъ жизни, который приучаетъ ихъ къ преступленію, приучаетъ переносить безъ возмущенія грубости и оскорбленія или, что всего хуже, заставляетъ ихъ отказаться отъ собственной мысли и воли, подчиниться чужой и совершать поступки, которые они никогда не совершали бы по собственной инициативѣ. Солдатъ не безнаказанно молчалъ въ продолженіи двухъ или трехъ лѣтъ: будучи лишенъ возможности свободно высказываться, мысль его атрофируется. А во всѣхъ другихъ государственныхъ учрежденіяхъ, называйся они «либеральными», «благотворительными» или «чиновническими» развѣ происходитъ не то же самое, что въ оудѣ и арміи. Не должны ли они

фатально быть автократическими, злоупотребляющими властью и по этому вредными. Писатели—сатирики уже давно высмѣиваютъ бюрократическіе недостатки правительственныхъ учрежденій; но, какъ бы ни были смѣшны всѣ эти канцеляристы, вредъ причиняемый ими тѣмъ ужаснѣе, что они дѣйствуютъ можетъ быть, вопреки желанію и ихъ самихъ едва ли можно упрекнуть въ немъ, этихъ безсознательныхъ жертвъ политическаго организма, застывшаго въ опредѣленныхъ формахъ и находящагося въ вѣчномъ противорѣчій съ жизнью. Независимо отъ другихъ развращающихъ элементовъ, фаворитизма, бумажнаго дѣлопроизводства, отсутствия полезной дѣятельности у цѣлой массы чиновничьяго люда, самый фактъ существованія регламентированнаго механизма съ его сводомъ законовъ, принужденіями и штрафами, жандармами и тюремщиками, вся эта путаница политическихъ, религіозныхъ, моральныхъ и социальныхъ понятій, передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе— фактъ абсурдный самъ по себѣ, можетъ имѣть только противорѣчивыя послѣдствія. Жизнь полная неожиданностей, вѣчно возобновляющаяся, не можетъ быть втиснута въ рамки уже отжившихъ условій. Сложный и запутанный административный механизмъ не только дѣлаетъ часто невозможнымъ разрѣшеніе самыхъ простыхъ вопросовъ, но даже совсѣмъ останавливается въ самый необходимый и важный моментъ, и тогда только какой-нибудь «государственный переворотъ» можетъ облегчить положеніе. Правители и сильные міра жалуются въ такомъ случаѣ, «что законность убиваетъ ихъ», смѣло выходятъ изъ ея рамокъ, чтобы «возстановить порядокъ». Удача легализируетъ ихъ поведение въ глазахъ историка, а неудача ставитъ въ ряды преступниковъ. Тоже самое постигаетъ и толпу подданныхъ или гражданъ, которые нарушаютъ правила и законы революціонныхъ путемъ: признательное потомство чтитъ ихъ, какъ героевъ; поражение обращаетъ ихъ въ разбойниковъ.

Формирующіяся учрежденія принадлежатъ къ самымъ опаснымъ; еще за долго до того, какъ они становятся официальными, государственными учрежденіями, еще до полученія хартій изъ рукъ какого-нибудь государя, или представителей народа, они стремятся жить на счетъ общества и создать изъ своихъ интересовъ особую монополію. Такъ корпоративный духъ людей, получившихъ дипломъ изъ одной и той же высшей школы

обращаетъ всѣхъ «коллегъ», какъ бы они хороши ни были, въ безсовѣстныхъ заговорщиковъ противъ общества, заключившихъ союзъ въ интересахъ собственнаго благополучія; этотъ духъ обращаетъ ихъ въ хищниковъ, которые стануть обирать прохожихъ и дѣлить между собою добычу... Посмотрите на этихъ будущихъ чиновниковъ, еще въ коледжѣ въ своихъ нумерованныхъ кэпи или въ университетѣ въ бѣлыхъ или зеленыхъ шапочкахъ! облакаясь въ форму, они, можетъ быть, не давали никакой присяги, но отъ этого они ничуть не менѣе подчиняются духу касты и настойчиво стремятся избирать для себя благую часть. Попробуйте затронуть спесь старыхъ политехниковъ; попытайтесь устроить такъ, чтобы какой-нибудь человѣкъ съ заслугами занялъ мѣсто въ ихъ рядахъ и раздѣлилъ бы съ ними обязанности и почести. Самый могущественный министръ не могъ бы добиться этого. Не за что не примуть—«высочку». Что до того, что инженеръ, дѣлая видъ, будто онъ не позабылъ изученнаго съ такимъ трудомъ ремесла, строить непрочные мосты, слишкомъ низкіе тунели, вепрочныя стѣны резервуаровъ,—нужно чтобы онъ прежде всего окончилъ высшую школу, и чтобы онъ имѣлъ честь принадлежать къ числу «*piros*».

Соціальная психологія учитъ насъ относиться съ недовѣрjemъ не только къ сложившейся власти, но и къ той, которая находится еще въ зародышѣ. Необходимо также тщательно разьяснить себѣ, что значить на практикѣ, имѣющія, повидимому, невинный или даже соблазнительный смыслъ слова; «патріотизмъ» «порядокъ» и «соціальный миръ». Безъ сомнѣнія—любовь къ отечеству—очень естественное и почтенное чувство: для изгнанника въ высшей степени отрадно слышать звуки родной рѣчи и увидѣть снова мѣста, которыя напоминаютъ родину. Любовь человѣка простирается не только на вскормившую его почву, на звуки рѣчи, которые усыпляли его въ колыбели, она относится также къ сынамъ его родной страны, съ которыми у него одинаковыя представленія, чувства и привычки, и наконецъ, если онъ человѣкъ съ возвышенной душой, онъ отдастся всецѣло чувству солидарности съ тѣми, нужды и желанія которыхъ ему близки. Если патріотизмъ заключается въ этомъ—какой человѣкъ съ сердцемъ не патріотъ. Но почти всегда это слово скрываетъ въ себѣ смыслъ, не

илюющій никакого отношенія къ «общности чувствъ» (Сень Жюсть) или «любви къ странѣ своихъ отцовъ».

По странному противорѣчію никогда не говорили объ отечествѣ съ такой шумной аффектаціей, какъ съ того времени, когда оно готово раствориться въ великомъ отечествѣ всего человѣчества. Повсюду развѣваются національныя знамена, особенно у воротъ кабаковъ и на увеселительныхъ домахъ. «Правящіе классы» повсюду трубятъ о своемъ патріотизмѣ, благоразумно помѣщая свои фонды за границей и вступая въ торговыя сдѣлки съ Вѣной или Берлиномъ, торгуя всѣмъ, что имъ обѣщаетъ доходъ, вплоть до государственныхъ тайнъ. Даже ученые, забывъ время, когда они составляли всемірную интернаціональную республику, говорятъ теперь о наукѣ французской, нѣмецкой, итальянской, какъ будто можно подъ присмотромъ жандармовъ заключить въ границы познаніе фактовъ и пропаганду идей. Превозносится протекціонизмъ для произведеній ума, какъ для рѣпы или для хлопчато-бумажныхъ издѣлій. Но пропорціонально этому суженію мозговъ крупныхъ ученыхъ расширяется мысль малыхъ. Люди, стоящіе на верху, поневолѣ сокращаютъ свои владѣнія и утрачиваютъ свои надежды по мѣрѣ того, какъ мы—бунтовщика овладѣваемъ вселенной и расшаряемъ свои сердца. Мы находимъ себя товарищей по всему земному шару, отъ Америки до Европы, и отъ Европы до Австрали. Мы употребляемъ одинъ и тотъ же языкъ—языкъ борьбы за однѣ и тѣ же интересы, и близокъ моментъ, когда мы вдругъ окажемся объединенными на общей тактикѣ и на общемъ лозунгѣ. Наши союзы возникаютъ во всѣхъ уголкахъ міра.

Въ сравненія съ этимъ всемірнымъ движеніемъ—то, что привыкли называть патріотизмомъ есть явленіе регрессивное со всѣхъ точекъ зрѣнія. Нужно быть наивнымъ среди наивныхъ, чтобы не знать, что «катехизисъ гражданина» проповѣдуетъ любовь къ отечеству въ цѣляхъ служенія интересамъ и привилегіямъ правящаго класса и что онъ стремится поддержать въ выгодахъ того же класса ненависть между слабыми и обездоленными, живущими по одну и другую сторону границы. Словомъ патріотизмъ, по новѣйшимъ комментаріямъ къ нему, прикрывается старая практика рабскаго подчиненія вождю одного начальника, полное отреченіе отъ индивидуальности передъ людьми, обладающими властью,

и стремящимися эксплуатировать цѣлую націю, какъ слѣбую силу въ своихъ интересахъ. Точно также слова «порядокъ» «соціальный миръ»—красиво звучать для нашего слуха: но мы хотимъ знать, что именно понимаютъ подъ этими словами—эти добрые апостолы—наши правители, Да, миръ и порядокъ—это великій идеалъ, котораго нужно достигнуть,—при одномъ условіи однако: этотъ миръ не долженъ быть миромъ могилы, а порядокъ не долженъ имѣть ничего общаго съ порядкомъ, который водворенъ былъ въ Варшавѣ. Нашъ будущій миръ не долженъ имѣть своимъ источникомъ безусловное господство однихъ и безнадежное порабощеніе другихъ:—нѣтъ, онъ долженъ покоиться на открытомъ и полномъ равенствѣ всѣхъ товарищей.

V.

Если первой обязанностью всѣхъ добросовѣстныхъ и активныхъ эволюціонистовъ является познаніе окружающаго ихъ общества, для котораго они создаютъ теорію преобразованія, то вторая ихъ обязанность заключается въ томъ, чтобъ отдать себѣ отчетъ въ своемъ революціонномъ идеалѣ. Изученіе послѣдняго должно быть тѣмъ болѣе тщательнымъ, что этотъ идеалъ обнимаетъ будущее во всей его полнотѣ, ибо друзья и враги, всѣ знаютъ, что дѣло идетъ уже не о большихъ частичныхъ революціяхъ, а объ одной общей революціи, которая преобразуетъ все общество, во всѣхъ его проявленіяхъ.

Сами условія жизни диктуютъ намъ наше главное пожеланіе. Крики и жалобы, раздающіеся изъ деревенскихъ хижинъ, изъ подземелій, погребовъ и чердаковъ въ городахъ постоянно напоминаютъ намъ: «хлѣба! хлѣба!» Всѣ другія соображенія подавлены этимъ коллективнымъ выраженіемъ насущнѣйшей нужды всякаго живого существа. Такъ какъ самое существованіе немыслимо безъ удовлетворенія этой инстинктивной потребности въ пищѣ, то нужно ее удовлетворить во что бы то ни стало, не дѣлая ни для кого исключеній, ибо невозможно раздѣлять общество на такія двѣ части, изъ которыхъ одна лишена была бы права на существованіе «Хлѣба! Хлѣба!» Этотъ крикъ долженъ быть понятъ въ самомъ широкомъ смѣслѣ, т. е. что нужно требовать для всѣхъ людей не только нища но и удов-

летворенія всѣхъ его другихъ потребностей, которыя дадутъ ему возможность всесторонняго физическаго и духовнаго развитія. По выраженію одного крупнаго капиталиста, который говорилъ о себѣ, что его мучаютъ особенно вопросы о справедливости, «нужно сдѣлать равной точку отравленія для всѣхъ, кто вступаетъ въ борьбу за существованіе». Часто спрашиваешь себя, каковыя образомъ эти полуголодные, которыхъ такъ много у насъ, сумѣли въ продолженіи столькихъ вѣковъ, и продолжаютъ еще теперь, побѣждать въ себѣ эти страстные порывы голода, которые они должны ощущать, какъ они сумѣли приучить себя безъ протеста къ систематическому обезсиливанію организма и самоотреченію. Исторія прошлаго объясняетъ намъ это. Дѣло въ томъ, что въ эпоху примитивной изолированности человѣка, когда малочисленные семьи или племена, принуждены были преодолевать громадныя затрудненія въ борьбѣ за существованіе, и еще не умѣли пользоваться помощью, которую даетъ человѣческая солидарность, часто случалось даже въ жизни одного поколѣнія, что средствъ къ существованію не хватало на удовлетвореніе всѣхъ членовъ данной группы. А въ такихъ случаяхъ что оставалось имъ дѣлать, если не безропотно подчиняться необходимости и приучать себя по мѣрѣ возможности, поддерживать свое существованіе, питаясь травами или прѣсной корой, переносить долги голодовки, въ ожиданіи, что въ рѣкахъ снова появится въ изобиліи рыба, въ гѣсахъ—дичь или, что скудная почва все-же выраститъ новую жатву.

Такъ приучались немощіе къ голоду. Тѣ изъ нихъ, которые меланхолично бродягъ передъ открытыми форточками кухонъ, помѣщающихся въ подвальныхъ этажахъ, изъ которыхъ несетъ раздражающій пріятный запахъ. предъ роскошными выставками мясныхъ и фруктовыхъ магазиновъ и ресторановъ—это люди, которыхъ воспитала наслѣдственность: они бессознательно подчиняются морали отреченія. Эта мораль была умѣстна въ эпоху, когда люди были игрушкой въ рукахъ слѣпой судьбы, но совершенно непригодна теперь въ вѣкъ чрезмѣрнаго обилія богатствъ, и для людей, которые нишутъ на стѣнахъ слово «братство» и кичатся своей благотворительностью. И все же количество несчастныхъ, дерзающихъ протянуть руку, чтобы взять выставленную на показъ прохожимъ пищу, очень незначительно: такъ сильное физическое ослабле-

ніе, порожденное голодомъ парализируетъ волю, отнимаетъ почти всякую энергію, даже инстинктивную.

Къ тому же современная «юстиція» караетъ воровство куска хлѣба значительно строже, чѣмъ древніе законы. Взвѣшивая на своихъ вѣсахъ украденный кусокъ пирога, современная, Фемида находитъ что онъ стоитъ цѣлаго года тюрьмы.

«Бѣдные всегда будутъ съ вами»—любятъ повторять сытые счастливыя, особенно тѣ, которые хорошо знаютъ священное писаніе и любятъ принимать меланхолическій и страдающій видъ: «Бѣдные всегда будутъ съ вами»—слова эти, утверждаютъ они, сказаны Богомъ и они ихъ повторяютъ, закатывая глаза и какимъ то особеннымъ голосомъ, чтобы придать имъ больше торжественности. И потому, что слова эти были названы божественными, сами бѣдняки во времена ихъ духовной бѣдности вѣрили въ безсиліе всѣхъ своихъ попытокъ достигнуть лучшей доли: чувствуя себя погибшими въ этомъ мірѣ, они съ надеждой взирали на міръ загробный,—«быть можетъ въ этомъ мірѣ слезъ мы умремъ съ голоду, но за то тамъ, въ царствѣ божіемъ, въ этомъ лучезарномъ раю, гдѣ солнечное сіяніе будетъ окружать ваше чело, а млечный путь будетъ служить намъ ковромъ, тамъ не будетъ уже нужды въ пищѣ и мы будемъ испытывать радость отъ того, что злые богачи, навсегда обреченные на голодъ, будутъ оглашать воздухъ своими воплями». Теперь уже очень немного несчастныхъ, дающихъ себя дурачить подобными мечтами, большинство же, ставъ болѣе благоразумными, направили свое вниманіе на хлѣбъ земной, поддерживающій его матеріальную жизнь, питающій кровь и тѣло; они желаютъ получить свою часть, увѣренные, что ихъ желанія законны въ виду обилія земныхъ богатствъ; религіозныя галлюцинаціи, старательно поддерживаемыя заинтересованными священниками, не въ силахъ отвратить голодныхъ даже считающихъ себя христіанами, отъ борьбы за право на хлѣбъ насущный, за которымъ еще недавно обращались къ капризной милости «отца, иже на небеси». Политическая экономія, претендующая на званіе науки, унаслѣдовала отъ религіи проповѣдь неизбѣжности нищеты; она утверждаетъ, что смерть несчастныхъ отъ голода совсѣмъ не ложится позоромъ на все общество. Когда видишь съ одной стороны толпы голодныхъ, а съ другой кучку привилегирован-

ныхъ, которые ѣдятъ въ свое удовольствіе и наряжаются по своей фантазіи, нужно быть черезъ чуръ наивнымъ, чтобы вѣрить, что иначе и быть не можетъ. Правда, что въ благодатные годы, можно было бы брать изъ массы избытковъ, а въ голодные—люди могли бы придти къ соглашенію и раздѣлять необходимое между всѣми равномерно, но такой образъ дѣйствія предполагаетъ существованіе общества людей, тѣсно связанныхъ между собой узами братской солидарности. Но такъ какъ такой коммунизмъ является еще невозможнымъ, наивный бѣднякъ, который безсознательно вѣритъ увѣреніямъ ученыхъ экономистовъ, что земныхъ благъ не хватитъ для всѣхъ, долженъ слѣдовательно мириться безъ протеста со своимъ несчастьемъ.

На ряду съ жрецами экономической науки, жертвы дурного социального строя повторяютъ и толкуютъ каждый по своему ужасный «законъ Мальтуса»—«Бѣднякъ—лишній на жизненномъ пиру»—законъ, который протестантскій пасторъ формулировалъ почти вѣкъ тому назадъ, какъ математическую аксіому и который казалось, заключалъ человѣческое общество въ чудовищныя челюсти своего страшнаго силлогизма: бѣднякъ повторяетъ меланхолически, что для него «нѣтъ мѣста на жизненномъ пиру». А знаменитый экономистъ, хотя и добрякъ въ частной жизни, придавалъ лишь новую силу этому горькому выводу, подтверждая его цѣлымъ рядомъ доказательствъ яко бы математической точности: населеніе, говоритъ онъ, удваивается обыкновенно каждые 25 лѣтъ, тогда какъ средства къ существованію растутъ въ менѣе быстрой пропорціи, обрекая такимъ образомъ на уничтоженіе лишннихъ индивидовъ. Что же совѣтуютъ дѣлать Мальтусъ и его послѣдователи для того, чтобы избавить человѣчество отъ періодическихъ бѣдствій, какъ голодь, нищета и заразные болѣзни? Конечно, нельзя требовать отъ бѣдныхъ, чтобы они добровольно согласились избавить землю отъ своего присутствія и принесли бы себя въ жертву богу «здравой политикоэкономической науки», но имъ просто совѣтуютъ по крайней мѣрѣ отказаться отъ радостей семейной жизни: не нужно ни женъ, ни дѣтей.

Вотъ какое «нравственное воздержаніе» проповѣдуютъ они и убѣждаютъ разумныхъ рабочихъ ему слѣдовать. Многочисленное потомство должно быть только роскошью,

которую могут позволить себѣ одни привилегированные; въ этомъ вся мораль ихъ политической экономіи.

А если неблагоразумные бѣдняки, вопреки увѣщаній ученыхъ профессоровъ не хотятъ употреблять предупреждающихъ появленіе потомства средствъ, то природа сама беретъ на себя заботу объ уничтоженіи излишняго потомства, и уничтоженіе это происходитъ въ нашемъ обществѣ въ безконечно большемъ масштабѣ, чѣмъ то могли бы представить себѣ самые законсительные пессимисты. Не тысячъ, а миллионъ жизней требуетъ уже ежегодно богъ Мальтуса. Можно легко сдѣлать приблизительный подсчетъ тѣхъ, которыхъ экономическая судьба приговорила къ смерти съ того дня, какъ безсердечный теологъ обнародывалъ свой мнимый «законъ», который къ несчастію, наше социальное настроеніе сдѣлало вѣрнымъ для нашей эпохи. Въ продолженіи этого вѣка три поколѣнія смѣнили другъ друга въ Европѣ и, если обратиться къ статистическимъ даннымъ смертности, то можно констатировать, что средняя продолжительность жизни богатыхъ (напримѣръ лицъ, населяющихъ хорошо устроенные роскошные кварталы Лондона, Парижа, Берлина) будетъ отъ 60 до 70 лѣтъ, хотя эти люди, вслѣдствіе своего привилегированнаго положенія, едва ли могутъ быть образцами нормальнаго образа жизни, такъ какъ «великосвѣтская жизнь» всячески развращаетъ и портитъ ихъ: но чистый воздухъ, прекрасное питаніе, постоянная возможность мѣнять свое мѣсто жизни и свои занятія постоянно возвращаетъ имъ растрату силъ и обновляетъ ихъ организмъ, въ то время какъ люди, принужденные работать ради куска хлѣба, заранѣе осуждены на смерть въ Европейскихъ странахъ въ возрастѣ между 20—40 годами, т. е. въ среднемъ на тридцатомъ году жизни. Это значить, что они живутъ только половину того времени, какое могли бы прожить, если бы были свободны, и могли бы по желанію выбирать себѣ мѣсто жительства и занятіе. Они умираютъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда ихъ жизнь должна бы быть наиболѣе полной и интенсивной; и ежегодно подсчитываемое число смертей по крайней мѣрѣ вдвое больше того, чѣмъ должно бы быть въ обществѣ равныхъ.

Итакъ, годовая смертность Европы достигаетъ 12 миллионъ человекъ, и можно съ увѣренностью утверждать, что 6 миллионъ изъ нихъ были жертвами тѣхъ

соціальныхъ условій, которыя царствуютъ въ нашей варварской средѣ; 6 милліоновъ жителей погибло вслѣдствіе недостатка въ чистомъ воздухѣ, здоровой пищѣ, отсутствія гигиеническихъ условій и дурной организаціи труда. И вотъ, сочтите всѣ жертвы, погибшія съ того времени, какъ Мальтусъ произнесъ свою надгробную рѣчь надъ милліонами обреченныхъ на гекатомбы. Развѣ не правда, что цѣлая половина такъ называемаго цивилизованнаго человѣчества составляетя изъ людей, которыхъ не приглашали на общественный пиръ, людей, занимающихъ на немъ мѣсто лишь на короткое время и осужденныхъ умереть со стиснутыми отъ неудовлетвореннаго голода челюстями? Смерть председательствуетъ на этомъ пиру, устраняя своимъ жезломъ опоздавшихъ. На выставкахъ намъ показываютъ удивительные «пріемники», въ которыхъ примѣнены всѣ законы физики, всѣ наши познанія физиологіи, всѣ средства технической изобрѣтательности, чтобы сдѣлать жизнеспособными семи, даже шестимѣсячныхъ выкидышей. И эти выкидыши выживаютъ, крѣпнутъ и становятся здоровыми, полными малютками, предметомъ материнской гордости и славы своего спасителя. Но спасая такимъ образомъ отъ смерти малютокъ, казалось бы, самой природой приговоренныхъ къ ней, одновременно съ тѣмъ отдають ей въ жертвы милліоны жизнеспособныхъ дѣтей, родившихся при самыхъ благопріятныхъ физическихъ условіяхъ. Въ Неаполитанскомъ убѣжищѣ для подкидышей, по сухому официальному отчету помечительства изъ 950 принятыхъ дѣтей выжило только трое. Итакъ положеніе ужасно, но уже совершилась глубокая эволюція, предвѣщающая недалекую революцію. Эта эволюція состоитъ въ томъ, что экономическая «наука», проповѣдующая недостатокъ жизненныхъ благъ и неизбежную смерть всѣхъ недостаточныхъ, оказалась ложной. Страдающее человѣчество, вѣрившее въ свою неизбежную нищету, познало теперь, что оно богато, что его идеалъ: «хлѣба для всѣхъ» — не утопія. Земля достаточно велика, чтобы на ней хватило мѣста для всѣхъ, она достаточно богата, чтобы всѣмъ дать средства къ существованію. Она можетъ дать достаточно обильный урожай волокнистыхъ растений, чтобы одежды хватило на всѣхъ; въ ней достаточно камня и глины, чтобы всѣ имѣли жилища — таковъ экономическій фактъ въ своемъ простѣйшемъ выраженіи. Земля не только можетъ произвести до-

статочно пищевыхъ и другихъ средствъ для поддержанія существованія населяющихъ ее людей, но она могла бы удовлетворить даже вдвое увеличившееся потребленіе и даже безъ приложенія научныхъ методовъ, опирающихся на изслѣдованія по химіи, физикѣ, минералогіи и механикѣ. Въ великой семьѣ человечества голодъ не только не можетъ быть результатомъ коллективнаго преступленія, онъ является абсурдомъ еще и потому, что средствъ къ существованію неизмѣримо больше, чѣмъ сколько ихъ нужно для потребленія. Недостатокъ современнаго способа распредѣленія земныхъ благъ, которыми руководить индивидуальный капризъ отдѣльныхъ личностей и безумная конкуренція спекуляторовъ и коммерсантовъ, состоитъ въ томъ, что цѣны на средства существованія повышаются, что они отнимаются у тѣхъ, которые производятъ ихъ и должны бы были владѣть ими по праву, и продаются тѣмъ, которые могутъ заплатить за нихъ дорого! но въ этомъ безпрестанномъ движеніи продукты и товары непродуцительно тратятся, портятся и теряются. И несчастные, нуждающіеся, проходящіе мимо громадныхъ складовъ этихъ товаровъ, знаютъ это. Нѣтъ недостатка ни въ теплой одеждѣ, которая могла бы покрывать ихъ голыя плечи, ни въ крѣпкихъ сапогахъ для ихъ босыхъ ногъ, ни въ питательныхъ вкусныхъ фруктахъ и напиткахъ для поддержанія ихъ силъ,—все это имѣется въ громадномъ излишкѣ, но пока они бродятъ вокругъ этихъ складовъ, бросая голодные взгляды, собственникъ-купецъ ищетъ способы повмѣстить цѣны своихъ товаровъ, а въ случаѣ нужды даже уменьшить ихъ количество. Какъ бы то ни было, но фактъ на лицо—продуктовъ всегда больше, чѣмъ нужно. И почему же господа экономисты не начинаютъ своихъ учебниковъ съ признанія этого капитальной важности факта, доказываемаго статистикой? Зачѣмъ должны мы революціонеры имъ указывать на это? Чѣмъ объявлять, что необразованные рабочіе послѣ долгаго трудового дня, только изъ разговоровъ другъ съ другомъ, знаютъ объ этомъ гораздо больше и лучше натованыхъ профессоровъ и ревностныхъ учениковъ школы социальныхъ и политическихъ наукъ? Не слѣдуетъ ли изъ этого сдѣлать выводъ, что любовь послѣднихъ къ наукѣ не вполне искренна? Такъ какъ современное состояніе экономической науки вполне оправдываетъ наше требованіе хлѣба для всѣхъ, то

остаётся узнать: оправдывает ли оно и наше другое требование—свободы для всѣхъ. «Не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ», говоритъ древнее изрѣченіе, которое перестанетъ быть истинной развѣ только въ томъ случаѣ, если человѣкъ будетъ регрессировать и опустится до чисто животнаго состоянія.

Но въ чемъ состоитъ эта духовная пища, необходимая человѣку, на ряду съ матеріальной? Конечно, церковь скажетъ, что таковой пищей служить «Евангеліе», а государство напоминаетъ, что это «повиновеніе закону». Но пища, которая дѣйствительно питаетъ и развиваетъ умственные и нравственные силы человѣка, есть то познаніе «добра и зла», которое еврейская легенда, а за ней и всѣ религіи происшедшія отъ іудейской, запрещаютъ намъ, какъ ядовитый плодъ, который, какъ проклятіе, поражаетъ всѣхъ и вліяніе котораго простирается даже «до третьяго поколѣнія» того, кто вкусилъ отъ него. Знаніе!—преступленіе по ученію церкви, преступленіе и съ точки зрѣнія государства, какъ бы ни старались маскировать это теперь священники и агенты правительства, которые противъ воли, можетъ быть, вкусили отъ этой ереси? А между тѣмъ знаніе есть первая главная добродѣтель свободной личности, которая захотѣла освободиться отъ всякаго божескаго и человѣческаго авторитета: она одинаково отказывается слушать тѣхъ, которые во имя «Высшаго Разума» узурпируютъ въ свою пользу право мыслить и говорить за другихъ и тѣхъ, которые во имя государства предписываютъ законами опредѣленный гнетъ, внѣшнее поведеніе, регламентированное разъ на всегда. И такой человѣкъ, желающій свободно развиваться, долженъ встать какъ разъ на противоположную точку зрѣнія, чѣмъ та, которую ему рекомендуетъ церковь и государство: онъ долженъ свободно и независимо мыслить и дѣйствовать. Это является непремѣннымъ условіемъ всякаго прогресса. «Свободно мыслить, говорить и дѣйствовать!»—идеаль будущаго общества въ отличіе отъ современнаго, котораго оно будетъ все-таки лишь логическимъ продолженіемъ, выражается ясно въ этомъ пожеланіи свободно мыслить. И съ первыхъ шаговъ эволюціонистъ, превратившись въ революціонера, долженъ освобождаться отъ всякой догматической церкви, отъ всякаго общественнаго принужденія, отъ всякой политической правительственной власти съ обязательной

регламентаціей для подчиненныхъ ей, отъ всякой ассоціаціи публичной или тайной, въ которой всякій членъ подь страхомъ оказаться измѣнникомъ долженъ подписаться подь общепринятымъ лозунгомъ. Не нужно больше ни конгрегацій, запрещающихъ тѣ или другія книги, не нужно царей и принцевъ, требующихъ присяги, ни полководцевъ, требующихъ вѣрности знамени, ни министра народнаго просвѣщенія, предписывающаго правила преподаванія и указывающаго книги и даже страны въ нихъ, которымъ учитель долженъ научить учениковъ, не нужно исполнительнаго комитета, который распоряжается пропускомъ посѣтителей у входа въ народные дома. Не нужно и судей, которые заставляють свидѣтеля давать смѣшную и ложную присягу въ томъ, что будутъ говорить только правду, и которая сама по себѣ является уже ложью. Нѣтъ надобности въ начальствѣ, какого бы рода оно ни было, чиновникъ ли, школьный учитель, членъ клерикальнаго или социалистическаго комитета, хозяинъ или отецъ семейства, который бы вообще требоваль повиновенія. А свобода слова? а свобода дѣйствій? Развѣ это не прямое и логическое послѣдствіе свободы мысли? Слово вѣдь только мысль, облеченная въ звуки или буквы, дѣйствіе же—мысль выполненная. Нашъ идеаль состоитъ слѣдовательно въ требованіи для всякаго человѣка полной абсолютной свободы выражать свои мысли во всемъ—въ наукахъ, политикѣ, морали безъ другихъ ограниченій, кромѣ уваженія къ другой личности; онъ требуетъ также права дѣйствовать по своему усмотрѣнію «дѣлать, что хочешь», согласуя, конечно, свою волю съ волей другихъ людей во всякомъ коллективномъ трудѣ, такъ какъ его собственная свобода не можетъ быть ограничена такимъ союзомъ, а напротивъ увеличивается, благодаря силѣ коллективной воли. Само собой разумѣется, что эта абсолютная свобода мысли, слова и дѣйствій не совмѣстима съ сохраненіемъ учреждений, которыя ограничиваютъ свободную мысль и ставятъ преграды свободному слову, въ самыхъ категорическихъ формахъ и заставляють рабочаго, оставшагося безъ работы, скорѣе умереть съ голоду, чѣмъ нарушить священное право собственности. Консерваторы не ошиблись, называя вообще всѣхъ «революціонеровъ» врагами «религіи, семьи и собственности». Да, анархисты, не признають авторитетовъ догмата и сверхестественное вмѣшательство

въ нашу жизнь, и въ этомъ смыслѣ, въ борьбѣ за свой идеалъ братства и солидарности, они враги религіи. Да они хотять уничтожить брачный торгъ и защищаютъ свободный союзъ половъ, основанный на взаимной любви, уваженіи къ самому себѣ и къ человѣческому достоинству другого, и въ этомъ смыслѣ, какъ бы они не любили и не были преданы тѣмъ, съ которыми соединили свою жизнь, они являются врагами семьи. Да, они хотять уничтожить несправедливый захватъ земли и ея благъ, чтобы ими могли пользоваться всѣ и въ этомъ смыслѣ, преслѣдуя лишь одну цѣль—гарантировать всѣмъ право пользованія плодами земли, они являются и врагами собственности.

Конечно, мы любимъ и хотимъ мира: нашъ идеалъ—гармоничное согласіе между всѣми людьми, но вокругъ насъ кипитъ беспощадная война, которую мы видимъ еще и впереди, ибо въ безконечной сложности условій, составляющихъ человѣческую жизнь, даже стремленіе ихъ къ миру сопровождается беспощадной войной. «Мое царство не отъ мира сего», говорилъ Сынъ Человѣческій и однако, онъ тоже принесъ мечъ и готовилъ раздоръ между сыномъ и отцомъ, дочерью и матерью. Всякое убѣжденіе, даже наихудшее имѣетъ своихъ защитниковъ, которыхъ должно считать искренними, но симпатія и уваженіе, которыя они могутъ заслуживать, не должны препятствовать революціонеру бороться съ ними со всей энергіей, на какую онъ только способенъ.

VI.

Наивные люди надѣются, что въ концѣ концовъ все устроится и въ одинъ прекрасный день совершится мирная революція, когда пользующіеся всякими привилегіями по доброй волѣ согласятся уступить свои права всему народу,

Конечно, мы вѣримъ, что они уступятъ когданибудь, но то, что ихъ толкнетъ на уступки, не будетъ внезапнымъ порывомъ гуманнаго чувства, а страхъ передъ будущимъ, въ особенности ввиду «совершившихся событій»; безъ сомнѣнія эти люди измѣнятся, но только тогда, когда для нихъ явится абсолютная невозможность продолжать жить по старому, а это время еще далеко. Всякій организмъ функционируетъ только сообразно своему устройству—онъ можетъ перестать

функционировать, разрушиться, но онъ не можетъ развиваться въ обратномъ направленіи. Всякая власть естественно стремится увеличить свое вліяніе надъ большимъ числомъ подчиненныхъ ей индивидуумовъ; всякая монархія по той же причинѣ старается сдѣлаться всемірной.—Если нашелся одинъ Карлъ V, который; удалившись въ монастырь, издали, какъ зритель наблюдалъ за траги—комедіей народовъ, то сколько найдется другихъ царей, страсть которыхъ ко власти ни чѣмъ не можетъ быть удовлетворена и которые, если не по слагѣ и талантамъ, могутъ всѣ считаться Аттилами, Александрями Македонскими и Юліями Цезарями. Точно также рѣдко можно встрѣтить и капиталистовъ, отрекшихся отъ любостяжанія и отдавшихъ свои сокровища на осуществленіе какого нибудь общепользнаго дѣла; даже тѣ, которые желали бы ограничить свои потребности, не могутъ этого сдѣлать, подчиняясь вліянію своей среды; ихъ капиталы будутъ расти, принося проценты на проценты. Какъ только человекъ получаетъ какую бы то ни было власть духовную, военную, административную или финансовую, его естественно толкаетъ пользоваться ею безконтрольно; нѣтъ тюремщика, который бы, поворачивая ключъ въ замкѣ камеры, не ощущалъ бы нѣкоторого самодовольнаго чувства своей власти, нѣтъ стражника, который, охраняя имущество своего господина, не относился бы враждебно къ бродягѣ, или судебнаго пристава, который не ощущалъ бы глубокаго презрѣнія къ подчиненному его власти преступнику.

И если отдѣльныя личности такъ легко поддаются обаянію власти, которую имъ предоставили, то во сколько разъ сильнѣе это обаяніе для цѣлыхъ классовъ, сохранившихъ свою власть по наслѣдственной традиціи и облагающихъ чрезвычайно развитымъ чувствомъ кастовой чести! Можно еще понять, что отдѣльная личность, подчиняясь чьему либо вліянію, можетъ быть послушна голосу совѣсти и чувства или, подчиняясь внезапному благородному порыву, отказывается отъ своей власти, отдаетъ свое имущество, радуясь успокоенію своей возмущенной совѣсти и тому, что теперь дружески протягиваютъ руки тѣ, которыхъ она эксплуатировала раньше бессознательно или противъ своей воли; но какъ ждать такой перемены отъ цѣлой касты людей, связанныхъ другъ съ другомъ цѣлой цѣпью общихъ ин-

тересовъ, партійной дисциплиной, дружбой, сообществомъ или даже преступленіемъ? И когда іерархическіе тиски и стремленіе къ возвышенію прочно объединяютъ весь правительственный механизмъ, то какая остается надежда на то, что люди, составляющіе его, вдругъ измѣнятся къ лучшему, какое чудо свыше можетъ очеловѣчить эти враждебныя обществу касты,—армію, духовенство и чиновничество? Нужно быть сумасшедшимъ, чтобы думать, что такія общественныя группы могутъ проникнуться гуманитарными чувствами и подчиниться другимъ вліяніямъ, кромѣ страха? Правда, что это живой механизмъ, составленный изъ человѣческихъ индивидуумовъ, но онъ двигается, толкаемый слѣпой силой коллективнаго эгоизма и остановить его можетъ только коллективная непобѣдимая сила революціи.

Допустивъ даже, что «добрые богачи» вступятъ всѣ на путь обращенія къ истинѣ, осѣненные сознаніемъ своего беззаконія, какъ бы свѣтомъ молніи, допустивъ даже, что вообще мы считаемъ невозможнымъ, чтобы они поспѣшили отдѣлаться отъ своихъ богатствъ на пользу обиженныхъ или немущихъ и что, явившись въ собраніе бѣдняковъ, они скажутъ имъ: «берите—это ваше», еслибы они сдѣлали это, то и тогда этимъ не была бы достигнута полная справедливость, такъ какъ за ними останется право на славную роль, которая въ сущности не принадлежитъ имъ, и исторія представитъ ихъ въ ложномъ свѣтѣ. Такимъ образомъ поступали льстецы, желавшіе заслужить расположеніе вотожковъ феодаловъ, восхваляя ихъ подвиги въ ночь на 4-ое августа 1789 года, когда тѣ отказались отъ своихъ привилегій, какъ будто этотъ моментъ—отказъ отъ привилегій, которыхъ народъ уже не признавалъ, является центромъ движенія всей французской революціи. И если такое фиктивное отреченіе, выжуглаемое подъ давленіемъ совершившихся событій, прославляется какъ нѣчто достопримѣчательное и славное, то что скажутъ про болѣе искреннее и дѣйствительное отреченіе отъ сокровищъ, добытыхъ эксплуатаціей темныхъ народныхъ массъ? Можно было бы опасаться, что толпа возвратитъ этимъ героямъ ихъ прежнее положеніе лишь изъ чувства благодарности за ихъ великодушіе! Нѣтъ для торжества справедливости нужно, чтобы все пришло въ естественное равновѣсіе, нужно, чтобы угнетенные сами добились своего права, чтобы

обездоленные вернули сами себѣ все, что у нихъ было насильно отнято, чтобы рабы добились свободы собственными усилиями. И они будутъ пользоваться ею только тогда, когда сумѣютъ добыть ее. Всемъ намъ знакома фигура выскочки, добившагося богатства. Онъ почти всегда исполненъ глупаго чванства и презрѣнія къ бѣднымъ. Туркменская пословица говорить: «когда сынъ садится на коня, онъ не узнаетъ больше своего отца», а индусы говорить: «если твой другъ ѣдетъ въ колесницѣ, то у него нѣтъ уже друзей». Но цѣлый классъ подобныхъ людей гораздо опаснѣе отдѣльных своихъ членовъ: онъ связываетъ каждого, заставляя его руководиться только общими, свойственными ему, какъ члену класса, инстинктами и даже противъ его воли увлекаютъ его по своему пагубному пути. Жадный купецъ, умѣющій изъ «всего» извлекать прибыль, — конечно, опасный членъ общества, но что сказать о цѣломъ классѣ современныхъ эксплуататоровъ, анонимной ассоціаціи капиталистовъ, основанной на облигаціяхъ, акціяхъ, и кредитѣ? Какъ морализировать эти облигаціи и банковые билеты? какъ внушить имъ идеи солидарности со всѣмъ человѣчествомъ, которыя готовятъ пути къ лучшему порядку вещей? Такой банкъ, хотя бы члены его были филантропы чистѣйшей воды, не переставалъ бы учитывать векселя, брать проценты и проч.: тамъ не знаютъ сколькихъ слезъ и мукъ стоили эти потертыя монеты, которыя въ концѣ концовъ попадаютъ въ его желѣзныя несгораемыя кассы съ хитрыми замками и засовами. Намъ постоянно совѣтуютъ пожить на время, которое должно будетъ смягчить нравы и привести все къ лучшему концу, но какъ можетъ смягчиться эта желѣзная касса, какъ остановится это ужасное чудовище, которое называютъ капиталистическимъ хозяйствомъ, которое пожираетъ одно за другимъ цѣлыя поколѣнія людей? Да если капиталъ, которому служить все, сохранить свою силу, то мы всѣ сдѣлаемся его орудіемъ и рабами—простыми колесиками въ его чудовищномъ механизмѣ; если къ сбереженіямъ, собраннымъ въ желѣзныхъ кассахъ банкировъ, безпрестанно будутъ прибавляться новыя сбереженія то напрасны будутъ наши крики о помощи—никто не услышитъ ихъ. Тигръ можетъ еще оставить свою жертву—но банковыя книги неумолимы. Отдѣльные лица, цѣлые народы раздавлены этими тяжелыми флианта-

ми, безмолвныя страницы которыхъ, своими безстрастными цифрами, рассказываютъ о всѣхъ ужасахъ и жестокостяхъ, совершившихся здѣсь.

Если за капиталомъ должна остаться конечная побѣда, то намъ пельзя уже мечтать о золотомъ вѣкѣ, и мы только съ сожалѣніемъ можемъ оглядываться назадъ и смотрѣть, какъ на угасающую зарю, на все, что на землѣ было когда то прекраснымъ, любовь, радость, надежда. Человѣчество было бы осуждено на исчезновеніе. Всѣ мы, которые были свидѣтелями политическихъ переворотовъ, можемъ отдать себѣ отчетъ о тѣхъ безпрестанныхъ измѣненіяхъ, которымъ подвержены всѣ организациі, основанныя на власти однихъ надъ другими. Было время, когда слово: «Республика» приводила насъ въ энтузіазмъ; намъ казалось, что это слово составлено изъ чудныхъ звуковъ и что миръ будетъ обновленъ въ тотъ же день, когда его можно будетъ безъ страха произносить въ публичныхъ мѣстахъ. Кто были тѣ, которые горѣли вдохновенною любовью къ этому слову и въ его воплощеніи въ дѣйствительность видѣли вмѣстѣ съ нами начало новой эры прогресса? Это тѣ самые что засѣдаютъ теперь въ министерствахъ и другихъ хорошо обеспеченныхъ мѣстахъ, подобострастно улыбаясь и кровавымъ убійцамъ армянъ и могущественнымъ баронамъ финансоваго міра. Но я не думаю, что всѣ эти выскочки были безъ исключенія лицемѣрами и обманщиками. Между ними, безъ сомнѣнія, были и такіе, но большинство казалось мнѣ искреннимъ. Эти послѣдніе были фанатиками Республики и чистосердечно восторгались громкими словами: «Свобода, Равенство, Братство.» Твердо вѣря, что ихъ преданность общему благу никогда не измѣнитъ имъ, приняли они послѣ побѣды назначенныя имъ должности. Но уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда эти республиканцы уже находились у власти, другіе тоже республиканцы медленно проходили съ обнаженными головами по Версальскому бульвару межъ расставленныхъ рядовъ пѣхоты и конницы. Толпа поносила ихъ, плевала имъ въ лицо и среди нея, среди лицъ искаженныхъ ненавистью и гнѣвомъ, пѣвники узнавали своихъ бывшихъ товарищей по баррикадамъ, съ которыми они вмѣстѣ боролись за осуществленіе своего идеала!

А много-ли прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ эти недавніе революціонеры превратились въ ярыхъ консер-

ваторовъ! Республика была учреждена и, по мѣрѣ своего усиленія, становилась все болѣе угодливой. Будто подчиняясь движенію часового механизма, правильно, какъ движеніе тѣни солнечныхъ часовъ, подчиняясь законамъ эволюціи, вся эта ревностная молодежь, которая еще недавно такъ героически боролась съ преслѣдовавшей ее полиціей, превратилась теперь въ осторожныхъ, боящихся слишкомъ смѣлыхъ реформъ, людей, затѣмъ въ довольныхъ существующимъ порядкомъ консерваторовъ и наконецъ, надавая все ниже, даже въ нагло наслаждающихся предоставленными имъ благами, защитниковъ своего привилегированнаго положенія.

Волшебница Цирцея или, другими словами излишества власти и богатства превратили ихъ въ свиней! Единственной цѣлью ихъ стало защищать то, противъ чего они прежде боролись— и это они называютъ: «защитой завоеваній свободы»! Теперь они великолѣпно уживаются со всѣмъ, что ихъ возмущало когда-то. Они, метавшіе громаы противъ церкви и ея слугъ, теперь охотно признають конкордаты и подобострастно кланяются Монсеньорамъ Епископамъ.

Всеобщее братство вдохновляло ихъ когда-то на громкія фразы, но повторить имъ теперь, значило бы оскорбить ихъ;—въ то время воинская повинность «налогъ кровью» казался имъ чѣмъ-то чудовищнымъ—а теперь они вербовали чуть ли не дѣтей и кажется готовились обратить всѣхъ школьниковъ Франціи въ пушечное мясо. «Оскорблять армію», т. е. не скрывать всей мерзости безконтрольнаго авторитаризма, и пассивнаго повиновенія въ ихъ глазахъ является теперь тяжкимъ преступленіемъ. Не уважать нахальнаго агента нравовъ, называть подлаго провокатора его настоящимъ именемъ, а всякаго чиновника министерства юстиціи—крючкотворомъ, по ихъ мнѣнію, значить оскорблять юстицію и мораль. Нѣтъ теперь такого устарѣваго учрежденія, которое они не старались бы сохранить. Благодаря имъ «академія», столь презираемая когда то, сдѣлалась теперь чрезвычайно популярной они тщеславно прохаживаются подъ ея сводами, привѣтствуя кого-нибудь изъ своихъ сообщниковъ, который, сдѣлавшись шпиономъ, получилъ возможность украсить по французки академическимъ значкомъ петлицу своего сюртука. Они смѣялись когда-то надъ орденомъ Почетнаго Легіона, а теперь сами изобрѣли новые значки всѣхъ цвѣтовъ, кото-

рыми украшаютъ себя. Такъ нареченная республика широко открыла свои двери для всѣхъ, кто раньше ненавидѣлъ даже имя ея: герольдамъ божественнаго права, силлабическимъ пѣвцамъ почему бы и не войти туда? Не у себя ли они среди всѣхъ этихъ выскочекъ, которые окружаютъ ихъ?

Но мы не задаемся здѣсь цѣлью судить и критиковать тѣхъ, которые вслѣдствіе медленной или внезапной перемѣны возрѣній перешли отъ культа святой республики къ культу власти и злоупотребленій. Путь, который они прошли, есть именно тотъ, который они должны были пройти. Они были убѣждены, что общество должно представлять изъ себя государство и имѣть надъ собой правителей и законодателей; они вымали благороднымъ стремленіемъ служить своей родинѣ и «посвятить себя» ея процвѣтанію и славѣ. Принявъ этотъ принципъ, они должны были принять всѣ послѣдствія: саванъ долженъ былъ служить пеленками для новорожденныхъ. Итакъ республика и республиканцы обратились въ то печальное явленіе, которое мы теперь наблюдаемъ; почему бы намъ возмущаться?

Таковъ законъ природы: дерево приноситъ свои плоды, а всякое правительство неизбѣжно порождаетъ произволъ, тиранію, ростовщичество, преступления, убійства и несчастія. Какъ только возникаетъ какое нибудь новое учрежденіе, хотя бы именно для борьбы съ существующимъ зломъ, оно уже самымъ фактомъ своего существованія создаетъ новое зло; оно должно приспособляться къ дурной средѣ и проявлять себя въ патологическихъ формахъ. Инициаторы его служатъ, быть можетъ, возвышенному идеалу, но исполнители, которыхъ они назначаютъ, напротивъ считаются прежде всего съ величиной своего жалованья и продолжительностью своихъ занятій. Они быть можетъ, и желаютъ успѣха дѣлу, которому они служатъ, но желаютъ его лишь въ отдаленномъ будущемъ; или, даже совсѣмъ не желаютъ и приходятъ въ ужасъ, когда его триумфъ близокъ. Для нихъ важенъ теперь не самый трудъ, а тѣ почести и выгоды, которыя связаны съ ихъ положеніемъ. Такъ напр., коммисія инженеровъ, избранная для того, что бы удовлетворить справедливыя жалобы нѣсколькихъ собственниковъ, права которыхъ были нарушены постройкой водопровода, находятъ болѣе выгоднымъ для себя, вмѣсто того, чтобы

просто разобраться въ этихъ жалобахъ, положить ихъ подъ сукно и употребить ассигнованныя для этого средства на новую нивеллировку мѣстности, въ которой уже нѣтъ надобности и къ дорого стоящимъ бумагамъ приложить цѣлый ворохъ новыхъ. Было бы химерой ожидать, что анархія, идеаль чловѣчества, можетъ развиться изъ республики, представляющей одну изъ формъ правительства. Здѣсь совершаются два эволюціонныхъ процесса въ противоположныхъ направлєніяхъ и измѣненіе существующаго порядка можетъ произойти только внезапно: т. е. при помощи революціи.

Республиканцы стараются же декретомъ осчастливить народъ, а свое собственное существованіе они охраняютъ полицейской силой! Такъ какъ власть есть ничто иное какъ насиліе, то ихъ первая забота по достиженіи власти заключается въ томъ, чтобы упрочить всѣ тѣ учрежденія, посредствомъ которыхъ они управляютъ обществомъ. Быть можетъ у нихъ хватать даже смѣлости воспользоваться и научными выводами для обновленія старыхъ учреждений съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе приспособленными. Такъ въ армию вводится употребленіе новыхъ разрушительныхъ орудій, бездымнаго пороха, усовершенствованныхъ вращающихся пушекъ т. е. всевозможныхъ изобрѣтеній, служащихъ для болѣе быстрого и вѣрнаго истребленія. Такъ въ полиціи примѣняется антропометрія, посредствомъ которой всю Францію можно обратить въ одну громадную тюрьму. Начиная измѣрять черепа настоящихъ или предполагаемыхъ преступниковъ, затѣмъ будутъ измѣрять подзрительныхъ, а въ концѣ концовъ придется всѣмъ подчиниться этой унижительной процедурѣ. «Полиція и наука протянули другъ другу братскія объятія», скалъ бы псалмопѣвецъ.

Такимъ образомъ ничего хорошаго не можетъ намъ дать ни республика, ни республиканцы «высочки», т. е. тѣ, которые стоятъ у кормила ея правленія; и было бы безуміемъ ждать чего нибудь съ этой стороны.

Классъ имущихъ и стоящихъ у власти фатально долженъ быть врагомъ всякаго прогресса. А двигателемъ современной мысли, умственнаго и нравственнаго прогресса является та часть общества, которая трудится, страдаетъ и угнетаема. Это она осуществляетъ свои собственныя идеи, и шагъ за шагомъ толкаетъ впередъ общество, движеніе котораго консерваторы пытаются

безпрестанно остановить, задержать или свернуть съ прямого пути.

Но скажутъ: социалисты, эти друзья эволюціи, эти революціонеры, неужели они тоже могутъ измѣнить своему дѣлу и мы увидимъ ихъ идущими по пути регресса, когда они достигнутъ наконецъ власти? Безъ сомнѣнія. Соціалисты, сдѣлавшись хозяевами положенія, будутъ поступать и поступаютъ уже также, какъ ихъ предшественники, республиканцы; законы исторіи не могутъ измѣниться въ ихъ пользу. Когда въ ихъ рукахъ будетъ сила и даже до момента ихъ полного обладанія ею они, конечно, воспользуются своимъ преимуществомъ, хотя бы и воображая, что употребляютъ его для уничтоженія препятствій, стоящихъ на ихъ пути. Міръ полонъ наивныхъ честолюбцевъ, воображающихъ, что они призваны измѣнить общество, благодаря своимъ удивительнымъ способностямъ управлять имъ; но когда они достигаютъ вершинъ власти и становятся однимъ изъ рычаговъ правительственнаго механизма, они начинаютъ понимать, что ихъ собственные стремленія не имѣютъ никакого вліянія на дѣйствительную власть, т. е. на тотъ сложный механизмъ власти, которымъ имъ приходится управлять и ихъ усилія и благородныя стремленія парализуются индифферентностью и опозиціей окружающей ихъ среды. Тогда имъ не остается ничего другого, какъ слѣдовать по избитому пути всѣхъ стоящихъ у власти, т. е. воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы обогащаться самимъ и раздавать мѣста своимъ друзьямъ.

Конечно, говорятъ намъ фанатики-соціалисты, мѣражъ власти и обладаніе ею могутъ быть очень опасны для людей, воодушевленныхъ только благими пожеланіями; но она не можетъ представлять опасности для тѣхъ, которые руководятся тщательно выработанной совмѣстно съ товарищами программой, которые сумѣютъ призвать ихъ къ порядку въ случаѣ злоупотребленія или измѣны. Эти программы дѣйствительно тщательно выработаны, закрѣплены подписями и печатью, ихъ публикуютъ въ тысячахъ экземпляровъ, наклеиваютъ на стѣны и двери общественныхъ собраній и каждый кандидатъ знаетъ ихъ наизусть. Казалось бы, что это—достаточныя гарантіи! Однако, смыслъ этихъ тщательно звѣренныхъ выраженій мѣняется изъ года въ годъ, сообразно личнымъ видамъ и условіямъ ихъ приминенія; каждый понимаетъ ихъ по своему, а

когда цѣлая партія начинаетъ понимать вещи иначе, тѣмъ прежде, то самыя опредѣленныя заявленія принимаютъ лишь символическій характеръ и въ концѣ концовъ превращаются въ простые историческіе документы или даже въ звуки, до смысла которыхъ трудно доискаться.

И въ самомъ дѣлѣ тѣ, которые хотятъ завладѣть общественными должностями, должны употреблять и соотвѣтствующія средства. Въ республиканскихъ странахъ съ всеобщей подачей голосовъ, они будутъ заискивать у толпы, у большинства, они сведутъ знакомство и будутъ оказывать протекцію виноторговцу, искать популярности въ кабакахъ, заискивать у лицъ, которые будутъ голосовать за нихъ, кто бы они ни были, принося въ жертву все и сохраняя только внѣшній видъ защитниковъ интересовъ толпы, они протянутъ руки врагамъ общаго дѣла и заразятъ ядомъ жи весь правительственный организмъ. Въ монархическихъ странахъ нѣкоторые социалисты будутъ относиться индифферентно къ образу правленія, даже обратятся сами къ царскимъ министрамъ, разчитывая на ихъ помощь для тѣхъ социальныхъ преобразованій, которыя они имѣютъ въ виду, какъ будто есть какая нибудь логическая возможность согласовать самодержавіе и братскую солидарность людей. Но нетерпѣны этихъ дѣятелей мѣшаютъ имъ видѣть истинныя препятствія и они легкомысленно воображаютъ, что ихъ вѣра въ состояніи будетъ сдвинуть горы. Лассаль мечталъ воспользоваться союзомъ Бисмарка для переустройства міра, другіе обращаются къ Римскому папѣ и требуютъ, чтобы онъ сталъ во главѣ униженныхъ и нуждающихся, а когда претенціозный императоръ Вильгельмъ пригласилъ къ столу нѣсколькихъ извѣстныхъ социологовъ и филантроповъ, то нашлись люди, которые говорили, что великій день социального переворота уже недалекъ.

И если престижъ нравительственной власти, царствующей «божьей милостью», или по праву сильного, еще ослабляетъ нѣкоторыхъ социалистовъ, то тѣмъ болѣе они будутъ преклоняться передъ всякой другой властью, которая основана на популярномъ правѣ частичныхъ или всеобщихъ выборовъ. Чтобы завоевать въ свою пользу голоса избирателей, чтобы заслужить благосклонность гражданъ, что съ перваго взгляда можетъ показаться весьма законнымъ, социалистъ, кандидатъ на об-

щественную должность, охотно будет приспособляться ко вкусу толпы, потворствовать ей и даже умалчивать о ея недостатках; онъ будетъ игнорировать старые споры и антипатіи и сдѣлается на время другомъ и союзникомъ тѣхъ, съ которыми онъ всегда находился въ антогонизмѣ. Въ клерикалѣ онъ постарается увидѣть социалиста—христианина, въ либеральномъ буржуа—реформатора; въ шовинистѣ—славнаго защитника гражданскаго достоинства своей націи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ будетъ даже стараться не затрогивать и «собственника» или «патрона», онъ постарается представить ему свою программу, какъ единственную гарантію прочнаго міра. И «первое мая», которое было нѣкогда символомъ побѣдоносной борьбы пролетаріата противъ царя—капитала, превращается такимъ образомъ въ обычный праздникъ съ гирляндами цвѣтовъ и танцами. Въ этомъ замискиваніи передъ толпой кандидатъ на общественныя должности мало по малу забываетъ свои прежнее гордыя рѣчи въ защиту истины и независимое положеніе бойца, и наружно и внутренно онъ совершенно мѣняется въ особенности, когда онъ наконецъ садится на обитыя бархатомъ скамьи противъ покрытой краснымъ сукномъ съ золотой бахромой трибуны, такъ какъ тутъ то именно и нужно умѣть привѣтливо убавиться, пожимать руки и оказывать услуги нужнымъ людямъ.

Такова человѣкая природа, и было бы абсурдомъ съ нашей стороны упрекать за это лидеровъ социалистовъ, которые вмѣшавшись въ избирательную борьбу, мало по малу превращаются въ свободно-мыслящихъ буржуа: они помирились съ окружающими ихъ условіями, которыя въ свою очередь подчинили ихъ себѣ. Таковой конецъ неизбѣженъ, и историкъ долженъ только констатировать этотъ фактъ и указать на опасность, которая грозитъ революціонерамъ, бросившимся очертя голову на политическую арену. Впрочемъ, мы не хотимъ преувеличивать результаты эволюціи социалистовъ въ политиковъ, такъ какъ группа борцовъ всегда состоитъ изъ двухъ элементовъ, взаимные интересы которыхъ все болѣе и болѣе разнятся. Одни измѣняютъ своему дѣлу—другіе служатъ только ему, и этого достаточно, чтобы произвести новую дифференціацію индивидовъ, согласно ихъ дѣйствительнымъ склонностямъ. Точно также въ недавнемъ прошломъ мы видѣли и республиканскую партію расколовшуюся на два враждебныхъ лагеря—

«опортунистовъ» и «соціалистовъ». А эти въ свою очередь раздѣляются на политикановъ и неполитикановъ, первые стараются смягчить свою программу до возможности принятія ея консерваторами, другіе отворачиваются отъ всякаго компромисса, чтобы сохранить свою революціонную силу и искренность. Испытавъ времена минуты колебаній, неувѣренности, даже скептицизма, они въ концѣ концовъ оставятъ «мертвецовъ хоронить своихъ мертвыхъ», и сами займутъ подобающее имъ мѣсто въ рядахъ активныхъ дѣятелей. Но пусть они знаютъ, что всякая «партія» требуетъ партійныхъ приверженцевъ, а слѣдовательно требуетъ солидарности какъ въ дурномъ, такъ и хорошемъ смыслѣ: каждый членъ партіи становится солидарнымъ съ ошибками, ложью и честолюбивыми поползновеніями своихъ товарищей и руководителей. Только свободный человѣкъ, присоединивши по собственному влеченію свои силы къ силамъ другихъ, ему подобныхъ свободныхъ личностей, имѣетъ право не оправдывать и порицать ошибки или злоупотребленія своихъ товарищей. Онъ будетъ отвѣтствененъ только за самого себя.

VII.

Мы познакомились во всѣхъ подробностяхъ съ функциями современнаго цивилизованнаго общества; намъ извѣстенъ также революціонный социалистическій идеалъ. Мы констатировали равнымъ образомъ, что либеральныя попытки реформъ заранѣе осуждены на безрезультатность, и что въ идейной борьбѣ единственный предметъ, который насъ долженъ занимать, такъ какъ отъ него зависитъ сама жизнь—это то, что всякое отступленіе отъ принциповъ приводитъ неизбѣжно въ концѣ концовъ къ поражению. Намъ остается показать, какое большое значеніе имѣютъ въ нашемъ столь удивительно сложномъ обществѣ различныя силы, приходящія въ столкновеніе; дѣло идетъ о томъ, чтобы такъ сказать исчислить силы армій, ведущихъ борьбу, описать занимаемыя ими стратегическія позиціи съ холоднымъ безпристрастіемъ военныхъ атакъ, подсчитать математически точно шансы на побѣду той и другой стороны. Однако великая битва идей, исходъ которой наъ такъ сильно занимаетъ, не будетъ развертываться передъ нами въ такомъ же порядкѣ, какъ какое нибудь сраженіе, въ которомъ участвуютъ генералы, ка-

питаны и солдаты, съ командой—«пли» въ началѣ и крикомъ отчаянія «спасайся кто можетъ» въ концѣ. Эта длинная непрерывная борьба, которая началась для первобытныхъ людей въ дѣйственныхъ лѣсахъ миллионы лѣтъ тому назадъ и которая до сихъ поръ привела только къ частичнымъ успѣхамъ: она все же будетъ имѣть окончательное рѣшеніе—ибо вслѣдствіе взаимнаго уничтоженія всѣхъ жизненныхъ энергій—человѣчество вернется къ первобытному хаосу, либо гармонія всѣхъ этихъ силъ приведетъ къ сознательному превращенію человѣка въ высшее существо.

Современная социологин показала съ полной ясностью существованіе двухъ обществъ, находящихся въ борьбѣ другъ съ другомъ; они смѣшаны между собою. противорѣчія затемнены существованіемъ и тамъ и здѣсь элементовъ, которые желаютъ не желая и идутъ впередъ, чтобы сейчасъ же и отступить. Но если смотрѣть на вещи съ извѣстной высоты, оставляя въ сторонѣ нерѣшительныхъ и индифферентныхъ, двигаемыхъ судьбой, то станеть ясно, что современное общество дѣлится на два лагеря: въ одномъ находятся тѣ, которые стремятся поддержать неравенство и бѣдность, то есть—повиновеніе и нищету для другихъ, наслажденіе и власть для себя самихъ; въ другомъ лагерѣ находятся тѣ, что ведутъ борьбу за общее благосостояніе и свободную инициативу каждаго.

Сначала кажется, что силы обѣихъ враждующихъ сторонъ очень неравны: утверждаютъ, что консерваторы гораздо сильнѣе. Защитники современнаго общественнаго строя владѣютъ безграничной собственностью, ихъ доходы исчисляются миллионами и миллиардами, все могущество государства съ арміей чиновниковъ, солдатъ, полицейскихъ, судебныхъ властей, весь арсеналъ законовъ и приказовъ, такъ называемыя непогрѣшимыя догмы церкви, иперція привычки, наслѣдственные инстинкты и пошлая рутина, которая почти всегда привязываетъ пресмыкающихся побѣжденныхъ къ ихъ гордымъ побѣдителямъ—все это на ихъ сторонѣ. Что же могутъ противопоставить всѣмъ этимъ организованнымъ силамъ—анархисты, эти строители новаго общества? Повидимому—ничего. Безъ денегъ, безъ арміи—они несомнѣнно оказались бы побѣжденными, если бы не являлись представителями идейной и нравственной эволюціи. Они сами по себѣ ничто, но за нихъ развитіе человѣческой ини-

ціативы. Все прошлое лежит на ихъ плечахъ страшной тяжестью, но логика событій оправдываетъ ихъ и толкаетъ впередъ, не смотря на законы и полицейскихъ.

Попытки подавить революцію могутъ временно окончиться видимымъ успѣхомъ. Реакционеры ликуютъ и поздравляютъ другъ друга. Но ихъ радость напрасна: отхлынувъ въ одномъ мѣстѣ, революціонная волна поднимается въ другомъ. Послѣ того, какъ была раздавлена Парижская Коммуна, официальный и придворный міръ Европы могъ думать, что социализмъ—это революціонная стихія современнаго общества—умеръ и похороненъ навсегда. На глазахъ побѣдителей нѣмцевъ французская армія вообразила, что она можетъ себя реабилитировать подавленіемъ и разстрѣломъ парижанъ—всѣхъ недовольныхъ и революціонеровъ. На своемъ политическомъ жаргонѣ, консерваторы могли хвалиться тѣмъ, что они «пустили кровь бродягамъ». Тьеръ—этотъ несравненный типъ буржуа—высочки, думалъ, что онъ окончательно уничтожилъ парижскихъ революціонеровъ и зарылъ ихъ на кладбищѣ Перъ-Лашезъ. Тѣ же изъ оставшихся, которыхъ онъ считалъ наиболѣе зловредными представителями социалистовъ, были сосланы въ заточеніе въ Новую-Каледонію, къ нашимъ антиподамъ. Всюду за Тьеромъ повторяли его слова всѣ его европейскіе друзья и со всѣхъ концовъ неслись пѣсни Триумвира. А что касается нѣмецкихъ социалистовъ, развѣ они не были подъ надзоромъ того, кто былъ «могущественнѣе самихъ государей»—одно движеніе бровей котораго приводило въ трепетъ Европу. А русскіе нигилисты? Кто были эти несчастные? Странная чудовища, дикіе потомки гунновъ и башкировъ, въ которыхъ цивилизованные люди запада видѣли только зоологическихъ особей. Увы! безъ труда можно себѣ представить, какое мрачное молчаніе настало, когда въ Варшавѣ и другихъ мѣстахъ былъ «водворенъ порядокъ». На другой день послѣ бойни, найдется немного людей, готовыхъ стать подъ пули. Когда одно слово, одинъ жестъ наказывается тюрьмой, очень рѣдко встрѣчаются люди, готовые подвергнуться опасности. Немногіе спокойно жертвуютъ собой за дѣло, торжество котораго еще не близко, или даже сомнительно: всѣ не могутъ обладать героизмомъ русскихъ нигилистовъ, составляющихъ прокламаціи въ лагерѣ

своихъ враговъ и расклеивающихъ ихъ на стѣнахъ, чуть ли не на глазахъ у часовыхъ. Нужно быть самому готовымъ на всякую жертву, чтобы имѣть право послать упрекъ тѣмъ, кто не смѣетъ объявить себя борцомъ за свободу, когда ихъ заработокъ, а слѣдовательно и жизнь дорогихъ ему существъ зависятъ отъ ихъ молчанія. Но если не всѣ угнетенные—герои, они не менѣе чувствуютъ страданія, они не менѣе желаютъ освободиться отъ гнета и настроеніе всѣхъ страдающихъ выстѣ съ ними и знающихъ причины страданій создастъ въ концѣ концовъ революціонную силу. Хотя въ какомъ-нибудь городѣ вовсе не существовало бы ни одной группы, объявившей себя анархистами—всѣ рабочіе въ немъ все же анархисты въ большей или меньшей степени. Инстинктивно аплодируютъ они товарищу, который говоритъ имъ объ общественномъ строѣ, когда не будетъ хозяевъ и когда продуктъ труда будетъ принадлежать производителямъ. Этотъ инстинктъ содержитъ въ себѣ зародышъ будущей революціи, ибо съ каждымъ днемъ онъ становится опредѣленнѣе и претворяется въ сознаніи. То, что рабочій смутно чувствовалъ еще вчера, сегодня онъ уже это знаетъ и каждый новый опытъ приносить ему новыя знанія. А крестьяне, которые не могутъ прокормиться продуктами своего клочка земли, и тѣ еще болѣе многочисленныя, которые не имѣютъ и куска глины—не начинаютъ ли они понимать, что земля должна принадлежать тѣмъ, кто ее обрабатываетъ? Они это всегда инстинктивно чувствовали; теперь они это знаютъ и скоро заговорятъ опредѣленнымъ языкомъ борьбы.

Радость, вызванная кажущимся исчезновеніемъ социализма, длилась не долго. Дурные сны мучили палачей, имъ казалось, что жертвы ихъ несовсѣмъ умерли. Найдется ли теперь хоть одинъ слѣпецъ, который сомнѣвался бы въ ихъ воскресеніи? И развѣ не тѣ же самые продажные писаки, которые повторяли влѣдъ за Гамбеттой: «соціального вопроса болѣе не существуетъ», схватываютъ на лету слова императора Вильгельма, чтобы кричать вслѣдъ за нимъ: «на насъ наступаетъ соціальный вопросъ, онъ держитъ насъ въ осадѣ»!, чтобы требовать противъ всѣхъ нарушителей порядка исключительныхъ законовъ и неумолимыхъ репрессій? Но какъ бы ни былъ жестокъ законъ, который они могутъ издать, онъ не въ силахъ подавить пришедшую

въ броженіе мысль. Если бы какому-нибудь титану Эисададу удалось бросить въ кратеръ скалу и остановить изверженіе, то кратеръ образуется въ другомъ мѣстѣ вулкана, и черезъ новое отверстіе потекутъ новые потоки лавы. Такъ, послѣ взрыва французской революціи, Наполеонъ мнилъ себя такимъ титаномъ, который закупорить катеръ революціи; толпа льстецовъ и невѣждъ думала такъ вмѣстѣ съ Наполеономъ. Однако тѣ солдаты, которыхъ онъ водилъ по всей Европѣ, служили дѣлу распространенія новыхъ идей и привычекъ, завершая этимъ свое дѣло разрушенія: такъ будущій декабристъ или нигилистъ бралъ первые уроки возстанія у одного изъ военнопленныхъ, спасшихся при переправѣ черезъ Березину. Точно также временное завоеваніе Испаніи Наполеоновской арміей разорвало цѣпи, которыя приковывали Новый Свѣтъ къ странѣ Инквизиціи, и освободило огромныя провинціи Америки отъ невыносимаго колониальнаго гнета. Европа какъ будто остановилась, но зато Америка двинулась впередъ. Наполеонъ оказался проходящей тѣнью.

Вышняя форма общества измѣняется въ соотвѣтствіи съ внутреннимъ давленіемъ: нѣтъ историческаго факта, который былъ бы установленъ съ такой несомнѣнностью. Сокъ питаетъ дерево и создаетъ листья и цвѣты; кровь создаетъ человѣка, идеи создаютъ общество. И нѣтъ ни одного консерватора, который не жаловался бы на то, что идеи, нравы, все, что составляетъ внутреннюю жизнь человѣчества, измѣнились къ худшему въ сравненіи съ «добрымъ старымъ временемъ». Конечно, также перемѣнятся и соотвѣтствующія имъ социальныя формы. Революція приближается по мѣрѣ углубленія этой внутренней работы, происходящей въ умахъ.

Однако не слѣдуетъ пребывать въ мирномъ бездѣйствіи, ожидая благоприятныхъ перемѣнъ отъ времени и обстоятельствъ. Восточный фатализмъ здѣсь неумѣстенъ, такъ какъ наши противники работаютъ не покладая рукъ, и, сверхъ того, имъ часто помогаютъ реакціонныя теченія. Нѣкоторые изъ нихъ, будучи одарены большой силой воли, пользуются всеми находящимися въ ихъ рукахъ средствами борьбы и обладая необходимымъ присутствіемъ духа, чтобы вести атаку, не теряются въ затруднительныхъ случаяхъ и при пораженіяхъ. «Умирающее общество»! сардонически говорилъ одинъ фабрикантъ по поводу книги нашего товарища анархиста Жана

Грава. «Умирающее общество! оно еще живо, чтобы поглотить васъ всёхъ!» А когда республиканцы и свободомысляще толковали объ изгнаніи иезуитовъ, этихъ вѣчныхъ вдохновителей католической церкви: «право», вскричалъ одинъ изъ этихъ священниковъ «нашъ вѣкъ удивительно деликатенъ. Не воображаютъ ли, что пепель костровъ совершенно остылъ, и въ немъ не найдется не единой искры зажечь факель? Группы! называя насъ иезуитами, они полагаютъ, что повосять насъ этимъ именемъ, но эти иезуиты готовятъ имъ цензуру, замки и костры!» Если бы всѣ враги свободной мысли и личной инициативы обладали такой сильной логикой, такой энергіей и послѣдовательностью, они, быть можетъ, и побѣдили бы насъ при помощи всѣхъ средствъ репрессіи и произвола, которыми обладаютъ современныя правительства: но социальныя группы, въ своемъ эволюціонномъ прогрессѣ непрестаннаго «становленія», никогда не бываютъ и не могутъ быть строго послѣдовательными, такъ какъ интересы и влеченія людей всегда различны; кто, въ самомъ дѣлѣ, не стоитъ одной ногой на непріятельской почвѣ? «Всякій чѣмъ нибудь намъ союзникъ», по справедливому изрѣченію одного политика нѣтъ ни одного учрежденія, которое было бы вполнѣ опредѣленно и открыто самовластнымъ; нѣтъ владыки, который согласно совѣту Юсифа де-Местра, постоянно опирался бы на плечо палача. Вопреки императорскимъ обращеніямъ, вопреки хвастливымъ цитатамъ въ альбомахъ принцессъ и высококомѣрнымъ заявленіямъ на пирушкахъ, власть въ наше время уже не осмѣливается быть совершенно абсолютной, или становится таковой только по капризу, по отношенію, напимѣръ, къ заключеннымъ, несчастнымъ плѣнникамъ, или безправнымъ и лишеннымъ поддержки личностямъ. Всякій властелинъ окруженъ своей камарильей, не считая министровъ, посланниковъ, государственныхъ совѣтниковъ, изъ которыхъ всякій облеченъ своего рода вице-королевской властью. Кромѣ того онъ связанъ въ проявленіи своей воли старяными обычаями, осторожностью, протоколами, условными приличіями, занимаемымъ положеніемъ—этикетомъ, представляющимъ цѣлую науку со множествомъ трудно разрѣшимыхъ задачъ: самый необузданный изъ нихъ «Людовикъ XIV», связанъ тысячью путъ, изъ которыхъ ему никогда не освободиться. Всѣ эти условности этикета, держа тщеславнаго властелина въ своихъ тискахъ, какъ

бы даютъ ему предчувствовать паденіе и постоянно же уменьшаютъ его реакціонную силу.

Люди, отягченные печатью смерти, не ожидаютъ, когда ихъ убьютъ: они лишаютъ себя жизни сами, они или стрѣляются, вѣшаются, или же ими овладѣваетъ меланхолія, тоска, пессимизмъ, словомъ одна изъ тѣхъ душевныхъ болѣзней, которыя предвѣщаютъ и ускоряютъ конепъ. У привилегированнаго наследника истощенной выродившейся расы пессимизмъ не есть только вѣшняя манера или маска, а настоящая болѣзнь. Не познавъ еще жизни, несчастный юноша уже не находитъ въ ней ничего привлекательнаго, живетъ, протестуя противъ нея, и это почти насильственное существованіе равносильно преждевременной смерти. Въ такомъ положеніи человѣкъ заранѣе осужденъ на всѣ душевныя болѣзни, сумашествіе, преждевременную старость, бѣшенство или декадентство. Жалуются на прогрессивное уменьшеніе дѣтей въ семьяхъ; но въ чемъ причина произвольнаго или непроизвольнаго безплодія, если не въ упадкѣ жизненной—энергіи и жизнерадости? Въ рабочихъ семьяхъ, гдѣ не мало причинъ къ огорченію, нѣтъ однако времени предаваться тоскѣ и пессимизму. Нужно жить, идти впередъ, бороться и развиваться во что бы то ни стало и возобновлять свои силы ежедневнымъ трудомъ. Только благодаря росту этихъ трудящихся семей держится общество; изъ ихъ среды постоянно появляются передовые люди, и благодаря ихъ смѣлой инициативѣ общество не застываетъ въ рутинѣ и только благодаря этому постоянному регрессу и вымиранію пресыщенныхъ благами жизни представителей привилегированныхъ классовъ, новое общество обязано своимъ существованіемъ.

Другую гарантію прогресса революціонной мысли намъ даетъ непримиримость властей, въ которой сохранились пережитки прошлаго. Официальный жаргонъ нашихъ политическихъ обществъ, представляющій путаницу всѣхъ понятій, настолько нелогиченъ, и противорѣчивъ, что часто въ одной и той же формѣ говорится о «неотъемлемыхъ правахъ общества» и о «священныхъ правахъ сильнаго государства»; точно также въ законныхъ функціяхъ административнаго организма участвуютъ мэры и синдикаты, которые, будучи представителями свободнаго народа передъ его правительствомъ, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и исполнителями приказаній

того же правительства, обращенных къ подчиненному ему народонаселенію. Здѣсь нѣтъ ни единства, ни смысла: это какой то сплошной хаосъ перекрещивающихся понятій, законовъ, нравовъ сотенъ народовъ и десятковъ тысячилѣтій, подобно тому, какъ на берегу моря перемѣшаны камни, скатившіеся съ горъ, принесенные теченіями рѣкъ и выброшенные волнами. Съ точки зрѣнія логики современное государство представляетъ картину такой путаницы, что даже самые заинтересованные защитники отказываются его оправдывать.

Такъ какъ защита интересовъ собственниковъ и «правъ капитала» является главнѣйшей функцией современнаго государства, то необходимо поэтому, чтобы защищающій такой порядокъ экономистъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи или неопровержимые аргументы, или какую нибудь ослѣпляющую разумъ ложь, которые бѣдный труженикъ, желающій вѣрять въ общее счастье, считалъ бы неоспоримыми. Но увы! Всѣ эти прекрасныя теории, изобрѣтенныя нѣкогда для глупаго народа, не пользуются больше кредитомъ; теперь уже никто не станетъ защищать устарѣвшее положеніе, что «благосостояніе и собственность являются наградой за труды». И, утверждая, что основаніемъ благосостоянія является трудъ, сами экономисты понимаютъ, что это ложь. Какъ и анархисты, они знаютъ, что богатство создается не личнымъ трудомъ, а благодаря труду другихъ; они знаютъ, что биржевые крахи и спекуляціи, благодаря которымъ приобретаются громадныя состоянія, совершенно справедливо могутъ быть уподоблены грабежамъ и конечно, они не осмѣлятся утверждать, что человѣкъ, могущій тратить по миллиону въ недѣлю, т. е. сумму, на которую могло бы существовать сто тысячъ человѣкъ, отличается отъ другихъ людей умомъ и другими душевными качествами, превышающими въ сто тысячъ разъ умъ и способности средняго человѣка. Было бы бесполезно заниматься разборомъ всѣхъ этихъ лицемерныхъ аргументовъ, на которые опираются защитники социальнаго неравенства.

Но они употребляютъ другой аргументъ, который имѣеть, по крайней мѣрѣ, то достоинство, что не опирается на хитросплетенную ложь: противъ требованій справедливости и равенства они выставляютъ право сильнѣйшаго и имя великаго ученаго Дарвина, противъ его воли, послужило имъ средствомъ для защиты и

оправданія царящих повсюду несправедливостей и насилій. Сила мускуловъ и челюстей, сила дубины и вистеня—вотъ ихъ лучшій,—аргументъ! Дѣйствительно, право сильного, захватившаго въ свои руки все источники богатствъ, царствуетъ повсюду. Тотъ, кто лучше обезпеченъ матеріально, кто принадлежитъ по рожденію къ привилегированному меньшинству, обладаетъ образованіемъ, имѣетъ могущественныхъ друзей, наконецъ, лучше вооруженъ силой или хитростью, тотъ, конечно, обладаетъ и наибольшими шансами успѣха; лучше всякаго другого онъ можетъ построить неприступную крѣпость и поражать оттуда своихъ менѣе счастливыхъ собратьевъ.

Къ какому исходу привела борьба грубыхъ эггистическихъ стремленій? Раньше не осмѣливались такъ открыто выставить этой теоріи огня и меча, которая казалось была слишкомъ жестокой и ей предпочитали лицемерныя рѣчи о бережливости и трудолюбіи. Ее облакали въ глубокомысленныя формулы, смыслъ которыхъ, надѣялись, будетъ недоступенъ народу: «трудъ—это узда», говорилъ Гизо. Но научные выводы натуралистовъ изъ борьбы за существованіе въ мірѣ животныхъ—переживаніе наиболѣе сильныхъ индивидовъ, придали теоретикамъ грубой силы смѣлость бросить безъ прикрасъ ихъ наглый вызовъ: «Вы видите, говорятъ они, это законъ природы, это неизбѣжная судьба, которой одинаково подчинены и хищникъ и его жертва».

Но мы можемъ только радоваться, что вопросъ такъ упрощенъ и такъ грубо поставленъ, тѣмъ проще и его рѣшеніе. «Царство силы»! Провозглашаютъ защитники социальнаго неравенства. «Да, царство силы»! кричатъ все громче тѣ, которые пользуются благами, доставляемыми современной индустріей въ ея постоянномъ совершенствованіи—цѣль котораго прежде всего уменьшеніе числа рабочихъ рукъ. Но то, что говорятъ теоретики—экономисты, что повторяютъ за ними фабриканты,—развѣ не могутъ сказать и революционеры, понимая только, что для нихъ настанетъ время согласнаго существованія, которое постепенно замѣнитъ существующую борьбу?

Право сильного не всегда будетъ законнымъ правомъ монополизировавшихъ орудія производства. «Сила побѣждаетъ право», говорилъ вслѣдъ за другими и Бисмаркъ, но можетъ настать день, когда сила станетъ

наконецъ на сторону вѣтнянаго права. Если правда, что идея солидарности распространяется, если правда, что завоеваніе науки проникаетъ все болѣе и болѣе глубокіе слои общества, если правда, что нравственныя богатства дѣлаются общимъ достояніемъ рабочихъ, которые одновременно имѣютъ наибольшіе права на производимыя ими богатства, а также и силу, не воспользуются ли они наконецъ ею, чтобы произвести революцію въ пользу всѣхъ.

Что могутъ сдѣлать отдѣльныя личности, какъ бы они ни были сильны, богаты, умны и хитры противъ солидарныхъ массъ пролетаріата? Правительства, потерявъ надежду, подкрѣпить доводами морали свои права, ищутъ теперь только «твердой власти», единственное средство, въ которомъ они нуждаются. Не трудно найти многочисленныя примѣры тому, что въ министры выбираются теперь лица, не потому, что они прославились воинскими подвигами, а не потому, что они знатнаго происхожденія или обладають выдающимися талантами и краснорѣчіемъ, но единственно за абсолютное отсутствіе щепетильности. Въ этомъ отношеніи имъ довѣряютъ вполнѣ: въ ихъ стремленіи усилить власть и защитить денежный мѣшокъ ихъ не останавливаютъ никакія соображенія.

Ни въ одной изъ революцій, совершившихся въ нашу вѣкъ, мы не видѣли, чтобы привилегированныя классы боролись самостоятельно, они всегда или опирались на безчисленную армію бѣдняковъ, которымъ они старались внушить «вѣру въ знамя», или дѣлали это подъ видомъ «водворенія порядка». Шесть милліоновъ человекъ, не считая высшую и низшую полицію, заняты этимъ дѣломъ въ Европѣ. Но эти арміи могутъ дезорганизоваться, они могутъ вспомнить, наконецъ, свое происхожденіе и то, что связываетъ ихъ съ народными массами, и рука, которая управляетъ ими, не сможетъ удержать ихъ. Составленныя въ своей большей части изъ пролетаріевъ, они могутъ превратиться, и навѣрное рано или поздно превратятся для буржуазнаго общества въ то, чѣмъ сдѣлались нѣкогда наемные варвары имперіи для римскаго общества—въ элементъ разрушенія. Исторія изобилуетъ примѣрами того политическаго ужаса, который овладѣвалъ даже такими изъ власть—имущихъ, которые сохранили до конца силу характера, но, вѣдь, есть еще и масса «нравителей», которые являются простыми

дегенератами, не обладающими ни достаточной энергией, ни физической силой, чтобы пробиться къ выходу и спастись, ни достаточно человѣческаго достоинства, чтобы позаботиться раньше о спасеніи изъ пожара своихъ женъ и дѣтей.

Когда обездоленные объединяются для защиты своихъ интересовъ, ремесло съ ремесломъ, нація съ націей, раса съ расой, или просто человѣкъ съ человѣкомъ; когда передъ ними, наконецъ, будетъ ясна ихъ цѣль, не сомнѣвайтесь, они скоро найдутъ случай, чтобы добиться силой общей свободы. А какъ бы ни былъ могуществененъ ихъ господинъ, онъ будетъ ничто, лицомъ къ лицу, передъ этой объединенной однимъ желаніемъ массой, которая возстанетъ на него, чтобы обезпечить себѣ разъ навсегда кусокъ хлѣба и свободу.

VIII.

Кромѣ матеріальной силы, грубаго и безсовѣстнаго произвола, проявляющагося въ лишеніи работы, арестахъ и разстрѣлахъ, въ распоряженіи правящихъ классовъ имѣется, быть можетъ, и еще болѣе могущественная моральная сила, сила религіознаго внушенія. И безъ сомнѣнія нельзя отрицать значенія этой силы, съ которой нужно серьезно считаться при изученіи современнаго общества.

Энциклопедисты XVIII вѣка съ дикимъ юношескимъ увлеченіемъ праздновали торжество разума надъ христіанскимъ суевѣріемъ, и мы должны констатировать грубое заблужденіе извѣстнаго философа Кузена, который, въ эпоху реставраціи, въ интимномъ кругу друзей воскликнулъ однажды: «католицизмъ проживетъ еще лѣтъ 50, не болѣе».

Пылѣвка давно уже прошло, а масса католиковъ съ полною увѣренностью и гордостью говоритъ еще о своей церкви, называя ее «Вѣчной»? Монтескье говорилъ, что «при современномъ положеніи нельзя предполагать, чтобы католицизмъ просуществовалъ еще болѣе пяти-сотъ лѣтъ».

Но если католической церкви какъ будто и удалось расширить свое вліяніе; если Франція энциклопедистовъ и революціонеровъ отдаетъ себя подъ покровительство «Св. Сердца», если духовныя власти ловко воспользовались страхомъ, охватившимъ всѣхъ консерваторовъ, чтобы выставить религію, какъ единственное социальное средство противъ революціи, если европейская

буржуазія, состоявшая равьше изъ фрондирующихъ скептиковъ и вольтеріанцевъ и не знавшая другой религіи, кромѣ неопредѣленнаго деизма, теперь благоразумно слушаетъ мессу и ходитъ даже къ исповѣди; если Квириналь и Ватиканъ, церковь и государство, такъ усердно стараются теперь сгладить старыя недоразумѣнія, то это, конечно, не потому, что вѣра въ чудесное овладѣла сильнѣе живой и дѣятельной частью общества.

Она овладѣла только умами трусовъ или разочаровавшихся въ жизни, а также лицемѣрно присоединившихся къ ней заинтересованныхъ сообщниковъ. Однако нужно признать, что буржуазное христіанство не простое лицемѣріе: когда какой-нибудь классъ проникается предчувствіемъ своей неизбѣжной гибели и видитъ раскрывшуюся передъ нимъ пасть смерти, то онъ спѣшитъ обратиться къ спасительному божеству, какому нибудь фетишу, спасильному слову вѣры, или къ первому встрѣчному обманщику, проповѣдующему спасеніе и воскресеніе. Какъ римляне приняли христіанство, такъ и бывшіе вольтеріанцы вернулись въ лоно католицизма.

И дѣйствительно, кто хочетъ во чтобы то ни стало сохранить привилегированное меньшинство, тотъ долженъ принять догму, являющуюся краеугольнымъ камнемъ всего зданія; если полевые, лѣсные стражники, надсмотрщики, солдаты и полицейскіе агенты, чиновники и государи не внушаютъ народу достаточнаго страха, то остается еще внушить ему страхъ Божій, страхъ передъ вѣчными муками въ аду и мытарствами въ чистилищѣ. Приходится напоминать о заповѣдяхъ Божіихъ и религиозныхъ обрядахъ, свидѣтельствующихъ о всемогуществѣ Бога.

Приходится лицемѣрно повиноваться непогрѣшному папѣ, викарію самаго Бога и преемнику апостола, владѣющаго ключами Рая. Всѣ реакціонеры объединяются въ этомъ религиозномъ союзѣ, который является для нихъ послѣднимъ шансомъ на спасеніе, послѣднимъ ресурсомъ побѣды, и въ этомъ союзѣ протестанты и евреи, не менѣе католиковъ, столь же любезныя папскому сердцу дѣти.

Но «за все нужно заплатить». И церковь открываетъ широко свои двери, чтобы принять еретиковъ и схизматиковъ: вслѣдствіе этого она въ силу необходимости дѣлается снисходительной и индифферентной. Она можетъ

приспособиться къ этой разнородной и измѣнчивой средѣ современнаго общества лишь при непремѣнномъ условіи отказаться отъ своей прежней нетерпимости. Догматы признаютъ неизмѣннымъ, но стараются объ этомъ не говорить, предпочитая держать новопосвященнаго въ невѣденіи даже относительно Никейскаго символа вѣры. Отъ васъ даже не потребуютъ, чтобы вы притворялись вѣрующими: можете не вѣрить, исполняйте лишь обряды! Колѣнопреклоненія, осѣненія крестнымъ знаменемъ въ надлежащіе моменты и приношеніе на какой нибудь алтарь «святаго сердца» Іисуса или Маріи—этого достаточно. Словомъ, какъ выражается Флоберъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Жоржъ Зандъ: «нужно принадлежать къ католицизму, не вѣря ни одному слову его».

Всякій можетъ быть увѣренъ въ радушномъ приѣмѣ, хотя бы и не обнаруживалъ искренней вѣры, лишь бы онъ своей подписью или личнымъ присутствіемъ увеличилъ число «вѣрующихъ»; а тѣхъ же, кто принадлежитъ къ вліятельной семьѣ или имѣетъ личныя заслуги, больше состояніе принимаютъ съ распростертыми объятіями. Церковь отнимаетъ даже у родныхъ и друзей трупы людей, жившихъ всю жизнь виѣ ея лона и враждебныхъ ея ученію. Трибуналь инквизиціи проклялъ и сжегъ бы прахъ такихъ еретиковъ, наши же священники и проповѣдники не откажутся напутствовать ихъ, но за пзвѣстную плату. Невозможно слѣдвательно оцѣнить дѣйствительное значеніе современной эволюціи церкви, если судить только по внѣшнимъ признакамъ ея развитія, т. е. на сколько увеличилось число ея храмовъ и число членовъ ея паствы.

Католицизмъ былъ бы въ полнѣйшемъ разцвѣтѣ своихъ силъ, если бы всѣ принимающіе его ученіе и ливрею были бы искренни, и если бы лицемѣрно не присоединялись только изъ-за личныхъ выгодъ къ вѣрѣ своихъ отцовъ. Но въ настоящее время можно насчитать милліоны лицъ, которымъ выгодно считаться христіанами и которые только изъ лицемѣрія называются ими, чтобы ни говорили духовные мистики, о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергаются вѣрующіе люди, эти преслѣдованія таковы, что о нихъ вельзя говорить серьезно, и «Ватиканскій узникъ» заставляетъ проливать слезы состраданія къ нему лишь заинтересованныхъ въ этомъ лицъ. Насколько болѣе ужасно положеніе рабочихъ—

стачечниковъ, которыхъ изгоняють изъ ихъ жалкихъ жилищъ и разстрѣливаютъ массами, плетѣхъ анархистовъ, которыхъ пытаютъ въ тюрьмахъ!—убѣжденія заслуживаютъ уваженія лишь постольку, поскольку они искренно воодушевляютъ тѣхъ, кто ихъ высказываетъ. А всѣ эти жуиры и люди большого свѣта, которые съ поназой набожностью входятъ въ лоно церкви, едѣлались ли они болѣе милосердными и снисходительными къ несчастнымъ, сочувствуютъ-ли они тому, кто страдаетъ? Это очень сомнительно. Напротивъ имѣются признаки, доказывающіе намъ, что по мѣрѣ развитія виѣшняго значенія церкви, дѣйствительная вѣра ослабѣваетъ. Католицизмъ не есть прежняя религія покорности и униженія, которая учить бѣдняковъ набожно мириться съ нищетой, несправедливостью и социальнымъ неравенствомъ. Рабочіе, даже тѣ, которые организуютъ такъ называемые «христіанскіе союзы» и которые, слѣдовательно, должны были бы постоянно словословить Господа за его безконечную благодать и благоговѣнно ждать, чтобы воронъ пророка Или приносилъ имъ хлѣбъ и мясо утромъ и вечеромъ, даже эти рабочіе превращаются въ социалистовъ, издаютъ постановленія, требующія увеличенія заработной платы и соединяются въ союзы съ нехристіанами для поддержанія своихъ требованій. Вѣра въ бога, въ его святыхъ не удовлетворяетъ уже ихъ; имъ нужно также и матеріальныя гарантіи, и они ихъ ищутъ не въ абсолютной зависимости и послушаніи, которыя такъ часто проповѣдуются вѣрующимъ, а въ союзѣ съ товарищами, въ основаніи обществъ взаимной помощи и, быть можетъ въ активномъ сопротивленіи. Христіанская религія не могла противопоставить новыя средства сопротивленія новымъ условіямъ жизни: не умѣя приноровиться къ условіямъ, которыхъ не предвидѣли ея основатели, она все еще придерживается старыхъ формулъ благодѣянія, смиренія и бѣдности, и конечно, неизбежно должна потерять всѣ молодя, и интеллигентныя силы, сохраняя только нищихъ сердцемъ—въ худшемъ значеніи этого слова, «блаженныхъ», которымъ въ нагорной проповѣди обѣщается царство небесное. И въ то время, какъ лицемѣры наполняютъ церкви, люди искренніе покидаютъ ее: цѣлыми сотнями выходятъ изъ рядовъ торгующихъ спасеніемъ души болѣе добросовѣстные священники и толпа, которая раньше всегда относилась враждебно къ такимъ

покинувшимъ священническую рясу лицамъ, теперь относится къ нимъ съ уваженіемъ.

Католицизмъ былъ въ сущности осужденъ на гибель уже въ то время, когда, потерявъ всякую творческую способность въ области искусства, онъ оказался способнымъ только на подражаніе искусству неоготическому, неоготическому или эпохи возрожденія. Теперь это уже религія мертвыхъ, а не живыхъ. Неопровержимымъ доказательствомъ безсилія церкви является фактъ, что она уже не въ состояніи остановить ни научнаго движенія, ни все распространяющагося образованія; она можетъ теперь только задержать, но не остановить ходъ развитія науки; въкоторыя церкви даже дѣлаютъ видъ, что служатъ ей и помогаютъ, стараясь держаться подальше отъ тѣхъ неприятныхъ учителей, которые умѣютъ говорить на своихъ лекціяхъ противъ «банкротства науки». Не будучи въ состояніи помѣшать открытію школъ, они хотятъ по крайней мѣрѣ руководить ими, т. е. захватить въ свои руки народное просвѣщеніе, и въ некоторыхъ странахъ это имъ воишь удается. Милліонами, десятками милліоновъ считаютъ теперь дѣтей, довѣренныхъ моральному и умственному воспитанію священниковъ, монаховъ и монахинъ всевозможныхъ орденовъ: воспитаніе европейской молодежи предоставлено въ своей большей части безконтрольному вліянію духовныхъ лицъ; и даже тамъ, гдѣ они устранены гражданскими властями, имъ даютъ право надзора или же гарантіи нейтральности, а то даже и сообщничества. Эволюція человѣческой мысли, которая совершается болѣе быстро, въ зависимости отъ индивида, класса или націи, привела къ тому противорѣчивому и ложному положенію дѣла, при которомъ функции воспитанія и образованія поручаются именно тѣмъ лицамъ, которыя принципиально должны прелюбить и отвергать всякое знаніе, слѣдуя первой заповѣди своего бога: «ты не вкусишь отъ дерева познанія». И великая иронія обстоятельствъ привела къ тому, что именно эти лица являются официальными распредѣлителями этого ядовитаго плода.

И, конечно, мы можемъ имъ повѣрить, когда они хвалятся, что распредѣляютъ этотъ «плодъ» со всей осторожностью и скупостью, изобрѣтая въ то же время и противоядіе ему.

Для нихъ есть знаніе и знаніе, одному они обучаютъ со всѣми предписанными предосторожностями, о

другомъ тщательно замалчиваютъ. Фактъ, который они считаютъ нравственнымъ, можетъ быть запечатлѣнъ въ памяти дѣтей, другой — обходится молчаніемъ, какъ способный пробудить у учащихся духъ неповиновенія и протеста. Понимаемая такимъ образомъ исторія обращается въ ложный рассказъ; естественныя науки сводятся на совокупность фактовъ безъ связи, безъ причины, безъ цѣли; въ каждой серіи учебныхъ предметовъ вещи прикрываются словами, а въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ признается необходимымъ касаться болѣе важныхъ проблемъ, это дѣлаютъ всегда окольнымъ путемъ, загромождая ихъ анекдотами, хронологическими датами и собственными именами, гипотезами, запутанными аргументами противорѣчивыхъ системъ, что такъ умъ, сбитый съ толку, охваченный недоумѣніемъ, возвращается отъ утомленія къ младенческому и бессознательному состоянію.

И все-таки какъ бы ни было живо и не умно такое образованіе, можно, пожалуй, признать, что взятое въ цѣломъ, оно скорѣе полезно, чѣмъ вредно. Все зависитъ отъ тѣхъ пропорцій, изъ которыхъ составляется микстура и отъ умственного сосуда, отъ индивидуальности ребенка, который ее принимаетъ. Единственныя школы съ дѣйствительно реакціонной программой — это монастырскія, директрисы которыхъ «святыя сестры» не умѣютъ даже читать и гдѣ дѣти учатся только крестному знамени и молитвамъ. Но внѣшнее вліяніе проникло во всѣ школы, даже и въ тѣ, гдѣ воспитаніе католическое, протестанское, буддійское или мусульманское по общему признанію ограничивается простыми изрѣченіями, формулами, мистическими фразами и извлеченіями изъ непонятныхъ книгъ. Иногда внезапный, случайный проблескъ прорывался сквозь весь этотъ вздоръ, раскрывшемуся уму ребенка представляется логическій выводъ, отдаленный намекъ принимаетъ характеръ откровенія; какой-нибудь бессознательный жестъ, случайный эпизодъ, могутъ совершить то зло, котораго старались избѣжать, живое слово прорвалось сквозь пустой наборъ словъ и вотъ вдругъ логическій умъ ребенка дѣлаетъ скачекъ къ опаснымъ заключеніямъ. Вѣроятность умственного пробужденія еще усиливается въ тѣхъ конгрегатскихъ или другихъ школахъ, гдѣ преподаватели, совершенно придерживаясь обязательной рутинны уроковъ и ведеговоренныхъ объясненій, тѣмъ не

менѣ вынуждены излагать факты, раскрывать связь между ними и выводить законы. Каковы бы ни были комментариі, которыми учитель сопровождает свои уроки, цифры, изображаемая имъ на доскѣ, останутся неизгладимы.

Какая истина возьметъ верхъ?

Та, которая доказываетъ, что дважды два четыре, что ничто не можетъ произойти изъ ничего, или же старая истина, которая насъ учитъ, что все въ мірѣ создано изъ небытія и утверждаетъ, что Богъ одинъ, во въ трехъ лицахъ?

Въ томъ случаѣ, если обученіе ограничивается только школой, правительство и церковь могли бы еще надѣяться держать умы въ рабствѣ, но дѣло въ томъ, что главнѣйшія знанія получаютъ внѣ школы—на улицахъ, въ мастерскихъ, передъ ярмарочными балаганами, въ театрахъ, въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, на пароходахъ, въ новыхъ странахъ, въ чужихъ городахъ. Теперь путешествуютъ всѣ, или ради удовольствія, или ради паживы. Во всякомъ собраніи встрѣчаются люди, видѣвшие Россію, Австрію, Америку, и если еще рѣдки кругосвѣтные путешественники, то почти нѣтъ такихъ людей, которые не путешествовали, хотя бы столько, чтобы, по крайней мѣрѣ, могли наблюдать разницу между городомъ и деревней, культурной страной и пустыней, горой и равниной, или сущью и морями. Среди всей передвигающейся съ мѣста на мѣсто массы людей есть, конечно, немало такихъ, которые путешествуютъ безъ плана и цѣли. Мѣняя одну страну на другую, они не мѣняютъ среды и остаются, такъ сказать, у себя дома; роскошь, удовольствія, предоставляемая имъ отелями, не позволяютъ имъ оцѣнить всѣ отличительныя свойства той или другой страны, того или другого народа; бѣднякъ же, сталкивающийся со всеми трудностями жизни, совершенно самостоятельно безъ проводника сможетъ лучше наблюдать и лучше узнавать.

Большая школа внѣшняго міра одинаково раскроетъ чудеса мировой промышленности и бѣдному и богатому, и тѣмъ, кто создалъ эти чудеса своимъ трудомъ, и тѣмъ, кто ими пользуется. Желѣзные дороги, телеграфъ, гидравлическія подъемныя машины, сверлильные бурава, прожекторы, пропизывающіе лучами свѣта громадные пространства, всѣ эти вещи можетъ видѣть всякій бѣднякъ, дающій себѣ отчетъ, какъ и почему все происхо-

дять, не хуже какого-нибудь властелина, и его умъ поражается всёми этимъ не въ меньшей степени. Въ пользованіи нѣкоторыми изъ этихъ завоеваній привилегіи уже не существуетъ. Механикъ, управляющій локомотивомъ, и, то удваивающій его скорость, то останавливающій его ходъ, по своему произволу, считаетъ ли себя ниже государя, который ѣдетъ сзади его въ раззолоченномъ вагонѣ, содрагается однако при мысли, что его жизнь зависитъ отъ дѣйствія рычага или поршня, или динамитной петарды.

Наблюденіе природы и твореній человѣка, жизненная практика — вотъ тѣ школы, въ которыхъ получаетъ настоящее воспитаніе современное общество. Какъ бы школа въ собственномъ смыслѣ этого слова не приближалась къ задачѣ истиннаго образованія, она все же будетъ имѣть лишь относительное значеніе, сильно отставая отъ школы окружающей социальной жизни. Разумѣется, идеаль анархистовъ заключается не въ уничтоженіи школы, но напротивъ въ ея расширеніи, въ преобразованіи самаго общества въ огромную организацію взаимнаго самообразованія, въ которой всѣ были бы одновременно учениками и профессорами, и каждый ребенокъ, получивъ первичное понятіе обо всемъ на первыхъ урокахъ, развивался бы гармонически, соотвѣтственно его умственнымъ способностямъ въ свободно избранной обстановкѣ. Но посредствомъ ли школы или помимо нея, всякое великое завоеваніе науки въ концѣ-концовъ становится достояніемъ всего общества. Профессиональные ученые въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ работаютъ надъ изысканіями и гипотезами, сражаясь среди заблужденій и лжи; но когда истина, наконецъ, познается, что часто бываетъ наперекоръ имъ и благодаря какимъ-нибудь смѣльчакамъ, которыхъ сначала ослѣвываютъ, она открывается во всемъ своемъ блескѣ, простая и ясная. Всѣ легко ее воспринимаютъ, кажется, что она была извѣстна всегда.

Нѣкогда ученые воображали, что небо представляетъ собою круглый куполь, металлическій сводъ, — даже не одинъ, а нѣсколько сводовъ: три, семь, девять даже тринадцать, и каждый усѣянъ своими звѣздами, двигающимися по различнымъ законамъ, со своимъ особеннымъ устройствомъ и своимъ сонмами ангеловъ и архангеловъ для охраненія ихъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ разрушены всѣ эти сложные небеса, о которыхъ говорятъ Библия и

Талмудъ, не найдется ни одного ребенка, который не знаетъ бы, что земля окружена свободнымъ, безконечнымъ пространствомъ, хотя его не учатъ специально этому. Это одна изъ тѣхъ истинъ, которыя нынѣ становятся всеобщимъ наслѣдствомъ. Такъ было со всеми великими научными приобрѣтеніями. Они, такъ сказать, входятъ въ ту атмосферу, которой мы дышемъ.

Каковы бы ни были источники просвѣщенія, оно доступно всемъ, и на долю рабочихъ приходится не меньшая часть. Пусть какое-нибудь открытіе сдѣлано буржуа, дворяниномъ или разночинцемъ, будетъ ли ученый горшечникомъ Полисси, или канцлеромъ Бэкономъ, ихъ изобрѣтеніями будетъ пользоваться весь міръ. Конечно, привилегированные очень желали бы сохранить для себя выгоды знаній, предоставивъ народу оставаться въ невѣжествѣ. Чуть не ежедневно предприниматели примѣняютъ тотъ или другой химическій способъ, и привилегіями и патентами присваиваютъ себѣ исключительное право на фабрикацію тѣхъ или иныхъ полезныхъ для человѣчества предметовъ; какъ извѣстно императоръ Вильгельмъ требовалъ отъ врача Коха признанія государственной монополіей изобрѣтеннаго имъ средства излѣченія; многіе изобрѣтатели работаютъ надъ тѣмъ только, чтобы удовлетворить эгоистическіе вкусы богатыхъ.

Такіе эксплуататоры знаній попадаютъ въ положеніе волшебника изъ «тысячи и одной ночи», распечатавшаго сосудъ, въ которомъ въ продолженіи десяти тысячъ лѣтъ запертъ былъ усыпленный геній. Они хотѣли бы снова запереть его, и запечатать тремя замками, но забыли слова заклинанія и геній остался свободнымъ навсегда.

И по какому то странному противорѣчію, оказывается, что относительно всѣхъ социальныхъ вопросовъ, въ которыхъ рабочіе имѣютъ прямой и естественный интересъ требовать всеобщаго равенства и всеобщей справедливости, имъ легче, чѣмъ профессиональнымъ ученымъ, удается познаніе истины, которая и есть дѣйствительное знаніе.

Было время, когда огромное большинство рождалось, жили рабами и не имѣли другого идеала, какъ переимѣнить господина.

Никогда имъ не приходила въ голову мысль, что всѣ «люди равны». Теперь же они знаютъ и понима-

ють, что это скрытое равенство, въ сущности уже осуществленное эволюціей, въ будущемъ должно превратиться въ равенство реальное, посредствомъ революціи, или вѣрнѣе непрерывнаго ряда революцій. Рабочіе, на ученные жизнью, иначе понимаютъ законы политической экономіи, чѣмъ профессиональные экономисты. Они не заботятся о ненужныхъ подробностяхъ и подходятъ прямо къ сущности вопроса, спрашивая себя относительно каждой реформы, обезпечить ли она имъ хлѣбъ или нѣтъ. Къ различнымъ видамъ налоговъ, прогрессивнымъ или пропорціональнымъ они остаются равнодушны, зная, что всѣ налоги въ послѣднемъ счетѣ оплачиваются бѣднѣйшими. Они знаютъ, что для громаднаго большинства ихъ дѣйствуетъ «железный законъ»; который не имѣя того фатальнаго неизбежнаго характера, который ему прежде приписывали, тѣмъ не менѣе является для миллионовъ людей страшной дѣйствительностью. Въ силу этого голодный, самымъ фактомъ своего голода, обреченъ на получение за свой трудъ только скуднаго пропитанія. Суровый опытъ постоянно подтверждаетъ эту необходимость, вытекающую изъ права силы. Не стало-ли общимъ правиломъ обречь на гибель человѣка, когда онъ становится не нуженъ и бесполезенъ своему хозяину?

И такъ, безъ всякаго порадокса можно сказать, что народъ или покрайней мѣрѣ та часть народа, которая имѣетъ досугъ мыслить, не проходя даже университетскаго курса, обыкновенно знаетъ гораздо болѣе, чѣмъ большинство ученыхъ; онъ не хочетъ знать безконечныхъ подробностей, онъ не посвященъ въ тысячи гололомныхъ формулъ; его голова не загромождена названіями на всѣхъ языкахъ, какъ библиотечный каталогъ, но горизонтъ его шире, онъ видитъ дальше, съ одной стороны въ глубь прошлаго, съ его варварскимъ состояніемъ человѣчества, съ другой, въ преобразованное будущее; онъ лучше понимаетъ послѣдовательность событій; сознательно относится къ великимъ историческимъ движеніямъ; лучше знакомъ съ богатствомъ земного шара; въ концѣ концовъ онъ больше человѣкъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что ивой товарищъ, анархистъ, изъ нашихъ знакомыхъ, котораго общество признало достойнымъ лишь тюрьмы, въ сущности мудрѣе цѣлой академіи или цѣлой банды студентовъ, только что выпущенныхъ изъ университетовъ, нагруженныхъ научными фак-

тами. Ученый чрезвычайно полезенъ какъ каменщикъ: отъ извлекаетъ матеріалъ, но не онъ имъ пользуется, и дѣло, уже всего народа, всего общества, воздвигнуть зданіе.

Пусть каждый возвратится къ своимъ воспоминаніямъ и онъ можетъ тогда констатировать пережѣны, происшедшія съ половины девятнадцатаго вѣка въ образѣ мыслить и чувствовать и вытекающихъ, слѣдовательно, изъ этого соответственныхъ измѣненій въ манерѣ дѣйствовать. Казалось несомнѣннымъ, что въ каждой организаціи должна быть голова, начальникъ, командиръ. На небесахъ Богъ, хотя бы это былъ Богъ Вольтера; властитель на тронѣ, или на креслѣ, будь то конституціонный король или президентъ республики, «отсормленный боровъ», по удачному выраженію одного изъ нихъ самихъ; хозяинъ при каждой фабрикѣ, старшина въ каждой корпораціи, мужъ или отецъ съ грубыми окриками въ каждомъ хозяйствѣ. Но со дня на день предразсудокъ разсѣивается и престижъ власти падать; ореолъ блѣднѣетъ по мѣрѣ того, какъ наступаетъ день. Вопреки приказаніямъ, чтобы и невѣрующія дѣлали видъ что они вѣрятъ, вопреки академикамъ и профессорамъ, которые должны притворяться, чтобы сохранить свой престижъ,—вѣра исчезаетъ и не смотря на всѣ волѣнопреклоненія, крестныя знаменія и мистическія комедіи, вѣра въ Вѣчнаго Господа, отъ котораго происходитъ власть всѣхъ смертныхъ господъ разсѣивается, какъ сновидѣніе ночи.

Кто бывалъ въ Англии и Соединенныхъ Штатахъ, черезъ двадцатилѣтній промежутокъ, того поражаетъ чудесное преобразование, совершившееся въ умахъ въ этомъ направленіи.

Оставивъ людей нетерпимыми фанатиками, коснѣвшими въ своихъ религіозныхъ и политическихъ вѣрованіяхъ, ихъ находили интеллигентными, свободомыслящими, чуткими ко всякой лжи и несправедливости. Ихъ уже не устрашаетъ призракъ мстительнаго Бога.

Упадокъ уваженія есть важнѣйшій практическій результатъ этой идейной эволюціи.

Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ недовольны попы, бонзы или муллы? Тѣмъ что люди умѣютъ думать не по ихъ указамъ. На что также жалуются сильные міра сего? На то, что ихъ третируютъ, какъ простыхъ смертныхъ. Имъ не уступаютъ дороги, имъ небрежно кланяются.

Да и повинуюсь представителямъ власти ради куска хлѣба, и отдавая имъ внѣшніе знаки почтенія, люди знаютъ цѣну этимъ господамъ, ихъ собственные подчиненные первые стараются обратить ихъ въ посмѣшище. Не проходитъ и недѣли, чтобы по адресу судей, одѣтыхъ въ красныя мантии, съ форменными шапочками на головахъ не раздавались со скамей подсудимыхъ ругань и насмѣшки ихъ жертвъ. Даже иногда заточенные бросаютъ своими деревянными башмаками въ головы предсѣдателей суда. А генералы! Мы ихъ видѣли на дѣлѣ. Мы видѣли, какъ они съ важнымъ, напыщеннымъ величественнымъ видомъ осматривали аванпосты, не давая даже себѣ труда подняться на воздушномъ шарѣ или послать офицера наблюдать позиціи непріятеля. Мы слышали, какъ они отдавали приказы разбирать мосты, хотя въ виду не было ни одной непріятельской батареи, и какъ они обвиняли своихъ инженеровъ, за то, что они строили слишкомъ узкіе мосты, стѣснительные для атакующихъ колоннъ. Мы съ болью слышали ужасную канонаду при Бурже, гдѣ нѣсколько сотъ несчастныхъ растрѣляли всѣ свои послѣдніе патроны, напрасно ожидая, чтобы «генералиссимусъ» прислать имъ на помощь хотя бы небольшой отрядъ изъ полумеліонной арміи, находившейся подъ его командой! За тѣмъ мы съ изумленіемъ слѣдили за-пресловутымъ «дѣломъ Дрейфуса», въ которомъ сами офицеры доказали намъ, что судебный приговоръ по приказу, интриги въ домахъ терпимости и лжепатріотическія компаніи, нисколько не противорѣчатъ правамъ и понятіямъ о чести въ арміи. Удивительно-ли послѣ этого, что уваженіе къ власти падаетъ или даже обращается въ презрѣніе.

Правда, уваженіе падаетъ, но не то истинное уваженіе, которое человекъ заслужилъ по праву своей самоотверженностью или своими трудами, а то низкое и позорное уваженіе уваженіе раба, которое привлекаетъ толпу зѣвакъ къ мѣсту пріѣзда короля и которое лакеевъ и лошадей важныхъ особъ дѣлаютъ предметами восхищенія. Не только исчезаетъ авторитетъ, но и тѣ, кто всего болѣе претендуетъ на всеобщее уваженіе, сами первые компрометируютъ свою роль сверхъ-человѣческихъ существъ. Въ старину повелители Азіи знали искусство заставлятъ обожать себя. Ихъ дворцы видны были издалека; всюду воздвигались имъ статуи, читались эдикты, но сами они никогда не показывались.

Наиболѣе приближенные изъ ихъ подданныхъ могли предстать передъ ними только на колѣняхъ; и лишь иногда завѣса на половину поднималась, чтобы явить ихъ въ полномъ блескѣ, затѣмъ мгновенно падала, оставляя пораженными величіемъ души тѣхъ, кто лицезрѣлъ ихъ хоть одно мгновенье. Въ тѣ времена, преклоненіе было такъ сильно, что повергало подданныхъ въ состояніе самоуниженія: вѣмой приносилъ осужденному шелковый шнурокъ, и этого было достаточно, чтобы вѣрнопопавшій обожатель немедленно удавился. Къ одному эмиру въ центральной Азійи подданные должны были являться съ головой, склоненной на правое плечо и веревкой на шеѣ, къ концу которой повѣшенъ былъ мечъ, чтобы ихъ повелитель по своему капризу могъ выбрать оружіе и расправиться съ своими рабами.

Тамерланъ, прогуливаясь на верху башни, дѣлаетъ знакъ пятидесяти окружающимъ его придворнымъ и всѣ мгновенно разбѣгаются во всѣ стороны. Что такое въ сравненіи съ ними тамерланы нашихъ дней, какъ не призраки хотя еще и страшные. Ставши при констатации чистой фикціей, институтъ королевской власти утратилъ ту санкцію всеобщаго признанія, отъ которой зависѣло все его значеніе. «Король, вѣра, законъ» — такая старая формула. Но «вѣры» уже нѣтъ, а безъ нея и король и законы превращаются въ пустые призраки. И къ сожалѣнію, если они не уходятъ сами, то необходимо ихъ устранить!..

IX.

Невѣжество уменьшается, и эволюціонисты-революціонеры рассчитываютъ, что въ близкомъ будущемъ власть будетъ направляться знаніемъ. У насъ есть достаточное основаніе быть увѣренными въ лучшемъ будущемъ: несмотря на безконечную сложность явленій, исторія даетъ доказательства, что элементы прогресса берутъ верхъ надъ элементами регресса. Обозрѣвая всѣ факты современной жизни, какъ тѣ, которые свидѣтельствуютъ объ относительномъ упадкѣ, такъ и указывающіе на движеніе впередъ, мы констатируемъ, что эволюція съ каждымъ днемъ приближаетъ насъ къ тому всеобщему перевороту, мирному или насильственному, который принято называть «соціальной революціей», и который будетъ заключаться главнымъ образомъ въ разрушеніи деспотической власти лицъ и вещей и безусловномъ за-

прещениі захвата отдѣльными лицами продуктовъ коллективнаго труда.

Фактомъ величайшей важности является возникновение Интернаціонала. Безъ сомнѣнія, такая международная организація рабочихъ существовала въ зародышѣ уже съ того времени, какъ люди различныхъ національностей, съ глубокой симпатіей и ради общихъ интересовъ, стали помогать другъ другу; теоретически она возникла уже съ того дня, какъ философы XVII вѣка во время революціи провозгласили «права человѣка»; но права эти оставались простой формулой, и собраніе возвѣстившее о нихъ міру, воздержалось отъ проведенія ихъ въ жизнь: оно не смѣло даже отиѣнить рабство черныхъ въ колоніи Санъ-Доминго и уступило только послѣ цѣлаго ряда возстаній, когда только этой цѣной можно было сохранить колонію. Однако, Интернаціоналъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ находился тогда въ процессѣ образованія; сознательное же существованіе онъ ведетъ только со второй половины XIX вѣка, и возникъ онъ въ мірѣ труда: «правящіе классы» были здѣсь не при чемъ. Интернаціоналъ! Со времени открытія Америки и кругосвѣтнаго плаванія не было факта болѣе значительнаго въ исторіи человечества. Колумбъ, Магелланъ, Эль-Капо первые установили матеріальное единство земли; будущее же идеальное единство, о которомъ мечтали философы, начало осуществляться съ того самого дня, какъ англійскіе, французскіе и нѣмецкіе рабочіе, забывъ о національныхъ различіяхъ и понимая другъ друга, не смотря на различіе языка, объединились для того, чтобы образовать свою особую, единую націю, наперекоръ своимъ правительствамъ. Въ началѣ организація имѣла весьма скромные размѣры; едва нѣсколько тысячъ человѣкъ объединилось въ этой ассоціаціи, образовавшей какъ бы первичную кѣтку будущаго человечества, но историки поняли чрезвычайную важность совершившагося событія. И уже въ первые годы существованія международнаго общества рабочихъ, во время парижской коммуны, на прилѣтѣ низверженія Вандомской колонны можно было убѣдиться, что идеи Интернаціонала стали живой дѣйствительностью. Неслыханная ранѣе вещь: побѣжденные съ энтузіазмомъ опрокинули памятникъ былыхъ побѣдъ, не изъ низкокклонства передъ побѣдоносными пришельцами, но для того, чтобы засвидѣльствовать

чувство глубокой симпатіи къ своимъ братьямъ, которыхъ вели противъ нихъ, и чувство негодованія къ начальникамъ и королямъ, обѣихъ странъ, ведшихъ своихъ подданныхъ на бойню. Для тѣхъ, кто съ презрѣніемъ хочегь держаться въ сторонѣ отъ партійной борьбы, созерцая свысока ходъ событій, не было въ этомъ вѣкѣ болѣе внушительнаго знамени времени, какъ это ниспроверженіе императорской колонны!

Съ тѣхъ поръ она возстановлена, точно также, какъ возстановлена была и королевская власть въ Англіи послѣ смерти Карла I и во Франціи послѣ смерти Людовика XVI, но мы знаемъ цѣну такимъ реставраціямъ; ящерицу можно окрасить въ любой цвѣтъ, но при треніи о землю краска съ нея быстро сойдетъ, можно возстановить разрушенный храмъ, но этимъ не воскресить ту вѣру, которая его воздвигла. Прошедшаго нельзя реставрировать, также какъ нельзя избѣжать будущаго. Законы всѣхъ странъ преслѣдовали Интернаціональ. Въ Италіи опъ квалифицировался, какъ «ассоціація злодѣевъ», во Франціи противъ него были изданы «исключительные законы». Членовъ Интернаціонала наказывали тюрьмой и каторгой. Въ Португаліи сурово преслѣдовалось даже произнесеніе ого имени. Жалкая предосторожность! Подъ тѣмъ или инымъ названіемъ интерпаціональная федераціи рабочихъ тѣмъ не менѣе всюду существуетъ и развивается, становясь все болѣе и болѣе могущественной и солидарной. Какая страшная иронія судьбы! Всѣ эти министры, администраторы законодатели и ихъ прислужники легко одурачиваютъ самихъ себя, запутываясь въ своихъ собственныхъ законахъ. Ихъ оружіе едва послужило имъ, какъ уже притупилось, утратило остроту. Они преслѣдовали Интерпаціональ, но не могли уничтожить естественнаго и инстинктивнаго взаимнаго сочувствія между мыслящими рабочими, все болѣе и болѣе соединявшаго ихъ чувства солидарности, все болѣе и болѣе тѣснаго союза ихъ противъ паразитическихъ классовъ и народовъ—угнетателей. Такіе законы дѣлаютъ только смѣшными тѣхъ важныхъ и сановныхъ особъ, которыя ихъ издають. Жалкіе безумцы, вы думаете справиться съ моремъ!

Правда, оружіе, къ которому прибѣгаютъ рабочіе въ своей освободительной борьбѣ, можетъ показаться до смѣшнаго слабымъ, и въ большинствѣ случаевъ оно

дѣйствительно таково. Жалуясь на какую-нибудь вопіющую несправедливость, выражая свою солидарность съ пострадавшимъ товарищемъ, требуя повышенія заработной платы или уменьшенія рабочихъ часовъ, они угрожаютъ своимъ патронамъ бросить работу: какъ плебеи древняго Рима, они бросаютъ свою работу и удаляются на «Авентинскую гору». Ихъ уже не удастся вернуть на работу басней «о членахъ человѣческаго тѣла и желудка», хотя и намъ благомыслящія газеты еще преподносятъ эту аналогію въ подновленной формѣ; теперь стачечниковъ окружаютъ войсками въ полномъ вооруженіи, съ заряженными пушками и держатъ подъ постоянной угрозой разстрѣла; и это называется «охранять свободу труда».

И дѣйствительно, солдаты иногда стрѣляютъ въ стачечниковъ; кровь обганяетъ пороги мастерскихъ и входы въ шахты. Но если оружіе и не пускается въ ходъ, то голодъ не хуже дѣлаетъ свое дѣло: не имѣя никакихъ сбереженій, лишены кредита, рабочіе оказываются передъ лицомъ неумолимой судьбы; поддерживавшее ихъ возбужденіе, внушенное гнѣвомъ и воодушевленіемъ первыхъ дней, скоро проходитъ, и подъ страхомъ смерти имъ приходится уступить, постыдно подчиниться предписаннымъ условіямъ и съ поникшими головами возвратиться въ тѣ самыя копи, которые они еще вчера называли своей каторгой. Понистивъ, борьба неравная: съ одной стороны, капиталистъ, совершенно свободный въ своихъ дѣйствіяхъ, не боящійся за свое благополучіе; булочники и другіе поставщики постоянно толпятся вокругъ него, а солдаты охраняютъ входъ въ его жилище; все могущество государства и даже, въ случаѣ необходимости, помощь со стороны сосѣднихъ государствъ—къ его услугамъ. И съ другой стороны толпа людей съ поникшимъ взоромъ, безъ малѣйшаго проблеска надежды въ будущемъ, сумрачныхъ и голодныхъ, бредущихъ въ ожиданіи чуда!

И однако такое чудо иногда совершается. Какой-нибудь болѣе внимательный къ своимъ рабочимъ хозяинъ иногда привносится въ жертву своими собратьями, не желающими быть солидарными съ нимъ. Другой владѣлецъ завода или мастерской, созная свою явную неправду, уступаетъ голосу совѣсти или, вѣрнѣе, общественному мнѣнію. При небольшихъ стачкахъ, когда дѣло идетъ о незначительныхъ потеряхъ, или когда са-

моллюбіе могущественныхъ финансовыхъ бароновъ отъ этого не страдаетъ, рабочіе одерживаютъ небольшую побѣду; какой-нибудь честолюбивый соперникъ иногда даже не отказывается себѣ въ удовольствіи сыграть дурную игру со своимъ коллегой, ставшимъ на дорогѣ, и смертельно поссорить его съ рабочими. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ дѣйствительно о серьезной борьбѣ, въ которой на карту поставлены огромные капиталы, борьбѣ, требующей крайняго напряженія всей энергіи, тамъ безграничное различіе въ ресурсахъ, которыми располагаютъ борящіеся силы, отнимаетъ у рабочихъ, обладающихъ только мускулами и правотой, всякую надежду на успѣхъ въ борьбѣ съ лагемъ капиталистовъ. Послѣдніе могутъ безконечно расширять свои средства къ сопротивленію, располагая, сверхъ того, всеми ресурсами государства и поддержкой транспортныхъ компаній. Ежегодная статистика стачекъ доказываетъ намъ неопровержимыми цифрами, что такіа неравныя столкновенія чаще и чаще оканчиваются подавленіемъ стачекъ. Стратегія въ войнѣ подобнаго рода въ настоящее время достаточно опредѣлилась: лица, стоящія во главѣ крупныхъ предпріятій и компаній, хорошо знаютъ, что въ подобныхъ случаяхъ они свободно располагаютъ капиталами другихъ такихъ же обществъ, войскомъ и жалкой толпой полуголодныхъ.

Такимъ образомъ историки современной эпохи должны признать, что, въ зависимости отъ условій среды, практика частичныхъ стачекъ, предпринимаемыхъ толпой рабочихъ со сложеными руками, конечно, не представляетъ никакихъ шансовъ привести къ социальному преобразованію. Но слѣдуетъ придавать значеніе не столько дѣйствительнымъ фактамъ, сколько плодотворнымъ идеямъ и тенденціямъ будущихъ событій. И идейное движеніе среди рабочихъ проявляется съ такой силой, которая во много разъ превосходитъ мелкую стачечную борьбу, въ общемъ признающую и, слѣдовательно, поддерживающую институтъ найма, т.-е. подчиненіе рабочихъ работодателямъ. Въ собраніяхъ, гдѣ мысль отдѣльныхъ лицъ слагается въ коллективную волю, увеличеніе заработной платы не провозглашается идеаломъ: на международныхъ конгрессахъ рабочіе всѣхъ странъ единодушно высказываются за захватъ земли, заводовъ и фабрикъ, разсматриваемый уже какъ исходный моментъ новой социальной эры. Въ Англій,

Соединенныхъ Штатахъ, Канадѣ, Австраліи раздается кличъ: «націоналізація земли!» и отдѣльныя коммуны и даже само правительство въ Новой Зеландіи уже сочли за лучшее отчасти уступить народнымъ требованіямъ. И развѣ въ простонародныхъ социалистическихъ пѣсенкахъ и припѣвахъ настойчиво не выражается надежда на присвоеніе всѣхъ продуктовъ коллективнаго труда?

Nègre de l'usine,
Forcat de la mine
Hôte des champs,
Lève—toi, peuple puissant:
Ouvrier, prends la machine!
Prends la terre, paysan! *)

Пробудившееся сознаніе рабочихъ не выливается въ однихъ пѣняхъ. Стачки принимаютъ порой агрессивный, угрожающій характеръ. Это уже не простое проявленіе пассивнаго отчаянія, или шествіе голодныхъ людей, требующихъ хлѣба: нѣтъ, подобныя манифестаціи принимаютъ уже оборотъ, весьма неприятный для капиталистовъ. Развѣ мы не видѣли, какъ рабочіе въ Соединенныхъ Штатахъ въ теченіе 8 дней были хозяевами всѣхъ желѣзныхъ дорогъ Индіаны и части побережья Атлантическаго океана? А во время большой стачки лондонскихъ грузчиковъ и носильщиковъ развѣ всѣ доки не находились фактически въ рукахъ международной толпы рабочихъ, объединившихся въ братскій союзъ? Въ городкѣ Вьеннѣ, близъ Ліона, сотни рабочихъ и работницъ, ткачи шерстяныхъ фабрикъ, сумѣли благородно отпраздновать день 1-го мая, выломавъ ворота одной фабрики не какъ грабители, а какъ судьи: величественно и съ религіознымъ воодушевленіемъ они взяли ими самими вытканный кусокъ сукна длиной болѣе 300 метровъ и спокойно раздѣляли между собой, зная, что на общественной площади въ это время уже стягивались цѣлыя бригады жандармеріи, вызванныя по телеграфу изъ всѣхъ сосѣднихъ городовъ, чтобы атаковать и, можетъ быть, даже стрѣлять въ нихъ: но они знали также, что этотъ актъ захвата фабрики коллективной собственности, захваченной капиталомъ.

*) Фабричный легръ, каторжникъ копей, илоть полей, поднимайся, могучій народъ: рабочій возьми себѣ машину, крестьянинъ возьми себѣ землю!

не будетъ забыть ихъ собратьями по труду и страда-
ніямъ. Они жертвовали собой ради общаго блага, и
тысячи людей покліялись слѣдовать ихъ примѣру. Въ
самомъ дѣлѣ, не открываетъ ли это замѣчательное со-
бытіе новую эпоху въ исторіи человѣчества? Вотъ на-
стоящая революція въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова:
и притомъ, будь сила на ея сторонѣ, она тѣмъ не менѣе
могла бы остаться совершенно мирной.

Весь вопросъ въ томъ, насколько подобныя дѣйствія
осуждаются или оправдываются моралью рабочихъ.
Склоняясь все болѣе къ ихъ оправданію, она создала бы
и соответствующіе факты. Каменщикъ объявить своимъ
выстроенное имъ зданіе, точно также какъ ткачъ взялъ
себѣ вытканную имъ матерію, а земледѣлецъ завладѣть
продуктами сельскаго хозяйства. Таковы надежды ра-
ботника и таковы опасенія капиталиста. И развѣ въ
лагерѣ привилегированныхъ уже не раздавались крики
отчаянія, развѣ они уже не прибѣгали къ крайнимъ
мѣрамъ самозащиты? Такъ, знаменитый заводъ Гомстада
въ Пенсильваніи, выстроенъ, какъ настоящая крѣпость,
по всѣмъ правиламъ современной науки, со всѣми при-
способленіями для защиты и отпора противъ рабочихъ.
На другихъ заводахъ эксплуатируется трудъ арестан-
товъ, охотно поставляемыхъ государствомъ за самую
низкую плату; всѣ усилія инженеровъ направлены къ
примѣненію бездушныя силы машинъ, управляемыхъ
автоматическими движеніями несвободныхъ и оступѣвшихъ
людей. И кто хочетъ быть благоразумнымъ, долженъ
разслаблять и увѣчить себя, содѣйствуя такимъ образомъ
торжеству болѣе ловкихъ и искусныхъ: онъ отступаетъ
передъ трудностями борьбы, которая все-же скоро его
настигнетъ.

Съ того времени, какъ только идея захвата проник-
нетъ во всю массу угнетенныхъ, всякое событіе, даже,
повидимому, самое незначительное, можетъ оказаться
рѣшающимъ толчкомъ къ социальному преобразованію,
совершенно также, какъ одна искра взрываетъ цѣлую
бочку съ порохомъ. И уже были предвѣстники этой
великой борьбы. Такъ, когда въ 1890 г. раздался при-
зывъ къ празднованію «1-го мая», брошенный неиз-
вѣстнымъ лицомъ, можетъ быть, какимъ-нибудь това-
рищемъ-австрійцемъ, мы видѣли, какъ быстро объеди-
нились рабочіе всего міра, воодушевленные одной и той
же мыслью. Въ этотъ день они доказали, что офици-

циально погребенный Интернациональ ожилъ однако—и не по призыву вожакѣвъ, но подъ натискомъ толпы. Ни «мудрые совѣты» социалистовъ по должности, ни репрессивныя мѣры правительства не могли помѣшать угнетеннымъ всѣхъ народностей земного шара сознавать себя братьями и громко заявить объ этомъ всему міру. А между тѣмъ, повидимому дѣло шло о такой невинной и простой вещи, какъ платоническая манифестація, объединяющій лозунгъ, пароль для пропуска! Дѣйствительно, предпринимателями и правительствомъ, при содѣйствіи самихъ вождей социалистическаго движенія, удалось свести этотъ вѣщій призывъ къ ничего незначащей формулѣ. И не смотря на это, этотъ кличъ, этотъ установленный день по своей универсальности получили этическое значеніе.

Всякій другой призывъ—внезапный, произвольный, непредвидѣнный — можетъ привести къ еще болѣе неожиданнымъ результатамъ. Сила вещей, т.-е. совокупность экономическихъ условій, конечно, породить по тому или другому поводу и, можетъ быть, самому незначительному, одинъ изъ тѣхъ кризисовъ, которые воспламеняютъ даже равнодушныхъ, и мы увидимъ, какъ вдругъ забьетъ ключемъ та неистощимая энергія, которая долго накоплялась въ человѣческихъ сердцахъ отъ оскорбленій, наносимыхъ чувству справедливости, отъ неукупленныхъ страданій и неутоленной ненависти. Съ каждымъ днемъ можно ожидать катастрофы. Увольненіе какого нибудь рабочаго, ничтожная стачка, случайное убійство, могутъ послужить поводомъ къ революціи: дѣло въ томъ, что чувство солидарности захватываетъ все большія массы, и всякое мѣстное волненіе грозитъ потрясти все человѣчество. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ по всѣмъ мастерскимъ раздается новый лозунгъ: «всеобщая стачка». Лозунгъ сначала показался смѣшнымъ, его приняли за пустую мечту, химеру, затѣмъ онъ повторился громче, и теперь онъ раздается съ такой силой, что не разъ уже заставляетъ содрагаться капиталистическій міръ. Нѣтъ, общая стачка и я разумѣю подъ этимъ словомъ не простое прекращеніе работы, но грозное требованіе всего, что должно быть достояніемъ рабочихъ, — нѣтъ, осуществленіе ея не невозможно, оно стало неизбѣжнымъ и, можетъ, быть близкимъ.

Англійскіе, французскіе, бельгійскіе, нѣмецкіе, аме-

рикавекіе, австралійскіе наемные рабочіе понимаютъ, что отъ нихъ зависить въ одинъ и тотъ же день отказаться отъ работы на своихъ хозяевъ, захватить заводы и фабрики въ коллективное пользованіе и сознавая или, по крайней мѣрѣ, предчувствуя это сегодня, почему не могли бы они завтра осуществить это, въ особенности, если бы къ стачкѣ рабочихъ примкнули и солдаты? Газеты единодушно и весьма благообразно замалчиваютъ военные бунты и массовые уходы со службы. Консерваторы, рѣшительно игнорирующие факты, несоотвѣтствующіе ихъ желаніямъ охотно склоняются къ мысли, что подобная общественная гнусность невозможна, но массовое дезертирство, частичные мятежи, отказы стрѣлять—факты, часто повторяющіеся въ плохо организованныхъ войскахъ и случающіеся также въ самыхъ прочныхъ военныхъ организаціяхъ. Тѣ изъ насъ, кто помнитъ Коммуну, живо представляютъ себѣ еще и теперь, какъ разоружены были народомъ и легко склонялись на его сторону тысячи солдатъ, оставленныхъ Тьеромъ въ Парижѣ. Когда большинство солдатъ проникнется необходимостью стачки, то рано, или поздно представится возможность осуществленія ея.

Стачка или скорѣе даже только идея стачки, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, приобретаетъ особое значеніе въ особенности тѣмъ, что она вноситъ солидарность въ ряды борцовъ за свои права. Борясь за общее дѣло, они научаются любить другъ друга. Но кромѣ того существуютъ и профессиональныя организаціи, работа которыхъ все въ большей и большей мѣрѣ также содѣйствуетъ соціальной революціи. Правда, такія ассоціаціи, объединеніе силъ пролетаріевъ, земледѣльческихъ или промышленныхъ рабочихъ, встрѣчаются съ очень большими затрудненіями вслѣдствіе недостаточности у нихъ матеріальныхъ средствъ: необходимость заработка, обезпечивающаго существованіе, принуждаетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ покидать родину, чтобы выгоднѣе продать свою рабочую силу, другихъ оставаться на мѣстѣ, соглашаясь на самыя низкія условія, которыя предлагаются нанимателями. Они поработаются всѣми способами и ежедневная работа не оставляетъ времени на размышленія о будущемъ или на свободный выборъ товарищей въ жизненной борьбѣ. Такимъ исключительнымъ образомъ имъ приходится осу-

ществовать сравнительно скромное дѣло, носящее тѣмъ не менѣе по отношенію къ окружающему міру зародыши новой жизни. И дѣйствительно, въ жизни рабочихъ мы наблюдаемъ многочисленные признаки будущей жизни, если условия благоприятствуютъ и если идеи проникли въ социальныя группы, принадлежащія къ привилегированнымъ классамъ.

Насъ часто спрашиваютъ съ сарказмомъ о тѣхъ онытахъ болѣе или менѣе коммунистическихъ ассоціацій, которые уже дѣлались въ различныхъ частяхъ овѣта, и мы плохо бы понимали дѣло, если бы отвѣтъ на такіе вопросы насъ хоть сколько нибудь затруднили.

Дѣйствительно, исторія этихъ ассоціацій гораздо чаще говорить о неудачахъ, чѣмъ объ успѣхахъ. въ этихъ случаяхъ не могло быть иначе, такъ какъ дѣло идетъ о полной революціи, о замѣнѣ труда индивидуальнаго или коллективнаго въ пользу одного—трудомъ всѣхъ для блага всѣхъ. Лица, вступающія въ одно изъ такихъ обществъ, организованное соотвѣтственно новому идеалу, сами еще не вполне освободились отъ предрассудковъ, старыхъ привычекъ, закоснѣлаго атавизма; они еще не «сбросили съ себя ветхаго чловѣка». Въ своемъ «анархическомъ» или «гармоническомъ» мірѣ имъ постоянно приходится бороться противъ тѣхъ разлагающихъ и разъединяющихъ силъ, которыя представляютъ собой привычки, нравы, семейныя связи, всегда очень сильныя, дружба съ льстивыми совѣтани, любовь съ ея дикой ревностью, проявленія суетнаго честолюбія, жажда приключеній, страсть къ перемѣнамъ. Самолюбіе, чувство достоинства могутъ еще нѣкоторое время поддерживать новичковъ, но при первомъ разочарованіи въ нихъ зарождается тайная надежда, что предпріятіе не удастся и они вновь погрузятся въ мятежныя волны внѣшней жизни. Напоминаютъ о попыткѣ поселенцевъ Brook-Town въ Новой Англій, которые, оставаясь вѣрными ассоціаціи только изъ привязанности къ добродѣтели и вѣрности своему первому влеченію, тѣмъ не менѣе мечтали о томъ, что случится пожаръ, который разрушитъ у нихъ общественные дворцы, освободивъ ихъ такимъ образомъ отъ связывающаго ихъ клятвеннаго договора, хотя и не заключеннаго по монашескимъ обрядамъ. Очевидно, ассоціація была осуждена на гибель, хотя бы и не случилось пожара, котораго втайнѣ желали многіе, потому что внутренняя воля членовъ об-

щества находилась въ противорѣчїи съ дѣятельностью ихъ колонїи.

Большинство коммунистическихъ ассоціацій погибло по причинамъ аналогичнымъ, т. е. неприспособленности къ средѣ: онѣ не управлялись, какъ казармы или монастыри, неограниченной волею духовныхъ или военныхъ властей, державшихъ въ безусловномъ повиновенїи подчиненныхъ имъ солдатъ, монаховъ или вѣрующихъ. Съ другой стороны у нихъ не было развито достаточно то чувство глубокой солидарности, которое связано съ уваженіемъ къ другой личности, съ умственнымъ и художественнымъ развитіемъ, съ перспективой широкаго и безконечно развивающагося идеала. Случаи такихъ разногласїй и распадѣній тѣмъ болѣе возможно предвидѣть, что колонисты, увлеченные миражемъ обфтованной земли, направились въ страну, совершенно отличную отъ ихъ родины, гдѣ все казалось имъ чуждымъ, гдѣ приспособленіе къ свойствамъ почвы, климату и мѣстнымъ нравамъ сопряжено было съ величайшими испытанїями Основателя фаланстерїй, сопровождавшіе искорѣ послѣ установленїя второй имперїи Виктора Консидерана по равнинамъ сѣвернаго Техаса, шли на вѣрную неудачу, предполагая поселиться среди народа съ грубыми и жестокими нравами, которые не могли не шокировать утонченныя чувства парижанъ, въ особенности при соприкосновенїи съ такимъ позорнымъ институтомъ, какъ рабство черныхъ, относительно котораго, въ силу мѣстнаго закона, они не могли даже выражать свое мнѣніе. Точно также попытка основать колонїю Фриланда или «свободную землю», предпринятая подъ руководствомъ одного австрійскаго доктора, въ странахъ, извѣстныхъ только по неопредѣленнымъ рассказамъ, и съ трудомъ завоеванныхъ послѣ истребительной войны, могла казаться только смѣшной въ глазахъ историковъ: напередъ нельзя было сомнѣваться, что всѣ эти разнородные элементы не могли объединиться въ гармоническое цѣлое.

Эти неудачи не должны насъ смущать; послѣдовательно повторяясь, онѣ указываютъ на непреодолимое стремленіе соціальной воли. Ни насмѣшки, ни неудачи не могутъ заставить отказаться отъ такихъ попытокъ. Съ другой стороны у всѣхъ на глазахъ прижївъ «кооперативовъ» и другихъ потребительныхъ обществъ, которыя также вначалѣ встрѣчали затрудненїя, а те-

перь въ большинствѣ случаевъ они достигли цвѣтущаго состоянія. Безъ сомнѣнія, большинство такихъ ассоціацій получили очень дурное направленіе, въ особенности наиболѣе процвѣтающія, въ томъ смыслѣ, что достигнутое благополучіе и желаніе увеличить прибыль разжигаютъ корыстолюбіе у членовъ коопераций или, по меньшей мѣрѣ, охлаждаютъ революціонный пылъ молодости. Это наиболѣе угрожающая опасность, такъ какъ человѣческая природа склонна пользоваться малѣйшимъ поводомъ, чтобы избѣжать борьбы, сопряженной съ рискомъ. Легко уйти въ свое «доброе дѣло», избѣгая вмѣстѣ съ тѣмъ тревогъ и опасностей, сопряженныхъ съ преданностью революціонному дѣлу во всей его широтѣ. Говорятъ себѣ, что важнѣе всего способствовать успѣху предпріятія, съ которыми связана коллективная честь столькихъ товарищей, и повемногу вовлекаются въ мелкую практику обыкновенной торговли. Имѣя вначалѣ твердое намѣреніе преобразовать міръ, они невольно превращаются въ простыхъ лавочниковъ.

Тѣмъ не менѣе, серьезные и искренніе анархисты могутъ многому научиться у такихъ кооперативныхъ союзовъ, во множествѣ возникающихъ повсюду, которые соединяются одни съ другими, образуя все болѣе растущій организмъ, захватывающій самыя разнообразныя области: промышленность, транспортъ, земледѣліе, науки, искусства, развлечения; они стремятся даже образовать организмъ, охватывающій производство, потребленіе и ритмъ эстетической жизни. Научная практика взаимопомощи распространяется и облегчается, остается только придать ей ея истинный смыслъ и нравственное значеніе, упростивъ всякій обмѣвъ услугъ, сохраняя только простую статистику производства и потребленія вмѣсто всѣхъ этихъ толстыхъ книгъ съ «приходомъ» и «расходомъ», сдѣлавшихся совершенно бесполезными.

И такой коренной переворотъ не только близокъ къ осуществленію, но мѣстами уже и осуществляется. Однако совершенно излишне приводить примѣры попытки, какъ кажется, все болѣе и болѣе приближающихъ насъ къ нашему идеалу, такъ какъ ихъ шансы на успѣхъ могутъ возрасти только при условіи молчанія и если шумъ рекламы не смущаетъ ихъ скромнаго начала. Вспомните исторію небольшого общества дру-

зей, извѣстнаго подъ именемъ «Монтрейльской коммуны». Маляры, столяры, садовники, экономки, учительницы, соединились съ цѣлью работать только другъ для друга, не давая никакихъ прямыхъ расписокъ и не спрашивая совѣта ни у сборщиковъ податей, ни у сельскихъ нотаріусовъ. Кому нужны были столы или стулья, тотъ бралъ ихъ у своего товарища, который ихъ дѣлалъ; у кого домъ требовалъ окраски, — увѣдомлялъ объ этомъ товарища, и тотъ на слѣдующій же день приходилъ съ кистью и ведромъ съ краской. Въ хорошую погоду граждане развѣшивали для просушки хорошее чистое бѣлье или ради прогулки отправлялись за свѣжими овощами въ товарищу садовнику, и ежедневно мальчуганы учились грамотѣ у учительницъ, членовъ общества. Это было слишкомъ хорошо! Подобный скандалъ надо было прекратить. Кстати, «анархистское покушеніе» испугало буржуазію и у министра, жалкое имя котораго напоминаетъ намъ о «преступныхъ сообществахъ», явилась мысль предложить консерваторамъ, пользуясь благоприятнымъ случаемъ, издать декретъ о массовыхъ арестахъ и обыскахъ. Смѣлые коммунары Монтрейля подошли подъ этотъ декретъ, и наиболѣе виновные, т. е. самые лучшіе, подверглись всѣмъ испытаніямъ, такъ называемаго, секретнаго предписанія.

Такъ была убита маленькая грозная коммуна; но не бойтесь, она оживетъ!

Х.

Мнѣ вспоминается, какъ если бы я еще теперь переживалъ тотъ мучительный часъ моей жизни, когда горечь неудачи смягчалась нѣсколько глубокой мистической, почти бессознательной радостью при мысли, что я поступалъ, слѣдуя голосу сердца и по собственной волѣ, что я былъ самимъ собой, — наперекоръ людямъ о судьбѣ. Съ того времени прошло уже треть вѣка.

Парижская коммуна сражалась съ версальскими войсками; батальонъ, въ которомъ я былъ, попался въ плѣнъ на Шантильонской возвышенности. Это было утромъ; насъ окружалъ кордонъ; солдаты и офицеры, прохаживаясь мимо насъ, насмѣхались и даже оскорбляли насъ: одинъ изъ нихъ, сдѣлавшійся позже безъ сомнѣнія однимъ изъ говоруновъ собранія, ораторствовалъ о безуміи парижанъ; мы были слишкомъ удручены, чтобы слу-

шать его. Другой изъ нихъ, наиболѣе поразившій меня, былъ человѣкъ неразговорчивый, съ угрюмымъ видомъ и фигурой аскета, вѣроятно, деревенскій дворянчикъ, воспитанный иезуитами. Онъ медленно прохаживался по крутому краю плато и его мрачный силуэтъ лежалъ черною тѣнью на свѣломъ фонѣ Парижа. Лучи восходящаго солнца бросали золотые снопы свѣта на дома и куполы церквей: никогда прекрасный городъ, городъ революціи, не казался мнѣ такимъ прекраснымъ! «Видите, вотъ вашъ Парижъ!» сказалъ этотъ мрачный человѣкъ, указывая своей саблей на ослѣпительную картину; «знайте же, отъ него не останется камня на камнѣ!»

Повторяя за своими учителями библейское изрѣченіе, обращенное нѣкогда къ Ниневіи и Вавилону, офицеръ—фанатикъ надѣялся безъ сомнѣнія, что его слова не навясти будутъ пророческими. Однако, Парижъ не разрушенъ; не только уцѣлѣлъ «камень на камнѣ», но и люди, изъ за которыхъ его проклинали—тѣ тридцать пять тысячъ убитыхъ на улицахъ, въ казармахъ и на кладбищахъ погибли не напрасно, и изъ ихъ праха возстали мстители. А сколько новыхъ, такихъ же какъ Парижъ, очаговъ революціи возникло повсюду! Куда бы мы не явились—въ Лондонъ или Брюссель, въ Барселону или Сидней, Чикаго или Буэносъ-Айресъ, вездѣ мы найдемъ друзей, чувствующихъ и думающихъ одинаково съ нами. Подъ великою крѣпостью, построенной наследниками императорскаго и папскаго Рима, почва всюду минирована и всюду можно ожидать взрыва. Найдутся ли еще въ наше время, какъ въ прошломъ вѣкѣ, Людовики XV, настолько же индифферентные, чтобъ, пожимая плечами, сказать: «Послѣ насъ, хоть потопъ!» Сегодня или завтра можетъ разразиться катастрофа. Валтасаръ пируетъ, но знаетъ, что Персы взбираются на городскія стѣны.

Подобно тому, какъ художникъ, постоянно думающій о своемъ произведеніи, создаетъ его цѣликомъ въ головѣ, прежде чѣмъ его написать или нарисовать, точно также и историкъ предвидитъ социальную революцію: для него она уже совершилась. Тѣмъ не мѣнѣе мы нисколько не обольщаемся иллюзіями: мы знаемъ, что окончательная побѣда будетъ стоять намъ еще новыхъ потоковъ крови, новыхъ жертвъ, новыхъ страданій. Интернационалу угнетенныхъ противостоятъ Интернацио-

наль угнетателей. Повсюду организуются синдикаты, чтобы все захватить в свои руки, продукты, прибыль, чтобы создать из всего человечества одну огромную армию наемников. И эти синдикаты миллиардеров и дельцов, обрѣзанных и необрѣзанных, совершенно увѣрены, что благодаря всемогуществу денег, они будут имѣть в своемъ распоряженіи правительства и ихъ орудія репрессіи: армию, суды и полицію. И кромѣ того, они надѣются, что, искусственно вызывая расовую и племенную ненависть, имъ удастся держать эксплуатируемыя массы в невѣжественномъ состояніи слѣпого патриотизма, поддерживающаго рабство. Дѣйствительно всѣ эти старыя язвы, эти традиціи прежнихъ войнъ и надежды на реваншъ, эта иллюзія отечества съ его границами и его жандармами и постоянныя подстрекательства шовинистовъ по ремеслу, солдатъ или журналистовъ, все это предвѣщаетъ еще намъ много страданій, но у насъ есть то преимущество, что насъ нельзя переубѣдить. Наши враги знаютъ, что они преслѣдуютъ дурныя цѣли, а мы знаемъ, что наше дѣло правое, они презираютъ другъ друга, а мы любимъ; они стараются повернуть колесо исторіи, а мы идемъ вмѣстѣ съ ней.

* * *

Великіе дни приближаются. Эволюція совершилась, революція не замедлитъ наступить. Помимо того, не совершается ли она постоянно на нашихъ глазахъ въ видѣ сложныхъ потрясеній?

Сознаніе, представляющее собой инстинную силу, растетъ, ассоціаціи стремятся охватить всѣхъ, рабочіе, составляющіе большинство, все болѣе проникаются сознаніемъ своего значенія, и революція будутъ совершаться все легче и болѣе мирнымъ путемъ. Въ концѣ концовъ всякая оппозиція должна будетъ уступать и уступить даже безъ борьбы. Наступитъ день когда эволюція и революція, непосредственно слѣдуя одна за другой, отъ желанія къ факту, отъ идеи къ ея осуществленію, сольются въ единое и цѣльное явленіе. Такимъ именно образомъ функционируетъ жизнь въ здоровомъ организмѣ, будетъ ли то отдѣльный организмъ, или все человечество.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I.

Всемирная эволюція и частичная революція. Невѣрное пониманіе терминовъ „эволюція“ и „революція“. Эволюціонисты лицемѣрные, робкіе или недальновидные. Эволюція и революція, какъ двѣ послѣдовательныя стадіи одного и того же процесса 3—9

II.

Революціи прогрессивныя и революціи регрессивныя. Сложныя событія одновременно прогрессивныя и регрессивныя. Нельзя приписывать прогрессъ волѣ повелителя или дѣйствию законовъ. Эпоха возрожденія. Реформація. Французская революція. 9—20

III.

Революція бессознательная. Толпа. Революціи сознательныя должны слѣдовать за революціями бессознательными. Дворцовыя революціи. Заговоры партій. Контрастъ между умственной и родовой аристократіей. Политики. . 20—26

IV.

Точное опредѣленіе современнаго общественнаго состоянія. Всемогущество капитала. Поверхностное преобразование учреждений и ихъ фатальный регрессъ. Государство, королевская власть, религія, судъ, армія, администрація. Корпоративный духъ этихъ учреждений. Патріотизмъ, порядокъ, социальный миръ 26—40

V.

Идеаль эволюціонистовъ; дѣли революціонеровъ. Лозунгъ „хлѣба для всѣхъ“. Бѣдность и „законъ Мальтуса“. Достаточность и даже избытокъ средствъ жизни. Идеаль свободы мысли, слова и дѣствія. Анархисты—„враги религіи, семьи и собственности“. 40—49

VI.

Неосковательныя надежды на уступки со стороны капитала. Нравственное паденіе всѣхъ партій, захватывающихъ власть: монархистовъ, республиканцевъ и социалистовъ. Всеобщее избирательное право и фатальная эволюція кандидатовъ въ парламентъ. „Первое мая“. Раздвоеніе партій. 49—60

VII.

Борящіяся силы. Чудовищность средствъ репрессій. Союзъ господъ и слугъ. Отсутствие логики въ дѣйствіяхъ современныхъ правительствъ. „Высшій разумъ“ короля и „право сильного“ 60—70

VIII.

Власть религіознаго фанатизма. Видимые успѣхи церкви, ставшей ослотомъ реакціи; невозможность приспособленія для нея къ новой средѣ. Образованіе народа въ рукахъ враговъ науки, ихъ ученіе о природѣ и обществѣ. Истинная наука и наука официальная. Истинная оцѣнка вещей: паденіе авторитетовъ. 70—82

IX.

Настоящее положеніе и близкое будущее. Возникновеніе Интернаціонала. Стачки. Бессиліе рабочихъ въ борьбѣ съ крупной индустріей посредствомъ частичныхъ стачекъ. Стачка Вьенскихъ ткачей; первая попытка захвата фабрикъ въ коллективную собственность. Всеобщая стачка и стачка солдатъ. Солидарность стачечниковъ. Коммунистическія ассоціаціи. Трудность приспособленія къ новой средѣ. Фаланстеры въ Техасъ и Фриландѣ. Кооперативныя и анархическія ассоціаціи. „Монтрейльская коммуна“. 82—94

X.

Послѣдняя борьба. Мирное разрѣшеніе въ будущемъ двухъ процессовъ—эволюціи и революціи въ анархіи. Законы движенія. 94 —

Представляем Вам наши лучшие книги:

URSS

Мировая история

Красняк О. А. Всемирная история.

Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг.

Генифе П. Политика революционного террора 1789–1794.

Чудинов А. В. (ред.) Французский ежегодник. 2000–2007. Вып. 1–8.

Тихонова Е. В. Этноконфессиональные общины Ирака в годы британского мандата.

Ванина Е. Ю. (ред.) Индия: страна и ее регионы.

Варьяш И. И. Правовое пространство Ислама в христианской Испании XIII–XV вв.

Журавлев И. В. Подготовка воинов Аллаха (VI–XIII вв.).

Макарова И. Ф. Болгарский народ в XV–XVIII вв.

Фрикке В. Кто осудил Иисуса? Точка зрения юриста. Пер. с англ.

Пилат Б. В. Иисус, евреи и раннее христианство.

Пилат Б. В. От Иисуса к Мессии.

Бароха Х. Каро. Баски. Пер. с исп.

Строгонов А. И. Страницы истории Латинской Америки. XX век.

Федосов Д. Г. Андские страны в колониальную эпоху.

Фрумкин К. Г. Пассионарность: Приключения одной идеи.

Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада.

Ольденбург С. Ф. Культура Индии.

Преображенский П. Ф. В мире античных образов.

Преображенский П. Ф. Тертуллиан и Рим.

Преображенский П. Ф. Курс этнологии.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса.

История России и СССР

Степанцев А. Т. История России IX–XVII веков: От Российской государственности до Российской империи.

Кульпин Э. С. Путь России: Генезис кризисов природы и общества в России.

Кульпин Э. С. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства.

Плотников А. Ю. Русская дальневосточная граница в XVIII – первой половине XX в.

Ельянов Е. М. Иван Грозный — создатель или разрушитель?

Ильичев А. Т. Справочник по русской истории. Киевская Русь.

Ильичев А. Т., Ляшенко А. Г. Справочник по русской истории: Южнорусские княжества; Владимирская Русь.

Кистерева С. Н. (ред.) Очерки феодальной России. Вып. 1–8.

Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию.

Робертс Дж. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю.

Калинин Л. А. Интервью со Сталиным.

Барский Л. А. Сталин. Портрет без ретуши.

Сенин А. С. Московский железнодорожный узел. 1917–1922 гг.

Михалева В. М. и др. (ред.) Реввоенсовет Республики. 1920–1923.

Кирьянов Ю. И. и др. (ред.) Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг.

Стигнеев В. Т. Век фотографии. Очерки истории отечественной фотографии.

Хан-Магомедов С. О. 100 шедевров советского архитектурного авангарда.

Представляем Вам наши лучшие книги:

URSS

Социология

Осипов Г. В. Социология.

Осипов Г. В. (ред.) Рабочая книга социолога.

Гидденс Э. Социология. Пер. с англ. Новое 2-е издание.

Бабосов Е. М. Социология: Энциклопедический словарь.

Молевич Е. Ф. Общая социология. Курс лекций.

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования.

Зомбарт В. Социология.

Халтурина Д. А., Коротяев А. В. Русский крест: Факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России.

Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность.

Абрамов Р. Н. Российские менеджеры: социологический анализ становления профессии.

Давыдов А. А. Системная социология.

Немировский В. Г. Российский кризис в зеркале постнеклассической социологии.

Немировский В. Г., Невирко Д. Д. Социология человека.

Здравомыслова О. М. (ред.) Обыкновенное зло: исследования насилия в семье.

Здравомыслова О. М. Семья и общество: гендерное измерение российск. трансформации.

Римашевская Н. М. (ред.) Разорвать круг молчания... О насилии в отношении женщин.

Баскакова М. Е. (ред.) Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики.

Гордон Л. А., Клонов Э. В. Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Т. 1-2.

Дубсон Б. И. Богатство и бедность в Израиле: израильское общество в XXI веке.

Ланин Н. И. (ред.) Социальная информатика: основания, методы, перспективы.

Дороговцев М. Ф. (ред.) Социологи России и СНГ XIX-XX вв. Библиографический справочник.

Фриче В. М. Социология искусства.

Степанов Е. И. Современная конфликтология.

Банькина С. В., Степанов Е. И. Конфликты в современной школе.

Хайтун С. Д. Количественный анализ социальных явлений: Проблемы и перспективы.

Михайлов В. В. Социальные ограничения: структура и механика подавления человека.

Серия «Из наследия мировой социологии»

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.

Тард Г. Происхождение семьи и собственности.

Ковалевский М. М. Современные социологи.

Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности.

Мюллер-Лиер Ф. Социология страданий.

Мюллер-Лиер Ф. Фазы любви.

Летурно Ш. Прогресс нравственности.

Летурно Ш. Социология по данным этнографии.

Спенсер Г. Многомужество и многоженство.

Уорд Л. Ф. Очерки социологии.

Кареев Н. И. Общие основы социологии.

Гойо М. Воспитание и наследственность. Социологическое исследование.

Представляем Вам наши лучшие книги:

URSS

Методология истории

- Дьяконов И. М.* Пути истории. От древнейшего человека до наших дней.
- Оруджев Э. М.* Способ мышления эпохи. Философия прошлого.
- Хвостов В. М.* Теория исторического процесса.
- Хвостов В. М.* Очерк истории этических учений. Курс лекций.
- Репина Л. П.* (ред.) Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 1–24.
- Гринин Л. Е.* Государство и исторический процесс. Кн. 1–3.
- Гринин Л. Е.* Производительные силы и исторический процесс.
- Гринин Л. Е.* Философия, социология и теория истории.
- Гринин Л. Е. и др.* Философия истории: проблемы и перспективы.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю.* (ред.) История и математика. Вып. 1–5.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А.* Законы истории. Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура.
- Коротаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А.* Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны.
- Коротаев А. В.* Социальная история Йемена, X в. до н.э. – XX в. н.э.
- Малков С. Ю.* Социальная самоорганизация и исторический процесс.
- Амосов А. И.* Последствия сверхускорения эволюции экономики и общества.
- Турчин П. В.* Историческая динамика. На пути к теоретической истории.
- Серия «Из наследия мировой философской мысли: социальная философия»
- Курчинский М. А.* Апостол эгоизма. Макс Штирнер и его философия анархии.
- Берг Л.* Сверхчеловек в современной литературе.
- д'Эйхталь Е.* Алексис Токвиль и либеральная демократия.
- Фюлье А.* Современная наука об обществе.
- Фогт А.* Социальные утопии.
- Николаи Г. Ф.* Биология войны. Мысли естествоведа.
- Мегрелидзе К. Р.* Основные проблемы социологии мышления.
- Серия «Академия фундаментальных исследований»
- Тураев Б. А.* Древний Египет.
- Делич Ф.* Библия и Вавилон.
- Хвостов М. М.* История Греции. Курс лекций.
- Аландский П. И.* История Греции.
- Ле Шателье А.* Ислам в XIX веке.
- Остроумов Н. П.* Исламоведение: Аравия, колыбель ислама.
- Погодин А. Л.* Краткий очерк истории славян.
- Кудрявцев А. Е.* Испания в Средние века.
- Афанасьев Г. Е.* История Ирландии.
- Митрофанов П.* История Австрии.
- Тарле Е. В.* История Италии в средние века.
- Лависс Э.* Очерки по истории Пруссии.
- Петрушевский Д. М.* Очерки из истории английского государства и общества.
- Петрушевский Д. М.* Очерки из истории средневекового общества и государства.
- Серебряников В.* Загадочный эпизод Французской революции.

Представляем Вам наши лучшие книги:

URSS

Политология

- Кокошин А. А.* Политология и социология военной стратегии.
- Кокошин А. А.* О стратегическом планировании в политике.
- Кокошин А. А.* О политическом смысле победы в современной войне.
- Кокошин А. А.* Реальный суверенитет в современной мирополитической системе.
- Кокошин А. А.* Заметки о проблеме ядерного терроризма в современной политике.
- Кокошин А. А.* О системно-структурном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям.
- Кокошин А. А.* О революции в военном деле в прошлом и настоящем.
- Кокошин А. А., Богатуров А. Д.* (отв. ред.) Мировая политика.
- Геловани В. А., Пионтковский А. А.* Эволюция концепций стратегической стабильности.
- Алисон Г. Т.* Ядерный терроризм. Самая страшная, но предотвратимая катастрофа.
- Фененко А. В.* Понятие ядерной стабильности в современной политической теории.
- Фененко А. В.* Теория и практика контрраспространения во внешнеполитической стратегии США.
- Фененко А. В.* (ред.) Концепции и определения демократии. Антология.
- Озобищев С. К., Потапов В. Я., Скоков В. В.* Как готовился «асимметричный ответ» на «Стратегическую оборонную инициативу» Р. Рейгана: Велихов, Кокошин и другие.
- Потапов В. Я.* К истории Сарабукского инцидента 2004 года.
- Печуров С. Л.* Англо-саксонская модель управления в военной сфере.
- Печуров С. Л.* Коалиционные войны англо-саксов.
- Соловьев Э. Г.* Трансформация террористических организаций в условиях глобализации.
- Ефимов Н. Н.* Политико-военные аспекты национальной безопасности России.
- Наумкин В. В.* Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов.
- Воскресенский А. Д.* «Большая Восточная Азия».
- Переломов Л. С.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР.
- Шапиро В. Г.* Мораль и бомба: О моральной ответственности ученых и политиков.
- Копонатов С. Н.* Военно-политическая ситуация в современном мире.
- Мусатов В. Л.* Россия и Восточная Европа: связь времен.
- Барский Л. А.* Корни и лики террора. Историко-публицистический детектив.
- Барский Л. А.* Рукописи не горят.
- Петухов В. Б.* Информационный дискурс терроризма в контексте художественной рефлексии.
- Сафронов А. П.* Радикальный популизм и мобилизационное участие.
- Луков В. В.* Международный терроризм: Новые подходы российских ученых.
- Нэбб К.* Радость революции.
- Валлерстайн И.* После либерализма.
- Пугачев В. П.* Управление свободой.
- Серия «Из наследия мировой политологии»
- Черчилль У.* Мировой кризис.
- Ллойд-Джордж Д.* Мир ли это?
- Морлей Д.* О компромиссе.
- Фагэ Э.* Политические мыслители и моралисты первой трети XIX века.

Представляем Вам наши лучшие книги:

URSS

Серия «Синергетика в гуманитарных науках»

- Коротяев А. В., Малков С. Ю.* (ред.) *История и синергетика.* Кн. 1, 2.
Милованов В. П. *Синергетика и самоорганизация.* Кн. 1, 2.
Милованов В. П. *Неравновесные социально-экономические системы.*
Митюков Н. В. *Имитационное моделирование в военной истории.*
Вагурин В. А. *Синергетика эволюции современного общества.*
Назаретян А. П. *Антропология насилия и культура самоорганизации.*
Хищенко В. Е. *Самоорганизация: элементы теории и социальные приложения.*
Буданов В. Г. *Методология синергетики в постклассической науке и в образовании.*
Ельчанинов М. С. *Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна.*
Старостенков Н. В., Шилова Г. Ф. *Российская цивилизация в социальном измерении.*

Серия «Размышляя о марксизме»

- Каутский К.* *Путь к власти; Славяне и революция.*
Каутский К. *К критике теории и практики марксизма («Антибернштейн»).*
Каутский К. *Экономическое учение Карла Маркса.*
Каутский К. *Этика и материалистическое понимание истории.*
Туган-Барановский М. И. *Теоретические основы марксизма.*
Туган-Барановский М. И. *Социализм как положительное учение.*
Славин Б. Ф. *О социальном идеале Маркса.*
Хазанов В. Е. *Основы социального оптимизма.*
Здоров А. А. *Государственный капитализм и модернизация Советского Союза.*
Лозинский Е. И. *Что же такое, наконец, интеллигенция?*
Претель Д. *От философии марксизма-ленинизма к философии Маркса.*
Антонова И. К. *Марксизм вне политики.*
Завалько Г. А. *Понятие «революция» в философии и общественных науках.*
Клоцог Ф. Н. *Социализм: теория, опыт, перспективы.*
Сапега В. М. *Классовая борьба. Государство и капитал.*
Корифорт М. *В защиту философии. Против позитивизма и прагматизма.*
Кедров Б. М. *Единство диалектики, логики и теории познания.*
Юшкевич П. С. *Материализм и критический реализм.*
Богданов А. А. *Краткий курс экономической науки.*
Лафарг П. *Экономический детерминизм Карла Маркса.*
Паришаков Е. А. *Экономическое развитие общества.*

Тел./факс:

(499) 135-42-46,
 (499) 135-42-16,

E-mail:

URSS@URSS.ru

http://URSS.ru

Наши книги можно приобрести в магазинах:

- «Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 625-2457)
 «Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)
 «Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, 780-3370)
 «Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)
 «Дом книги на Ладонской» (м. Бауманская, ул. Ладонская, 8, стр. 1. Тел. 267-0302)
 «Глобус» (м. Университет, 1 гуп. корпус МГУ, комн. 141. Тел. (495) 939-4713)
 «У Невтавра» (РГТУ) (м. Новослободская, ул. Чайнова, 15. Тел. (499) 973-4301)
 «СПб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

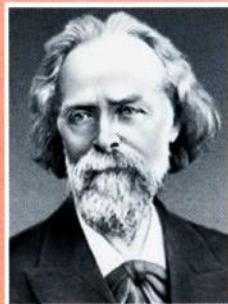
URSS

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

- Боровой А. А.* Анархизм.
Бугера В. Е. Социальная сущность и роль философии Ницше.
Фулье А. Ницше и имморализм.
Бузалин А. В. Ренессанс социализма.
Бузалин А. В. Социальное освобождение и его друзья («Анти-Поппер»)
Бузалин А. В., Колганов А. И. Сталин и распад СССР.
Бузалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал.
Булаева Л. А. Нонконформизм: социокультурный портрет рабочего протеста в России.
Славин Б. Ф. Социализм и Россия.
Никаноров Г. Л. Надрыз: Правда и ложь отечественной истории XX века.
Хорос В. Г., Красильщиков В. А. (ред.) Постиндустриальный мир и Россия.
Кагарлицкий Б. Ю. Реставрация в России.
Бабурин В. Л. Эволюция Российских пространств: от Большого взрыва до наших дней.
Бабурин В. Л. Инновационные циклы в российской экономике.
Келле В. Ж. Инновационная система России: формирование и функционирование.
Горин Д. Г. Пространство и время в динамике российской цивилизации.
Сазонов Б. В. (ред.) Социальные трансформации в России: процессы и субъекты.
Липина С. А. Социо-экономика России переходного периода (1991–2003).
Цельев Р. И., Столповский Б. Г. Социальные трансформации в России. 1992–2004 гг.
Шелейкова Н. И. Перспектива перехода России и человечества к новой парадигме жизнедеятельности.
Гаеров С. Н. Модернизация во имя империи.
Хайтун С. Д. Феномен человека на фоне универсальной эволюции.
Хайтун С. Д. Социум против человека: Законы социальной эволюции.
Якунин В. И. Геополитические вызовы России: Современное транспортное измерение.
Медведев Д. А. Вопросы национального развития России.
 Серия «Будущая Россия»
Осипов Г. В. (отв. ред.) Глобальный кризис западной цивилизации и Россия.
Ильин В. Н. Манифест русской цивилизации.
Малинецкий Г. Г. (ред.) Будущее России. Вызовы и проекты: Экономика. Техника. Инновации.
Малинецкий Г. Г. (ред.) Будущее России. Вызовы и проекты: История. Демография. Наука. Оборона.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
 тел./факс (499) 135-42-16, 135-42-46
 или электронной почтой URSS@URSS.ru
 Полный каталог изданий представлен
 в интернет-магазине: <http://URSS.ru>

Научная и учебная
литература

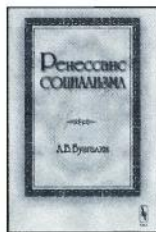

Выдающийся французский географ, социолог и политический деятель, один из теоретиков анархизма. Родился в г. Сент-Фуа-ла-Гранд на юге Франции, в семье протестантского пастора. Учился в протестантской средней школе в Германии, провел один семестр в Берлинском университете. В 1851 г. после прихода к власти Наполеона III был вынужден покинуть Францию. Много путешествовал, работал в Ирландии и в США, около двух лет жил в Южной Америке. В 1857 г. вернулся во Францию и начал работать в издательстве и публиковать статьи в географических журналах. В 1868 г. вместе с М. Бакуниным и Д. Фанелли основал Альянс социалистической демо-

кратии, который в 1869 г. примкнул к Первому Интернационалу. В 1871 г. за участие в Парижской Коммуне приговорен к пожизненному заключению, которое благодаря ходатайству европейских ученых было заменено высылкой из Франции. Участвовал в создании Свободного университета в Брюсселе, а в 1898 г. основал в рамках университета Географический институт. Много работал над фундаментальными трудами «Всеобщая география» и «Человек и Земля», в которых наряду с описанием стран попытался дать общую картину развития человечества.

Будучи самостоятельным мыслителем, врагом религиозных и социальных принуждений, Э. Реклю развил в своих сочинениях идеи, выходящие за рамки чисто географических исследований. По его мнению, в процессе исторического развития изменились отношения человека с природой, а создатели индустриальной цивилизации преобразуют Землю в соответствии со своими потребностями, что нарушает первичную гармонию человека и природы. Необходимо вновь вернуть Земле красоту, познавать ее, руководствуясь принципами любви, а не насильственного преобразования, что возможно только путем воспитания, которое разовьет моральное чувство людей и приведет их к гармонии друг с другом и с природой. Человеческая солидарность, по мнению Э. Реклю, — единственный способ положить конец социальному неравенству, что, в свою очередь, поможет человечеству перейти в своем движении от исторических циклов к подлинной эволюции.

Наше издательство предлагает следующие книги:

6429 ID 81736

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тел./факс: 7 (499) 135-42-16

Тел./факс: 7 (499) 135-42-46

URSS

E-mail:
URSS@URSS.ruКаталог изданий
в Интернете:<http://URSS.ru>